

Московский исламский университет
Нижегородский исламский институт им. Х. Фаизханова

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 3–4 (31–32) 2013

Москва – Нижний Новгород
Издательский дом «Медина»
2013

ББК 65.04+86.38

И 87

Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты: ежеквартальный альманах. Вып. № 3–4 (31–32). — М.–Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. — 94 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Дамир Ваисович Мухетдинов

ректор Нижегородского исламского института имени Х. Фаизханова, доцент ННГУ имени Н. И. Лобачевского, кандидат политических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Виталий Вячеславович Наумкин

директор Института востоковедения Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Алексей Михайлович Васильев

директор Института Африки Российской академии наук, действительный член РАН, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», профессор

Акылбек Ленбаевич Салиев

директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете, чрезвычайный и полномочный посланник Кыргызской Республики, кандидат исторических наук

Александр Алексеевич Князев

директор регионального Филиала российского Института стран СНГ (Институт интеграции и диаспоры) в Бишкеке, доктор исторических наук, профессор

Григорий Григорьевич Косач

профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор исторических наук

Айдар Нилович Юзеев

заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российской академии правосудия, доктор философских наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Айдар Юрьевич Хабутдинов

профессор Казанского филиала Российской академии правосудия, член Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки России, доктор исторических наук

Дамир Зинюрович Хайретдинов

ректор Московского исламского университета, кандидат исторических наук

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакции альманаха.

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Издано при финансовом содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования

ISSN 2074-1529

© Нижегородский исламский институт имени Х. Фаизханова, 2013

© Московский исламский университет, 2013

© Издательский дом «Медина», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Бородай</i> Введение	5
<i>А. Понамарева</i> Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха	8
<i>Д. Сондерс</i> 10 западных мифов о мусульманах	24
<i>С. Ангенендт</i> Мусульмане, интеграция и безопасность в Европе	27
<i>О. Бибилова</i> Мусульмане в странах Старого Света	33
<i>С. Бородай</i> Исламские организации в странах Европы	39
<i>И. Ригони</i> Масс-медиа и мусульмане в Европе	59
<i>Х. Бенек</i> Исламофобия на Западе — игра воображения?	73
<i>Л. Пилгрэм</i> Британские мусульмане: семейное право и гражданственность	76
<i>И. Понкин</i> Мусульманский платок во Франции	81

Islam in Modern Europe

(Contents)

<i>Sergei Boroday</i> Introduction	5
<i>Anastasia Ponamareva</i> European Muslims: progressing factor of anxiety	8
<i>Doug Saunders</i> 10 Myths about Muslims in the West	24
<i>Steffen Angenendt</i> Muslims, Integration, and Security in Europe	27
<i>Olga Bibikova</i> Muslims in European countries	33
<i>Sergei Boroday</i> Islamic organizations in European countries	39
<i>Isabel Rigoni</i> Media and Muslims in Europe.....	59
<i>Hüseyin Benek</i> Islamophobia in the West: Is it figment of imagination?	73
<i>Lisa Pilgram</i> British-Muslim family law and citizenship	76
<i>Igor Ponkin</i> Muslim headscarf in France.....	81

ВВЕДЕНИЕ

С. Бородай

*магистр филологии, младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки
Института востоковедения РАН*

Данный спецвыпуск журнала «Ислам в современном мире» посвящен проблеме европейского ислама, и в нем развивается тематика предыдущего спецвыпуска. Если в предыдущем номере мы сосредоточили внимание на обобщающих работах (демография, интеграция, рынок труда и пр.), то в данном номере был сделан акцент на частных аспектах ислама в Европе. В номере рассматриваются проблемы исламофобии, дебаты вокруг хиджаба, юридические вопросы, мусульманские СМИ, исламские организации и др. Все это позволяет в полной мере оценить многообразие и пестроту феномена европейского ислама. Как и в прошлом спецвыпуске, мы сосредоточили внимание на современных и актуальных работах.

Сборник открывается статьей Анастасии Пономаревой «Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха» (2007). В статье вкратце рассматриваются история и причины появления ислама в Европе, затем дается анализ ситуации в Бельгии, Германии, Франции и Великобритании. После этого российская исследовательница переходит к анализу различных форм исламофобии: от неприятия хиджабов до опасений, связанных с терроризмом. По ее мнению, мусульманские общины Европы воспринимаются автохтонным населением как троянский конь исламского мира, дополнительный козырь в оказании политического давления на европейские государства. Интеграционные сложности, по мнению Пономаревой, связаны с отсутствием активного диалога сторон; все это обуславливает взрывоопасность сложившейся ситуации. Налицо несоответствие декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения населения принимающей стороны. Российская исследовательница считает, что Европу ожидают сложные времена: в ближайшие годы только усилится напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам; все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции; ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. По мнению автора, важнейшей задачей, стоящей сегодня

перед ЕС, является переосмысление внутреннего ислама в направлении восприятия его как потенциального партнера, в том числе по поддержанию стабильности на континенте.

Статья Дуга Сондерса «10 западных мифов о мусульманах» (2012) посвящена бытующим на западе ошибочным представлениям о мусульманских иммигрантах. Автор считает своим долгом опровергнуть ложную идею о том, что мусульмане не способны к интеграции и что они являются носителями идеологии завоевания. Статья представляет собой резюме нашумевшей книги Дуга Сондерса «Миф об исламской волне». Британский исследователь анализирует следующие мифы, касающиеся мусульманской иммиграции: крайне высокий коэффициент фертильности, тяжелые демографические перспективы Европы, архаизм и несовременность ислама, тотальное доминирование религиозности над чувством патриотизма, низкий социальный уровень иммигрантов, озлобленность иммигрантов, поощрение терроризма и др. По мнению Сондерса, требуется более умеренное отношение к новоприбывшим мусульманам, и сложившуюся ситуацию не следует драматизировать.

Работа Стивена Ангенендта «Мусульмане, интеграция и безопасность в Европе» (2007) посвящена проблеме иммиграции и европейской безопасности, а также существующим моделям интеграции мусульман. Автор отмечает, что дискуссии вокруг безопасности сосредоточены на трех основных пунктах: боязнь терроризма, страх за европейское культурное наследие и страх перед дефицитом интеграции. По мнению Ангенендта, у исследователей еще имеются пробелы в информированности об исламском населении, особенно о численности иммигрантов и об их образе жизни. Этот информационный дефицит не позволяет выработать единую политику интеграции и единый концепт интеграции. Автор считает, что три существующие модели — модель гастарбайтеров, модель меньшинств и модель ассимиляции — потеряли доверие у населения, и сейчас Европа интенсивно ищет новые концепции. Дефицит интеграции среди иммигрантов, по мысли Ангенендта, должен быть осознан как основная внутривнутриполитическая проблема Европы. Автор

предлагает четыре возможных модели интеграции, не все из которых, однако, хорошо вписываются в современный контекст. Лейтмотивом статьи является призыв к дальнейшим дискуссиям и работе в данном направлении, ибо отсутствие активности может привести к серьезным социальным потрясениям.

В статье Ольги Бибиковой «Мусульмане в странах Старого Света» (2008) делается попытка дать общий обзор ситуации с европейским исламом. Российская исследовательница вкратце касается проблемы трудовой миграции, а затем переходит к анализу ситуации в Великобритании, Франции и Германии. По ее мнению, в Европе сложилась особая форма ислама: общим для значительной части выходцев из мусульманского мира является повышение уровня самосознания, что предполагает переосмысление традиций собственной культуры; в сложившейся ситуации противоречия между различными направлениями ислама отходят на второй план, в то время как общим знаменателем становится стремление сохранить самые значимые для выходцев из разных мусульманских стран ценности. Бибикова считает, что процесс сближения христианской Европы и мусульманских иммигрантов является неизбежным, поскольку он предопределен экономическими, географическими и иными факторами. Таким образом, ислам сегодня становится внутренним фактором европейской жизни, и с ним надо считаться во всех сферах деятельности общества.

Работа Сергея Бородея «Исламские организации в странах Европы» (2013) посвящена анализу ситуации с исламскими организациями в 22 европейских странах. Автор полагает, что в русскоязычной среде представление об исламских организациях Европы все еще остается смутным и недостаточным. Это тревожная тенденция, поскольку без понимания места исламских организаций в европейской жизни невозможно и понимание европейского ислама. По мнению российского исследователя, именно мусульманские организации являются движущей силой в медленной трансформации европейского общества, они реализуют тот потенциал, который заложен в мусульманских гражданах европейских государств, а также в многочисленных иммигрантах. Автор предлагает рассматривать свой обзор как необходимую базу для дальнейшего углубления в тему; иначе говоря, обзор имеет преимущественно справочный характер. И все же автору удается отметить некоторые тенденции (их стоит рассматривать как предварительные), касающиеся исламских организаций Европы: 1) европейский ислам выглядит полно-

стью дезинтегрированным; изобразить мусульманские организации Европы в качестве единого фронта, выступающего в борьбе за общие принципы или ценности, не представляется возможным; 2) в отдельных странах чаще всего мы имеем дело с многочисленными и не связанными друг с другом мусульманскими организациями; главная причина сложившейся ситуации — это тесная связь современного ислама с этничностью; объединение по этническому принципу настолько сильно, что оно затмевает универсализм ислама и ведет к сектантству; 3) вопреки распространенному мнению, радикальные течения не играют существенной роли в европейском исламе, их удельный вес незначителен; 4) реальная деятельность мусульманских организаций касается образования, воспитания, богослужения и представительства; короче говоря, она в основном связана с тем, чтобы обеспечить мусульманам достойную жизнь и найти им место в европейском обществе; позиция организаций в целом является умеренной и ориентированной на интеграцию, при этом, однако, они не поддерживают ставший модным в последнее время радикальный либерализм европейской политики.

Статья Изабель Ригони «Масс-медиа и мусульмане в Европе» (2009) посвящена описанию мусульманского дискурса в европейских СМИ. Французская исследовательница заостряет внимание на том, как изменилось восприятие ислама в новом политическом контексте, который характеризуется признанием проблемы исламофобии и ориентацией на мультикультурность общества. Она также подробно освещает ситуацию с мусульманскими масс-медиа в Европе, отдельно рассматривает вопрос о феминизации мусульманских СМИ. Акцент в работе сделан на Великобритании, Франции, Италии, Нидерландах и Испании. Хотя доминирующий дискурс об исламе остается негативным в федеральных СМИ, все же, как замечает автор, на всех уровнях ведется активная работа по продвижению более позитивного и реалистичного образа ислама, а также по вовлечению мусульман в данный процесс. В конце XX — начале XXI в. все страны Западной Европы стали свидетелями развития мусульманских СМИ. Большинство таких СМИ представлены веб-сайтами, печатными изданиями и телевидением. По мнению Ригони, эти процессы позволяют говорить о зарождении «новой религиозной публичной сферы», дальнейшее развитие которой связано с конструированием общей идентичности и единого дискурса.

В работе Хусейна Бенека «Исламофобия на Западе — игра воображения?» (2013) рассмат-

ривается распространенное в западных странах стремление популяризовать антиисламскую концепцию. По мнению Бенека, формирование Западом собственной идентичности на основе понимания «свой — чужой» и представление о феномене западной цивилизации, сконструированной на этой основе, — не новое явление. Идея об исламе создавалась через рассказы, романы, эссе, опирающиеся зачастую на случайные сведения, большинство из которых составляли мысли о Востоке на Западе некоторых путешественников, дипломатов, военных. Согласно автору, предвзятая позиция, которую произвело это понимание по отношению к исламскому миру, дошла до наших дней на почве «исламофобии». Это можно отчетливо наблюдать во внешней политике западных государств. Бенек обращает внимание на то, что в то время как в случае смерти западного гражданина все СМИ представляют этот эпизод как важнейшее в мире событие, при гибели десятков тысяч африканцев или мусульман, сообщения об этом не просто отсутствуют, а создается впечатление, что даже замалчиваются. Исламофобия — в определенной степени удел проблемных людей, открытых для ненависти и обвинений. По мнению Бенека, решение проблемы должно быть следующим: необходимо превратить возможности процесса глобализации в благополучие и мир как для «своих», так и для «чужих», однако не с помощью взаимного страха Запада и Востока, ислама и других религий, а с помощью понимания друг друга, признания права каждого на существование.

Статья Лизы Пилгрэм «Британские мусульмане: семейное право и гражданственность» (2012) посвящена проблеме соотношения традиционного британского права и мусульманского семейного права. Исследовательница считает, что единое пространство государственного закона, предусматриваемое западными представлениями о гражданственности, контрастирует с семей-

ным правом британских мусульман, представляющим собой новый гибридный набор правовых практик. Пилгрэм анализирует семейное право британских мусульман, исламские юридические услуги, понимание правовых полей, ориентализм в трактовке исламского права и др. В результате она приходит к выводу о том, что феномен британско-мусульманского права возможен только в случае отказа от ориентализма и от тезиса об онтологической несовместимости двух правовых подходов. Пилгрэм считает, что юридическая практика важнее для правового поля, чем замкнутый на себе анализ абстрактных правовых идей. Поэтому британско-мусульманское семейное право способствует появлению особой гибридной субъектности; руководствующие им юристы, клиенты, ученые и судьи создают тем самым для себя идентичность британских мусульман.

В работе Игоря Понкина «Мусульманский платок во Франции» (2005) представлен подробный анализ проблемы хиджаба во французском обществе. Российский исследователь описывает многочисленные юридические и идеологические тонкости, связанные с ношением хиджаба в светском французском обществе. Рассматриваются правовые акты с 1989 по 2004 гг., а также вскрывается их идеологическая подоплека. Автор приводит тексты соответствующих актов и демонстрирует сложность и неоднозначность данной проблемы. Как показывают недавние исследования, вопрос о ношении знаков религиозной принадлежности все еще является предметом острых дискуссий в Европе.

В данном спецвыпуске мы попытались представить разнообразные мнения о европейском исламе. Разброс мнений и позиций в каком-то смысле отражает сложность самого рассматриваемого феномена. Мы надеемся, что спецвыпуск журнала будет способствовать формированию в русскоязычной среде активного дискуссионного поля по проблеме ислама в Европе.

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ: ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ ФАКТОР СТРАХА ¹

А. Понамарева

кандидат политических наук, научный сотрудник Кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В свое время страны Европы предприняли попытку решить проблему нехватки рабочих рук, возникшую после Второй мировой войны, за счет привлечения мигрантов преимущественно из невоеванных стран и собственных колоний. Таким образом Великобритания стала прибежищем выходцев из Индии и Пакистана; во Франции значительно увеличилось представительство алжирцев и марокканцев; Германия пополнилась мигрантами из Турции, с которой страну связывали союзнические отношения в период Первой мировой войны и нейтрально-доброжелательные практически до конца Второй мировой.

При наличии политического решения прибегнуть к иностранной рабочей силе последовательная политика *интеграции* мигрантов в принимающее сообщество на условиях усвоения его основополагающих норм и ценностей отсутствовала. Переселенческая политика как комплекс взаимосвязанных мер в европейских странах не проводилась, и *официально* они не считались странами иммиграции. Не случайно в их законодательствах понятие «иммигрант» заменялось понятием «иностранец».

Расчет властей на временный² характер въезда *гастарбайтеров* себя не оправдал. Из 20 млн рекрутированных иностранцев домой вернулась только половина. «Мы хотели рабочих, а получили людей», — охарактеризовал итоги миграционной политики 1960-х гг. швейцарский писатель Макс Фриш³. После нефтяного кризиса 1973 г., приведшего к резкому сокращению числа рабочих мест, миграция из решения вопроса нехватки рабочих рук превратилась в про-

блему. Необдуманное действие властей, попытки урегулировать ситуацию в духе *держатъ и не пуцать* дали обратный эффект. Из опасения навсегда потерять возможность вернуться на территории Европы остались *временные* трудовые мигранты преимущественно из мусульманских стран Азии и Африки. С воссоединением семей мигрантов начался процесс формирования анклавов компактного проживания мусульманских общин в Европе. Нет ни одной европейской страны, где бы не действовали или не объединились исламские организации. К настоящему времени, основываясь на одних только количественных показателях (см. *табл. 1*), мы можем смело утверждать, что ислам стал составной частью европейского культурного ландшафта.

Однако в свете терактов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, волнений из-за борьбы с хиджабами во Франции, погромов там же осенью 2005 г. и нарастающей *исламофобии* возникает вопрос, что несут Европе дети и внуки мусульман, составивших большую часть потока трудовых мигрантов 60-х гг. XX в.?

Три поколения — три менталитета

Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием ислама на конституционном уровне и обеспечением условий финансовой и политической независимости их членов. Подобное решение проблемы социокультурной адаптации иноэтничного населения с позиции *laisser faire* обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе представляется возможным говорить о трех поколениях мусульман Европы, и лишь старшее демонстрирует достаточную лояльность по отношению к принимающей стороне.

К первому поколению относятся экономические мигранты, прибывшие в 60-е гг. XX в. на волне деколонизации. На сегодняшний день их возраст составляет около 60 лет. Полностью прой-

¹ Понамарева А. М. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // <http://ecocrisis.wordpress.com/civilization/euromusulman/> (2007).

² Гастарбайтеры привлекались в западноевропейские страны преимущественно на основе двусторонних межгосударственных соглашений и только на временную работу в определенной отрасли. По окончании контракта они были обязаны вернуться на родину.

³ Цит. по: Денисенко Михаил. Изменения в иммиграционной политике развитых стран. *Отечественные Записки*. 2004. № 4. <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=915>.

Таблица 1. Количество мусульман в Европе

Страна	Общее население	Мусульмане	Процент мусульман по отношению к общему населению
Австрия	8.102.600	300.000	3,7
Бельгия	10.192.240	370.000	3,6
Великобритания	55.000.000	1.406.000	2,6
Германия	82.000.000	3.040.000	3,7
Греция	10.000.000	370.000	3,7
Дания	5.330.020	150.000	2,8
Испания	40.202.160	300.000–400.000	0,7–1
Италия	56.778.031	700.000	1,2
Нидерланды	15.760.225	695.600	4,4
Португалия	9.853.000	30.000–38.000	0,3–0,4
Франция	56.000.000	4.000.000–5.000.000	7,1–8,9
Швеция	8.876.611	250.000–300.000	2,8

Источник: Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. EPC Working Paper. 2006, March. № 23. P. 52.

дя U-образную кривую адаптации⁴, они благополучно преодолели первые симптомы культурного шока в силу того, что сам переезд в другую страну воспринимался ими как способ изменения собственного статуса к лучшему. Показательно, что волнения осени 2005 г. в пригородах Парижа не перекинулись на такие страны *новой* иммиграции, как Испания или Италия. Проживающие на их территории молодые выходцы из Марокко не предприняли никаких активных действий в связи с французскими событиями во многом благодаря тому, что являются относительно *новой* иммигрантской группой и как первое поколение иммиграции не претендуют на те блага, которые европейские государства предоставляют своим *кореным* жителям.

Второе поколение мусульман Европы составляют дети первых трудовых мигрантов, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня порядка 30–40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками.

⁴ В теории социологии U-образная кривая адаптации обозначает следующий маршрут адаптации в новой культуре — оптимизм, враждебность (культурный шок), выздоровление (преодоление враждебности), завершенная адаптация.

К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе, являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь воздействию европейских СМИ, они должны были бы проникнуться духом секулярной христианско-иудейской цивилизации Запада. Однако исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме⁵.

Несмотря на все усилия таких институтов социализации, как школа, средства массовой информации и т.д., говорить о совпадении *культурного кода* у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность *молодых*

⁵ Умма — арабское слово, означающее «сообщество» или «нация». В исламе слово «умма» обозначает сообщество верующих (уммат аль-му'минин), то есть весь исламский мир. Фраза «умма ва-хида» («одно сообщество») в Коране обозначает объединенный арабский мир. С другой стороны, в арабском языке слово «умма» также может использоваться в западном значении нации, например аль-умам аль-муттахида («объединенные нации»).

мусульман и препятствует их полноценной интеграции. Растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16–24 лет — по сравнению с их родителями — выявило исследование, проведенное аналитическим агентством *Populus* по заказу общественной организации *Policy Exchange*, близкой к Консервативной партии Британии. Почти треть из 320 тыс. молодых мусульман считает необходимым введение на Британских островах законов шариата. Подобных взглядов в возрастной группе после 55 лет придерживаются около 17%. При этом 84% респондентов заявили, что с ними в Великобритании *обращаются сносно*. Мусульманин, перешедший в другую религию, должен *караться смертью*, заявили 36% опрошенных молодых людей. Мусульман старшего возраста, разделяющих столь радикальные взгляды, существенно меньше — 19%. Наиболее наглядно различие во взглядах детей и родителей проявилось, по мнению авторов доклада, в отношении к хиджабу. 74% молодых приверженцев ислама считают предпочтительным ношение женщинами хиджаба. Среди представителей старшего поколения такой точки зрения придерживаются 28%. 13% мусульманской молодежи заявили, что восхищаются такими организациями, как *Аль-Каида*, — по сравнению с 3% в возрастной группе старше 55 лет. 58% всех опрошенных считают, что многие мировые проблемы являются результатом «наглой западной политики». При этом осведомленность респондентов о происходящем в мире оставляет желать лучшего: лишь один из пяти знает, что Махмуд Аббас является президентом Палестинской автономии. Результаты опроса 1003 представителей мусульманской общины позволили исследователям констатировать «наличие конфликта в британском исламе — между умеренным большинством, которое приемлет нормы западной демократии, и растущим меньшинством с противоположными воззрениями»⁶.

Внутреннее расслоение мусульманских общин по возрастным и этническим показателям не позволяет свести сложившуюся на современном этапе ситуацию к примитивной формуле **мусульмане Европы = насилие + отказ от интеграции**. В глазах *коренного* населения все они, вне зависимости от страны этногенеза, воспринимаются как *мусульмане вообще*. И действительно, в качестве иммигрантов представители афро-азиатских общин образуют квазиэтническую группу, стерж-

нем которой является ислам. Но в рамках диаспоры этническая и земляческая принадлежность оказывается более значимой, нежели конфессиональная. Исследование мусульманских общин с точки зрения потенциала к интеграции требует анализа истории и современного политического контекста взаимодействия каждой общины с принимающим сообществом, с тем пониманием, что *единый мир ислама*, как и *единая Европа*, есть не более чем фигуры речи. Как отметил член верхней палаты парламента Египта (Шуры), старший руководитель политического секретариата правящей Национальной демократической партии Мохаммед Камал в интервью газете *International Herald Tribune*: «Вы не можете говорить о едином мусульманском мире — в силу различий в доходах, уровнях развития. Вы не можете даже сказать, что мусульманский мир в целом находится на задворках цивилизации, эксплуатируется или отстает в развитии»⁷.

Мусульмане Европы — найдите десять отличий...

Бельгия

Первым европейским государством, признавшим ислам в качестве одной из официальных религий, стало Королевство Бельгии (1974 г.). В двух шагах от здания Совета Европы был построен Исламский центр, в стенах которого функционирует мусульманская школа, финансируемая Министерством просвещения. Преподавание основ ислама внесено в школьную программу для мусульман, обучающихся в государственных учебных заведениях. Тем не менее имамы, в отличие от священнослужителей других признанных религиозных конфессий, до сих пор не могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. В январе 2005 г. власти Фландрии издали распоряжение, в соответствии с которым право на общественное финансирование имеют лишь те мечети, чья деятельность отвечает целому ряду критериев, включая обязательное использование голландского языка вне рамок службы, терпимость к женщинам и гомосексуалистам, отсутствие призывов к экстремизму.

⁷ Clash of civilizations?: Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebnem Arsu in Turkey.

⁶ Цит. по: Британская оппозиция вступилась за мусульман. 2007, 28 января. http://www.mignews.com/news/politic/world/280107_135033_74873.html.

Несмотря на то, что в Бельгии действует более 350 мечетей, в институтах гражданского общества мусульмане практически не представлены, они также не имеют собственных правозащитных организаций. Первые выборы в представительный орган — Высший совет мусульман Бельгии состоялись лишь в декабре 1998 г. В последнее десятилетие определенный прогресс был достигнут в области политического представительства мусульман: по итогам выборов 2003 г. шестеро вошли в состав национального парламента, один присоединился к Европейскому парламенту. Они присутствуют во всех министерствах, муниципалитетах и законодательных собраниях страны. Однако считать данных представителей исламского мира выразителями общего мнения мусульман Бельгии нельзя в силу разобщенности последних. «Баунти — черные снаружи, белые внутри»⁸ — так радикально настроенные адепты ислама отзываются о своих более успешных и умеренных в политическом плане собратьях.

Подавляющее большинство мусульман Бельгии — марокканского или турецкого происхождения. Стране принадлежит сомнительный рекорд по наибольшему количеству новообращенных мусульман среди всех государств Европы. В 2006 г. после того, как этническая бельгийка Мэриал Дикук, принявшая ислам, стала первой представительницей Старого Континента, совершившей акт самопожертвования в Ираке, подорвав несколько американских военнослужащих, проблема противодействия исламистской пропаганде вошла в список наиболее актуальных тем бельгийских СМИ⁹.

Наличие нескольких официальных языков, недопущение расселения мусульман по принципу гетто с образованием закрытых кварталов способствуют интеграции мусульманских общин в бельгийское общество. Тем не менее общий уровень нетерпимости к иноэтничному населению остается достаточно высоким. По данным бельгийского неправительственного Центра предоставления равных возможностей и борьбы против расизма, за 2003 г. к ним поступило более 2,5 тыс. жалоб на случаи расовой дискриминации. Отметим также, что в практическом регулировании вопросов гражданства законодательство Бельгии ориентируется на право крови — *jus*

sanguinis, согласно которому основанием для предоставления гражданства служит происхождение.

Германия

Одной из наиболее замкнутых в Европе считается турецкая община Германии. Частично это объясняется историческими причинами: Турция никогда не принадлежала к числу германских колоний, а потому большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что, в свою очередь, снижает вероятность их успешной интеграции.

Принимая иммигрантов в годы послевоенного бума, власти Германии рассматривали их как временных рабочих и высказывали твердое намерение производить замену *гастарбайтеров* каждые шесть лет. От дорогостоящей идеи *ротации кадров* руководству страны пришлось отказаться, *гостевым рабочим* было разрешено привозить за собой свои семьи. Однако вплоть до последнего времени официальные отношения с мигрантами строились в соответствии с тезисом, выдвинутым канцлером Гельмутом Колем: «Германия никого не интегрирует»¹⁰.

Подобное равнодушие со стороны государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т. д., выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе. Организации, подобные сообществу «Милли Герюш», служат не только адаптации, но также консолидации турецкой общины и лоббированию интересов Турции в отношениях с ЕС, в частности, в области ее притязаний на членство в Евросоюзе.

Деятельность такого рода ассоциаций нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они способствуют более активному вовлечению мусульман в общественную жизнь, повышению образовательного и экономического уровней, то есть содействуют интеграции. С другой, навязывают своим членам некую *промежуточную идентичность* немецкого турка, представителя организации, построенной по этническому принципу.

1 января 2000 г. по настоянию канцлера Герхарда Шредера в Германии вступил в силу новый кодекс национальности. С этого времени она может определяться также правом почвы —

⁸ Мусульмане Бельгии: взгляд изнутри. 2006, 29 августа, <http://www.islamnews.ru/news-print-6126.html>.

⁹ Бельгия — рекордсмен Европы по числу принявших ислам. Мусульманский Узбекистан. 2006, 2 марта, <http://muslimuzbekistan.net/ru/islam/maqola/article.php?ID=2976>

¹⁰ Цит. по: Козенко Андрей. Полумесяц над Европой. Веротерпимость как вызов экстремизму. *Российская Газета*. 2006, 1 марта.

jus soli — по месту рождения. Получить общеевропейский паспорт можно, сдав экзамен на знание немецкого языка и отказавшись от прежнего гражданства. Но к этому готовы далеко не все. В турецкой прессе одновременно ведется кампания за вступление Турции в ЕС — и против замены турецких паспортов на европейские. Парадоксально, но по последнему вопросу радикалы с обеих сторон выступают единым фронтом. Исламисты — обвиняя своих единоверцев в отступлении от Корана. Неонацисты — пытаясь защитить *Дойчланд* от исламизации.

Франция

Иные проблемы связаны с алжирской общиной Франции. Среди западноевропейских стран Франция наиболее тесно связана с миром ислама. В 732 г. Карл Мартел сумел остановить продвижение арабов под Пуатье, что не предотвратило расселение мавров вдоль средиземноморского побережья в течение VIII–IX вв. В XI — XIII вв. Франция стояла во главе крестовых походов европейских монархов, а с XV по XVIII столетие с переменным успехом вела борьбу за контроль над Средиземноморьем. Затем последовали: египетский поход Наполеона Бонапарта (1798 г.), захват Алжира (1830 г.), установление протектората над Тунисом (1883 г.), над Марокко (1912 г.) и окончательная колонизация Северной Африки. Накануне Первой мировой войны во Франции проживало около 30 тыс. североафриканцев. Война привела к массовому использованию африканских мусульман на фронте и в тылу (свыше 300 тыс. человек). Вырванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты не отличались строгим соблюдением собственных религиозных обычаев. Достаточно отметить, что первые молельные помещения для мусульман открывались по инициативе нанимателей-хозяев — для поддержания должного *нравственного климата* на предприятиях. В 1917 г. правительство приняло постановление, запрещающее продажу спиртных напитков *колонизальным рабочим*, а в 1918 г. владельцам питейных заведений и вовсе запретили обслуживать выходцев из Северной Африки. Для спасения морали и нравственности в страну были приглашены имамы и талаба (духовные наставники) различных суфийских братств, в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения; были созданы первые крупные мусульманские кладбища. После Второй мировой войны реконструкция и промышленный рост способствовали трудовой иммиграции мусульман. Мусульманское население

метрополии пополнялось преимущественно за счет алжирских иммигрантов. Завоевание Алжиром независимости не отразилось на трудовой миграции алжирцев в бывшую метрополию: Эвианские соглашения 1962 г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром¹¹. События политической истории Алжира явились причиной формирования холодно-равнодушного отношения мигрантов к своей стране, а потому степень их участия в различного рода ассоциациях значительно ниже, чем у выходцев из Турции.

Исламизации Франции способствовало ее либеральное законодательство: до 1993 г. дети иммигрантов, рожденные во Франции, могли автоматически претендовать на гражданство. В 1993 г. закон был ужесточен. Именно на примере этой наиболее *мусульманской* страны Европы особенно ярко проявляется высокая степень влияния внешнеполитического контекста на ход адаптации мигрантов. Начиная с 70-х гг. XX в., в развитии мусульманских общин Франции можно выделить шесть этапов, совпадающих с изменением климата на международной арене.

Первый *этап* охватывает период с начала и до середины 1970-х гг., когда исламские объединения совершали только первые свои шаги. Проживающие в стране мусульмане не проявляли стремления к религиозному самоутверждению. *Экономические* мигранты — в силу того, что осознавали временность своего пребывания в стране; *французы-мусульмане* — поскольку видели в отказе от исламской идентичности залог успешной интеграции в принимающее общество. На внешнеполитической арене также не происходило заметных событий: *политический ислам* еще не вступил в стадию подъема, а в странах Востока социальный протест находил выражение в марксизме и светском национализме.

Второй этап начинается с экономического кризиса 1973 г. Последовавший за ним спад производства вынудил правительство принять решение о прекращении ввоза иностранной рабочей силы во Францию. Намерение властей остановить поток экономической иммиграции привело к обратному результату: численность мигрантов (в том числе мусульман) возросла примерно в полтора раза. Опасаясь навсегда потерять возможность вернуться, в стране остались находившиеся там временные работники. Это породило

¹¹ Ее масштабы больше беспокоили не Париж, а алжирские власти, создавшие специальный орган — ONAMO (Office National de Main d'Oeuvre), контролировавший выезд граждан во Францию.

проблему воссоединения иммигрантов со своими семьями. Отказ французского правительства предоставить им такую возможность вызвал протест со стороны ряда влиятельных организаций, и в 1976 г. власти были вынуждены пойти на уступки. Во второй половине 1970-х гг. воссоединение семей мигрантов обрело массовый характер, а ощущение принадлежности к исламу стало для мигрантов более важным, нежели осознание *исходной* национальной принадлежности, социального статуса и т.д. Повышение интереса к исламской религиозной практике выразилось в стихийном оборудовании молельных помещений в общежитиях, на предприятиях (в частности, на автозаводах *Renault*), а затем и в пригородных рабочих кварталах. При этом администрация нередко оказывала содействие мусульманским активистам, видя в исламе противовес влиянию на рабочих левой агитации.

На рубеже 1970–1980-х гг. — *третий этап* — мусульманский вопрос становится внутренним делом Европы. По итогам Исламской революции 1979 г. в Иране мусульмане Европы попали под *облучение* радикального исламизма как в его суннитском варианте (*Братья-мусульмане* и близкие к ним группы), так и в форме хомейнистского революционаризма. В 1982 г. среди обучающихся в Париже иранских, иракских и ливанских студентов-шиитов возникли два соперничающих течения: одни утверждали общеисламский характер иранской революции, другие воспевали ее как сугубо шиитскую. Группы концентрировались вокруг Иранского культурного центра на улице Жан-Барт, коллективные моления заканчивались жестокими драками между сторонниками и противниками режима Хомейни. Внешнеполитический фон — война в Ливане, захват заложников среди французских граждан — также способствовали формированию негативного стереотипа восприятия ислама как угрозы существованию французского общества. В данном контексте резко возросла популярность правых партий.

Четвертый этап — 1980-е гг. — может быть назван периодом прогрессирующего *офранцузивания* ислама. О себе как о мусульманах все чаще заявляли потомки *харкии беры* — родившиеся во Франции дети магрибских иммигрантов, многим из которых *возврат к исламу* компенсировал неспособность интегрироваться во французское общество. Благодаря проповедям *Джамаат ат-таблиг* по меньшей мере 30 тыс. коренных французов приняли ислам. Сочетая приверженность мусульманской религии с высокой социаль-

ной активностью, они, в отличие от иммигрантов, не имеющих французского гражданства, располагали большими возможностями лоббирования собственных религиозных интересов, в том числе за счет создания избирательных блоков.

В конце 1980-х гг. — *пятый этап* — произошло превращение ислама во *вторую* религию Франции. В стране была сформирована развитая *исламская инфраструктура* в виде мечетей, религиозных ассоциаций, исламских мясных лавок и книжных магазинов, мусульманских кладбищ и т.п. Одновременно среди французских мусульман произошел всплеск исламского фундаментализма, спровоцированный военным переворотом в Алжире и запретом *Фронта исламского спасения*. Перед Францией остро встал вопрос о статусе ислама в государстве, приверженном традициям секуляризма. СМИ бурно обсуждали *дело о платке* (инцидент с недопущением к занятиям двух учениц государственной школы, пришедших на уроки в мусульманских платках) и издание аятоллой Хомейни известной фетвы против британского писателя Салмана Рушди, автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи»¹².

С середины 1990-х гг. начинается современный *шестой этап*, связанный с возрастанием проявлений религиозного экстремизма. В 1994–1996 гг. во Франции произошел ряд терактов, организованных исламскими радикалами. Возросла враждебность французского общественного мнения по отношению к исламу. Стремясь снизить накал страстей, ректор мечети на площади Сталинград в Париже Ларби Кешат в феврале 1997 г. обратился к мусульманам и французам с призывом к взаимопониманию, но это привело только к бомбистской атаке его храма.

Как отмечает известный французский исламовед Оливье Руа, социологический портрет исполнителей подобных терактов однотипен. Террористы — потомки мусульманских иммигрантов во втором поколении, выросшие в неблагополучных районах, франкоговорящие, получившие слабое религиозное образование, окончившие школу, но не сделавшие профессиональной карьеры. Этническое происхождение для них менее значимо, нежели ощущение собственной социальной маргинальности. *Вернувшись к исламу*, они не имеют опыта религиозной практики и сколько-нибудь серьезных познаний в области религии. Соответственно, популярное утвержде-

¹² Руа Оливье. Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы... Перевод: Е. Клокова. *Иностранная литература*. 2006. № 9.

ние об изначальной агрессии, заложенной в ислам, представляется, по меньшей мере, сомнительным. На террористические акты идут отнюдь не практикующие прихожане.

На современном этапе разрозненные общины мусульман Франции концентрируются вокруг следующих организаций: *Соборной парижской мечети*, *Национальной федерации мусульман Франции*, *Федерации исламских организаций*, центра связей *Ислам — Запад*, отделения *Мирового исламского единства*, отделения *Исламской помощи*, *Союза исламских организаций Франции*.

История первых трех из вышеприведенного списка иллюстрирует три наиболее популярных варианта диалога Европы с внутренним исламом.

Соборная парижская мечеть, построенная по инициативе и на средства французского правительства в качестве жеста благодарности солдатам-мусульманам, воевавшим на стороне Франции в Первой мировой, была призвана символизировать открытость Третьей Республики, содействуя укреплению лояльности мусульман. Однако попытка через соглашение с представителями элит прийти к контролю над всеми мусульманами страны успехом не увенчалась. В начале 1980-х гг. после продолжительной юридической борьбы за владение мечетью, развернувшейся между Алжиром (выступающим в союзе с Тунисом и Марокко) и французским правительством, она была передана под контроль Алжира.

Создание *Федерации исламских организаций* было спонсировано Саудовской Аравией. В настоящий момент она объединяет около 150 преимущественно фундаменталистских организаций, а на организуемых ею ежегодных международных конференциях исламские богословы и ученые открыто проповедуют превосходство законов шариата над светским законодательством.

Инициатором создания *Национальной федерации мусульман Франции (НФМФ)* и вовсе был этнический француз — Даниэль Юсуф-Леклерк — интеллектуал, ставший убежденным мусульманином под влиянием проповедей *Джамаат ат-таблиг*. До своего избрания на пост главы *НФМФ*, объединившей на федеративных началах часть исламских ассоциаций, он возглавлял ассоциацию *Тайибат (Благие вещи)*, получившую от *Лиги исламского мира* монопольное право на присвоение категории *халаль* производимым во Франции мясным продуктам, предназначенным к употреблению в мусульманских странах. Пятеро из руководителей *Федерации* являются французами по происхождению. В настоящее время в *Федерацию* входит до ста сорока

мусульманских организаций. В апреле 1992 г. в Париже состоялся съезд *Федерации* под лозунгом «Мусульмане и ЕС». В работе съезда приняло участие 23 тыс. представителей от 190 исламских обществ Англии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии, Ирландии. Участники съезда отметили, что мусульмане Европы являются неотъемлемой частью Европейского Союза, и заявили о том, что терпимость и уважительное отношение к различным религиям помогут сохранению социального мира в Европе. Съезд потребовал возвращения покрывающих голову девушек во французские школы, призвал другие европейские государства признать исламскую религию.

Однако по причине отсутствия какой-либо единой структуры у мусульманских организаций Франции ни одна из них (в том числе и *НФМФ*) не имеет возможности говорить от имени всей общины, а значит, служить посредником между ней и государством. Это во многом объясняет неуспех адаптации мигрантов по французской модели, ориентированной на *групповую* адаптацию.

На современном этапе главной задачей государственной политики Франции в отношении *внутреннего* ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя. Но общий международный фон не благоприятствует ее успешному решению. По мнению Катрин де Ванден, специалиста по иммиграции и директора по научной работе Центра международных исследований (Париж): «Мусульмане ощущают себя обесцененными, в первую очередь, в контексте войны в Персидском заливе. Негативные коннотации, закрепившиеся сегодня за исламом, воспринимаются ими как дополнительное унижение вдобавок к бедности и дискриминации, с которыми многие сталкиваются в повседневной жизни. Отдельные мусульманские страны активно играют на этом, используя факт оккупации Ирака как способ отвлечь внимание от того, насколько плохо обстоит дело с их собственной системой управления. Другой не менее важный фактор — это СМИ. Телевизионные каналы, подобные *Аль Джазире*, для которой характерны сильная мусульманская идентификация и преимущественная концентрация на конфликтах из серии иракского или палестино-израильского, обладают огромным влиянием на восприятие мусульман, что способствует поляризации мнений. Большая часть мусульман придерживается умеренных взглядов, но радикализация среди маргиналов

присутствует, и именно она приковывает к себе внимание»¹³.

Великобритания

Вплоть до взрывов в Лондоне 7 июля 2005 г. одной из наиболее благонадежных считалась мусульманская община Великобритании. История присутствия мусульман на Британских островах насчитывает три столетия и самым тесным образом связана с деятельностью Ост-Индской компании. С середины XIX в., особенно после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, мусульмане, в основном судовладельцы и торговцы из арабских стран (Йемен и Сомали) и Британской Индии, начали компактно селиться на побережье — в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и Кардиффе. Тогда же в Англии появились первые мусульманские мистические и суфийские движения. Но усиленная мусульманская миграция в метрополию началась уже после Второй мировой войны: сначала из Индии, затем из отделившихся от нее Западного и Восточного (нынешний Бангладеш) Пакистана. В 1960-е гг. исламская иммиграция в Британию достигла своего пика и потребовала от правительства принятия трех актов об иммиграции, ограничивавших въезд в страну. В 1970–1980-е гг. численность выходцев с мусульманского Востока в Великобритании росла уже в основном за счет высокой рождаемости мигрантов первого поколения. На современном этапе в Бирмингеме, Манчестере, Ноттингеме, Ливерпуле, Кардиффе существуют целые мусульманские кварталы. В большинстве своем их жители работают мусорщиками, грузчиками, мелкими служащими и торговцами. По данным специальной Комиссии по расовому равноправию, на протяжении 28 лет осуществлявшей мониторинг политики работодателей в отношении этнических меньшинств, за последние годы разрыв между оплатой их труда по сравнению с *коренными* британцами был значительно сокращен¹⁴. Однако дискриминация при найме на работу осталась на прежнем уровне. Для *белого* выпуск-

ника университета вероятность получения места в крупной английской компании в три раза выше, чем для представителя диаспоры. Британцы афро-карибского происхождения в четыре раза чаще своих *белых* сограждан той же квалификации не проходят собеседование при приеме на работу¹⁵. При этом закон предоставляет право обжаловать дискриминационное отношение к себе только тем, кто уже получил место. Для мигрантов-мусульман ситуация представляется даже более сложной. Показателен следующий случай. Вскоре после событий 1990–1991-х гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что принимать мусульман на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968 г. о *равенстве рас* ничего не дал, поскольку мусульмане не являются особой расой¹⁶. Предложенные Комиссией по расовому равноправию меры — поощрение работодателей, ориентирующихся на многонациональный состав сотрудников, вкуче с квотированием рабочих мест по национальному признаку — неприемлемы для английского общества, отличающегося консерватизмом и жесткой стратификацией. Критики системы квот указывают на то, что она противоречит фундаментальным основам западного общества — *свободной конкуренции* — и приводит к появлению группового фильтра с обратным знаком.

Между тем, по данным последней британской переписи населения¹⁷, количество представителей этнических меньшинств, не достигших двадцатипятилетнего возраста, составляет 45%, в то время как аналогичный показатель среди *белого* населения не превышает 35%¹⁸. Можно предположить, что при сохранении существующих тенденций — сокращении *белого* населения трудоспособного возраста на фоне *омоложения* диаспор — работодатели будут вынуждены отказаться от этнических и конфессиональных предрассудков хотя бы по соображениям экономической целесообразности. Но более вероятным выглядит воспроизводство прежней системы скрытого неравенства

¹³ 'Clash of civilizations': Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebnem Arsu in Turkey.

¹⁴ Race discrimination. (Britain's ethnic minorities are paid as much as whites — when they can find jobs). *The Economist* (US). 2004, May 15.

¹⁵ Commission for Racial Equality 2004. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.

¹⁶ Мусульмане на Западе. Сб. статей. Отв. ред. Р.Г. Ланда. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: 2002.

¹⁷ Последняя перепись населения прошла в Великобритании 29 апреля 2001 г.

¹⁸ Population Trends 105, London: Office of National Statistics, Autumn 2005. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.

на новом уровне по правилам «Скотного двора» Джорджа Оруэлла: все равны, но некоторые равнее прочих.

Пока же представители общин все более активно осваивают область малого и среднего бизнеса. По данным международных исследований, этническая экономика Великобритании — это около 250 тыс. фирм и 13 млрд долл. США в казну ежегодно¹⁹. В начале 2006 г. наследник британской короны принц Чарльз подписал меморандум о взаимопонимании между Исламским банком развития (ИБР) и собственной благотворительной организацией *Международный молодежный бизнес*. На проходившей в Лондоне конференции по случаю тридцатилетия ИБР он выразил уверенность в том, что «при поддержке Исламского банка развития наши благотворительные организации смогут умножить усилия по разрешению проблем, с которыми мы сталкиваемся в городах Британии, и предоставить помощь молодым мусульманам, не располагающим достаточной поддержкой со стороны общества, для того чтобы на равных участвовать в жизни страны, содействуя укреплению солидарности и развитию совместной предпринимательской деятельности»²⁰. Создавая фонды, подобные *Международному молодежному бизнесу*, деятельность которого не ограничивается одной лишь Великобританией, но распространяется на Марокко, Египет и Иорданию, власть стремится наладить каналы опосредованного влияния на представителей общин с тем, чтобы в дальнейшем более успешно контролировать их деятельность. Основная трудность при установлении диалога с мусульманскими общинами заключается в том, что умеренных мусульман Великобритании не отличает высокая степень организованности.

Между тем радикально настроенные адепты ислама не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере поддерживают различные происламские общественные организации, в частности, *Исламский культурный центр*, ассоциацию *Мусульманская помощь* в Лондоне, объединение *Исламская помощь* в Бирмингеме. Возглавляет последнюю Гани Аль-Бани, отец которого был казнен за участие в покушении на президента Египта Гамалея Абделя Насера. По сообщениям СМИ, *Исламская*

помощь контролируется и финансируется спецслужбами Великобритании и Саудовской Аравии, а Аль-Бани в сентябре 1997 г. нелегально выезжал в Чечню и встречался там с Асланом Масхадовым.

Еще более активно действуют по всем направлениям: *Федерация студенческих исламских обществ*, *Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы*, *Исламский совет Европы*, *Союз исламской прессы*, *Организация молодых мусульман Соединенного Королевства* и, наконец, *Исламская миссия Соединенного Королевства*. Созданная в 1962 г. под сильным влиянием *Джамаат-и Ислами*, *Исламская миссия* ставит своей целью распространение ислама через налаживание дружеских отношений между мусульманами и немусульманами. Ее центры при крупных мечетях проводят активную политику прозелитизма среди молодежи, распространяя газету *Молодой мусульманин*.

Для координации действий всех вышеперечисленных организаций в 1990 г. было создано *Исламское общество Великобритании*, имеющее свои отделения по всей стране. Около десятка мечетей Великобритании контролируются движением *Ахль-и Хадис*, поддерживающим тесные, в том числе финансовые связи с мусульманами Южной Африки. Позицию ливийской ассоциации *Исламский призыв* выражают относительно маловлиятельные, но все же постоянно действующие в стране отделения *Лиги исламского мира*. Уже упоминавшаяся *Джамаат-и Ислами* предпочитает действовать экономически и идеологически через *Исламский фонд*: в сфере просвещения — через *Мусульманский трест образования*, в сфере пропаганды ислама — через организацию *Даават-уль-Ислам*.

Наличие значительного числа хорошо организованных радикально настроенных мусульманских групп не может не оказывать влияния на внутреннюю политику Великобритании, в особенности в свете того, что сами мусульмане на рубеже 1980–1990-х гг. предприняли шаги сугубо политического характера. В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана *Исламская партия Британии* (ИПБ — *Islamic Party of Britain*). В 1990 и 1992 гг. усилия партии не увенчались успехом, однако позже они завоевали один мандат. К 2001 г. в английском парламенте было уже четыре мусульманина: три члена Палаты лордов и один — Палаты общин. По заявлению лорда-мусульманина Назира Ахмада, на февраль 2001 г. в местных парламентских структурах

¹⁹ Speech by Nigel Griffiths, Small Firms Minister in November 2002. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.

²⁰ A speech by HRH The Prince of Wales at the Islamic Development Bank Conference, Landmark Hotel, Marylebone Road, London, 26 January 2006. Stats Pocket Handbook.

Великобритании работали 160 мусульман²¹. Тем не менее до тех пор, пока в основе системы парламентских выборов в Великобритании лежит мажоритарный принцип, мусульмане не будут иметь шансов на соответствующее их амбициям представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства; к тому же их симпатии делятся примерно поровну между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. Также маловероятно, чтобы программный лозунг с официального сайта ИПБ — «К лучшему будущему с исламом» — привлек на сторону партии *коренных* британцев²².

Несомненным достоинством британской концепции адаптации было и остается внимание к индивиду, умение отстраниться от его групповой принадлежности. Последовательно претворяя в жизнь традиционный принцип *разделяй и властвуй*, британцы демонстрацией внимания к индивиду отрывают его от группы, разрушая последнюю изнутри. В 1997 г. после прихода лейбористов к власти политика взаимоотношений с этническими меньшинствами строилась в духе концепции мультикультурализма. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр принимал участие в церемониях открытия мечетей, религиозных школ, буддистских храмов и т. д.

Однако в свете событий последних лет настроения в обществе и политических кругах изменились. Все больше людей высказываются против разделения страны по религиозному или этническому принципу. *Британство* как альтернатива центробежному этноцентризму представителей диаспор — новая концепция властей. Практическая ценность данной концепции может быть поставлена под сомнение в силу разногласий, существующих между самими *коренными* британцами — шотландцами, валлийцами, жителями Ольстера и англичанами.

Тем не менее не стоит сбрасывать со счетов уже неоднократно оправдывавший себя принцип — *против кого дружим?* Если до 7 июля 2005 г. террор на Британских островах ассоциировался с одной организацией — Ирландской республиканской армией (ИРА), то взрывы в лондонском метро и автобусе, ставшие продолжением терактов, совершенных радикальными исламистами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 11 мар-

та 2004 г. в Мадриде, заставили наиболее непримиримых *европейских террористов* официально сложить оружие. Курс на отказ от террористической деятельности был взят ИРА еще несколько лет тому назад, но взрывы 7 июля позволили лидерам организации сказать *прощай, оружие* открыто, не потеряв при этом лицо. 28 июля 2005 г. ИРА объявила о полном прекращении боевых действий против Великобритании и предложила властям использовать их опыт, оружие и знания в борьбе с исламской угрозой. С учетом того что многие из них проходили практику в подпольных ячейках *Аль-Каиды*, структуру и методы действия исламистов они представляют себе наилучшим образом. Argoros, одновременно с разоружением ИРА в Великобритании в Испании власти приступили к переговорам с руководителями запрещенной в стране баскской партии *Бата-суна*. Во Франции активизировался процесс мирного урегулирования с корсиканскими сепаратистами.

Страхи Европы: от пропаганды хиджабов к пропаганде террора

Европейцев одинаково настораживают как закрытость этнических анклавов мусульман, так и политическая активность представителей диаспор. Мусульманские общины Европы воспринимаются автохтонным населением как *троянский конь* исламского мира, дополнительный козырь в оказании политического давления на европейские государства.

Невозможность попасть в высшие эшелоны власти приводит активных мусульман второго и третьего поколения к формированию альтернативных объединений, в которых тесно переплетаются религиозная и политическая составляющие. Деятельность ассоциаций, подобных *Исламской миссии Соединенного Королевства, Исламскому Совету Европы* (Великобритания), *Союзу исламских организаций Европы* (Германия), *Федерации исламских организаций* (Франция), не ограничивается выполнением культурно-просветительских и гуманитарных функций. Хорошей иллюстрацией того, как декларируемая гражданским обществом Европы свобода слова может быть использована для пропаганды совершенно иных ценностей, служит деятельность *Европейской арабской лиги* (ЕАЛ) в Бельгии.

Организация требует превращения арабов в «равноценный всем остальным самостоятельный этнос»²³. Члены ЕАЛ выступают за араб-

²¹ Тульский Михаил. Ислам в неисламском мире. *Независимая Газета*. 2001, 29 сентября.

²² Официальный сайт Исламской партии Британии, <http://www.islamicparty.com>.

²³ Vision of the AEL. Arab-European League, <http://www.arabeuropean.org/vision.php>.

ский язык в качестве государственного, ислам в роли официальной религии, квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях, и главное, официальное прекращение политики интеграции иммигрантов-мусульман в жизнь Европы. При этом лидер организации Абу Яя призывает своих сторонников к открытой политической конфронтации с официальными властями во имя демократических идеалов.

12 января 2004 г. ЕАЛ заявила, что запрет на ношение мусульманских платков в публичных школах Бельгии является нарушением права на свободу религии, которое гарантирует 18-я статья Всеобщей декларации прав человека. По утверждению ЕАЛ, платки-хиджабы не представляют собой религиозный символ, а лишь являются «частью религиозной практики».

В ответ на публикацию карикатур на пророка Мухаммеда датским изданием *Ютланд-Постен (Jyllands Posten)* ЕАЛ вывесила на своем сайте карикатуры антисемитского толка. Одна из картинок изображала Анну Франк, лежащую в постели с Адольфом Гитлером. Другой рисунок ставил под вопрос факт Холокоста: были изображены двое людей, один ворошит кучу костей и говорит: «Сомневаюсь, что это евреи»; на что второй отвечает: «Нужно как-то получить цифру шесть миллионов»²⁴. В пояснении говорилось, что карикатуры опубликованы с учетом свободы слова в Европе. Этим же ранее объяснялось размещение в газетах карикатур на пророка Мухаммеда. Остается отметить, что вскоре после ответного демарша представителей ЕАЛ сайт организации стал недоступен.

На пресс-конференции, собранной после того, как в СМИ появились выдержки из исследования Марион Ван Сан, рассматривавшей связь между преступностью и этническими происхождением, Абу Яя потребовал отставки министра юстиции Бельгии Марка Фервилгена, по инициативе которого была начата данная работа. Он также предложил фламандским политикам «не рассматривать все через призму таких ошибок природы, как Фламандский Блок». «Хватит занудства об интеграции, — заявил г-н Яя, — давайте рассуждать и мыслить в терминах гражданской позиции: мы требуем обращения как с равными, уважения и практического соблюдения нашего права на труд, на образование и на крышу над головой, непредвзятого применения ко всем одних и тех же законов, не считаясь с расой, религией или куль-

турой. Если мы не будем соблюдать эти права, то бомба замедленного действия в виде 16–17-летних мигрантов, которые не получают никаких дипломов, никакой работы и не имеют никакого будущего, с которыми не обращаются как с равноправными людьми, в один день непременно взорвется»²⁵.

Пример ЕАЛ, активно вербуемой сторонников, в том числе и в молодежной среде Бельгии, говорит нам об опасности развития ситуации по сценарию, предусматривающему временное объединение арабской и европейской молодежи на почве одинаково сильного желания заявить о себе и сломать геронтократическую структуру современной Европы. При том, что стратегические интересы двух данных групп различны, глубокий антагонизм по отношению к системе и правящей верхушке может заставить их воспользоваться одними и теми же методами для реализации своих сугубо тактических целей. По мнению Эммануэля Тодда, ученого, предсказавшего развал Советского Союза задолго до событий августа 1991 г., подобное временное объединение различных в силу исторических и культурных причин, но сходных по социально-экономическим параметрам сил мы и наблюдали во время французских *бунтов на окраинах* 2005 г. «Я считаю достаточно глупым со стороны Николя Саркози настаивать на иностранном происхождении молодых людей, вовлеченных в конфликт, — заметил г-н Тодд в одном из своих интервью. — Я убежден в обратном: это типично французский феномен. Расово смешанные группы молодых людей из Seine Saint-Denis действуют в соответствии с типично французской традицией неожиданного социального взлета. Акты насилия с их стороны свидетельствуют о дезинтеграции африканских семей, обусловленной контактами с французскими ценностями равенства, в частности равенства для женщин. Несмотря на неизбежные проблемы на старте, второе и третье поколение иммигрантов относительно хорошо интегрируются в среду народных масс Франции, а некоторые даже присоединяются к среднему или высшему классу»²⁶.

Однако пока факты опровергают оптимистичные выводы г-на Тодда об успешности интег-

²⁴ Центральный еврейский ресурс sem40.ru 2006, 5 февраля, <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/144768.html?print=1>

²⁵ Бельгия — самая расистская страна Европы. Текст пресс-конференции Европейской арабской лиги по поводу исследования Ван Сан. 2003. Независимый политический еженедельник. *Левый поворот/Левая Россия*, <http://left.ru/2003/10/text86.html>

²⁶ Jerome a Paris. Emmanuel Todd interview on the 'French riots' (full translation), 2005, 13 November. <http://www.dailykos.com/story/2005/11/13/143727/53>.

рации второго и третьего поколения мусульман. Большинство участников террористических атак 11 сентября 2001 г. — эмигранты из арабских стран, прожившие немало лет в Европе. Подлинным шоком для жителей Германии стал тот факт, что следы террористов, совершивших самоубийственное нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне, вели в Гамбург, Франкфурт и другие немецкие города. Большинство обвиняемых в совершении террористических актов 11 марта 2004 г. в Мадриде — молодые мусульмане, принадлежащие далеко не к первому поколению иммигрантов. Терракты, совершенные 7 июля 2005 г. в Лондоне, также были осуществлены молодыми мусульманами, родившимися в Великобритании и являющимися британскими подданными.

До недавнего времени в Лондоне беспрепятственно функционировал британский филиал организации Усамы бен Ладена, а сам ее лидер, прикрываясь суданским паспортом, не раз навещался в британскую столицу и принимал участие в подготовке терактов на территории Египта. При этом британская разведка Ми-5 дважды предотвращала объединение находящихся в подполье сторонников бен Ладена с другими официально действующими исламскими организациями, такими как *Верховный совет исламской революции* в Ираке, *Алжирская исламская священная партия*, а также запрещенными группировками типа ХАМАС²⁷. С бен Ладеном был связан Абу Хамза аль-Масри, то есть скрывавшийся под этим именем 43-летний уроженец Александрии Мустафа Камель, получивший британское подданство, женившись на англичанке. Связанный одновременно с афганскими моджахедами и группировкой *Аль-джихад аль-исламий*, Абу Хамза вернулся в 1994 г. в Лондон (избежав выдачи правительству Египта) из Афганистана через Пакистан и стал издавать бюллетень *Аль-Ансар* от имени алжирской террористической *Вооруженной исламской группировки (ВИГ)*. Проповедуя в одной из мечетей Лондона, он всячески оправдывал массовые расправы *ВИГ* над мирным населением. Тогда же он создал на деньги бен Ладена организацию *Ансар Ашшариа* (Приверженцы шариата) и стал поддерживать исламо-экстремистскую *Армию Адена* в Йемене, куда он отправил своего сына и нескольких арабов — граждан Великобритании и Франции. Когда они были арестованы, Абу Хамза организовал ряд взрывов, от которых погибло 6 йемен-

цев. Самопровозглашенный *главный английский муфтий* Абу Хамза после начала военных действий в Чечне объявил России джихад и открыто заявил, что готовит добровольцев к отправке в Чечню, Иран, Пакистан и Афганистан. В сентябре 1999 г., выступая в мечети, он оправдал взрывы в Москве — но только 6 лет спустя британцы окончательно осознали последствия политики *двойных стандартов*.

Еще в 1998 г. в результате инспекции, проведенной датским Министерством образования, было выявлено пять мусульманских школ, замешанных в перекачивании государственных образовательных субсидий на счета *Ассоциации исламских благотворительных проектов (The Association of Islamic Charitable Projects- A. I. C. P)* в Ливане. В 2001 г. британский специалист по борьбе с терроризмом Рохан Гунарата и его датский коллега Ларе Эрслев Андерсен открыто заявили, что в Дании есть как отдельные личности, так и организации, оказывающие денежную и иную поддержку международным террористам²⁸. Несмотря на то, что впоследствии эти сведения подтвердились, российские публикации на эту тему власти Дании расценили как намеренный информационный выброс, спровоцированный отказом выдать Ахмеда Закаева²⁹.

В 2005 г. по подозрению в подготовке терактов был арестован один из деятелей голландского отделения ЕАЛ — Самир Аззуз (*Samir Azzouz*)³⁰. Впервые власти сделали попытку привлечь Аззуза к ответственности в 2004 г., обнаружив в его доме планы нидерландского парламента, амстердамского международного аэропорта «Схипхол» (*Schiphol*), атомной электростанции «Борсселе» (*Borssele*), а также здания нидерландской Общей службы разведки и безопасности с пометками, касающимися охраны этих объектов и возможных путей отхода. При обыске также были найдены: оружие, химикаты, используемые для приготовления взрывчатки, печатные материалы экстремистского содержания, инструкции по совершению терактов и съемке убийств на видео. Однако суд, сочтя предоставленные доказательства недостаточными, вынес оправдательный приговор Аззузу.

²⁸ Джаниян Сергей. Датский след бен Ладена. *Московские Новости*. 2001. <http://www.mn.ru/print.php72001-39-45>

²⁹ Более подробно о разгоревшемся скандале см.: Джаниян Сергей. Дания признала, что на ее территории базируются террористы. *МН-СОБЫТИЯ*. 2003. № 48.

³⁰ Посакаухин Андрей. Радикальные исламисты из группы Аззуза готовили теракты в Нидерландах. *РИА «Новости»*. 2006, 21 октября, http://www.rian.ru/defense_safety/terror/20061021/55003832.html.

²⁷ Добаев Игорь. Исламисты взрывают Европу изнутри. *Новая Политика*. 2005, 19 декабря.

Вторая попытка ареста оказалась более успешной. В октябре 2006 г. у обвинения появился свидетель, готовый подтвердить связь Аззуза с террористической группой «Хофстад» (*Hofstad*), девять членов которой в марте 2006 г. были приговорены к лишению свободы сроком до 15 лет за принадлежность к террористической организации. Им стал 28-летний житель Гааги Л. Б., имя которого не разглашается по понятным причинам. Долгое время он входил в круг близких к главному обвиняемому лиц. Л. Б. рассказал, что регулярно ездил с обвиняемыми в Брюссель, где на его имя была снята квартира. По его словам, члены группы хотели вербовать там мусульман для участия в джихаде. Как заявляет Л. Б., группа Аззуза активно приобретала оружие и собиралась изготовить пояса шахидов, доставив необходимые для этого материалы из Германии.

По данным Федерального ведомства по охране конституции, в Германии число активистов исламистских организаций составляет около 30 тыс. человек, то есть менее 1 % общего числа немецких мусульман. По оценкам других немецких аналитиков, в ФРГ, где проживает порядка двух миллионов турецких мусульман, более секуляризованных, чем арабы, число готовых к насилию радикалов, тем не менее, достигает трех тысяч человек. В июне 2000 г. немецкая разведка БНД обратила внимание руководства страны на наличие филиалов международных террористических групп в ряде городов ФРГ. Подпольная штаб-квартира исламистов находилась во Франкфурте-на-Майне, одно из конспиративных отделений располагалось в Берлине. К концу 2000 г. они планировали взрыв в Страсбурге (вероятнее всего — здания Европейского парламента). В декабре немецкие спецслужбы обезвредили складе взрывчаткой и арестовали группу террористов. А в мае 2001 г. г-н Эрнст Урлау, координатор деятельности спецслужб в правительстве Герхарда Шредера, заявил, что Германия имеет дело с терроризмом на религиозной основе.

В свою очередь, французские спецслужбы вывели формулу определения численности радикалов в той или иной мусульманской общине. Согласно ей, практически в любой исламской общности носителей экстремистской идеологии насчитывается до пяти процентов. Из их числа примерно три процента готовы к участию в терактах. Это означает, что во Франции проживают примерно 300 тыс. экстремистов и порядка 9 тыс. потенциальных террористов³¹.

³¹ Добаев Игорь. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: компаративистский анализ. Институт религии и политики, <http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3251.html>.

У исламского терроризма существует и другая сторона — это связь с наркомафией и незаконной миграцией. По данным БНД, ежегодная нелегальная иммиграция в ЕС составляет от 200 до 300 тыс. человек, из которых примерно 50 тыс. иммигрантов-мусульман вовлечены в незаконную транспортировку наркотиков³².

Реакция на вызовы исламизма — осознание задач

В конце 1990-х гг. усилиями Центрального разведывательного управления США, израильской внешней разведки Моссад, германской, британской, французской и итальянской спецслужб были обезврежены террористические группы в Албании (1998, 1999 гг.), Великобритании (1998 г.), Германии (1998, 2000, 2001 гг.), Франции (1999 г.), Турции (1999 г.), Италии (2001 г.) и Испании (2001 г.). Однако актуальность проблемы противодействия исламскому экстремизму возрастает с каждым годом, а говорить о выработке единого комплекса совместных мер пока не представляется возможным.

Многочисленные исследования подтвердили, что носителями идей джихада и радикального ислама выступают преимущественно европейские мусульмане, то есть получившие образование, выросшие или даже родившиеся в странах ЕС. Этим феноменом особенно активно занимаются американские политологи (и спецслужбы), озабоченные безопасностью не столько Европы, сколько Америки. Так, согласно данным Центра Никсона, проводившего наблюдение за *моджахедами* в ЕС и США, из 400 обследованных исламистов большинство составляют французские граждане, которых было даже больше, чем саудовцев; число исламистов с британскими паспортами превысило количество граждан других проблемных стран — Судана, Йемена, ОАЭ, Ливана и Ливии вместе взятых. Четверть джихадистов являлись гражданами европейских стран, то есть имели право безвизового въезда в США. Именно последний факт заставляет тревожиться американцев, считающих, что европейцы слишком легкомысленно относятся к существованию неконтролируемых и закрытых мусульманских общин, наделяя их в то же время правами, социальными пособиями и гражданством, то есть проводя политику мультикультурализма³³.

³² Хасанов Марат. Бродит по Европе призрак исламизма. *Континент*. 2002, № 6 (68), 20 марта — 2 апреля, <http://www.continent.kz/2002/06/14.html>

³³ Лейкен Роберт. Разгневанные мусульмане Европы. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, № 6. С. 91.

Почему волки не собаки?

Тот факт, что в Европе сложились столь благоприятные условия для свободной деятельности радикальных исламистов и просто открытых террористов, во многом объясняется либеральным отношением западных властей. В страхе перед *красной угрозой* Запад десятилетиями возвращал исламистов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их против СССР, готовил албанских боевиков против Белграда.

Другой причиной является влияние политических событий в тех странах, из которых прибыли мусульманские эмигранты. Вспышкам исламизма в Европе способствовали военные перевороты (Турция, Алжир), запреты исламистских партий (Египет), обострение ситуации на Ближнем Востоке и т. д.

Немаловажное значение имела целенаправленная деятельность самих исламских организаций, которые в 1980–1990-е гг. стремились сделать религию и религиозно ориентированное восприятие мира привлекательным для мусульманской молодежи в Европе.

Сыграла свою роль и политика *двойных стандартов*. Ряд государств поддерживали или поощряли в своих узко политических целях террористическую деятельность. В разное время к ним относились США со своей слепой поддержкой Израиля; Саудовская Аравия в отношении исламистов; Англия, помогавшая ультрапротестантам в Ольстере; Франция, манипулировавшая баскскими националистами, Пакистан с его поддержкой талибов, кашмирских, сикхских и мусульманских сепаратистов; Индия с ее тамилами и т. д.

Противодействие *недемократичному* режиму Милошевича вылилось в бомбардировки мирных городов и попустительство разнужданым этническим чисткам сербского населения уже со стороны косовских сепаратистов албанцев-мусульман. Почти десять лет назад *Newsweek* с грустью констатировал, что США, Израиль, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия, Кувейт имеют долгую историю непростых отношений с исламскими группами, рассматриваемыми как *террористически* на современном этапе, и «западные народы ничего не имели против экстремизма, откуда он действовал в правильном направлении»³⁴.

Ожидаемые конфликты — катализаторы цепной реакции

Отсутствие активного диалога сторон и провал попыток интеграции мусульман обуславливают взрывоопасность сложившейся ситуации. Налицо несовпадение декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения населения принимающей стороны. По данным социологических опросов, 75% европейцев приветствуют становление мультикультурного сообщества и 86% выступают против любой дискриминации по расовому, культурному или религиозному принципам. При этом треть европейцев признают наличие у себя определенных расовых предрассудков, а подавляющее большинство рассматривает *приезжих* как *паразитов* на теле социального государства и потенциальный источник нестабильности. 63% убеждены в том, что наличие меньшинств увеличивает безработицу. Но те же 63% полагают, что представители меньшинств соглашаются на те виды работ, которые отвергают все остальные. Согласно *Transatlantic Trends Report* за 2005 г., 51% европейцев утверждают, что лично столкнулись с негативными последствиями присутствия иммигрантов и беженцев³⁵.

Очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции. Ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. Приоритетной задачей исламских активистов станет укрепление связи с мусульманским зарубежьем, в том числе с мусульманскими радикальными движениями. Международные исламские организации, рассматривающие мигрантский мусульманский социум в качестве потенциального инструмента влияния на политику европейских стран, продолжат оказывать финансовую и социальную помощь наиболее перспективным в данном контексте представителям общин. С возрастанием понимания важности глобальных коммуникаций как фактора, содействующего укреплению ощущения принадлежности к единой исламской общности у приверженцев данной религии, количество бесплатных интернет-кафе, уже открываемых для прихожан европейских мечетей, заметно

³⁴ Building an Enemy — America, Israel and Arab States Created the Islamic Militants They now Fear. *Newsweek*. 1993. February 15. P. 11.

³⁵ Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. *EPC Working Paper*. 2006, March, № 23. P. 17.

увеличится. Появятся все больше оснований говорить о *дистанционном исламе мусульманской диаспоры*.

Присоединение Турции к Европейскому Союзу откроет шлагбаум для новой волны мусульманской миграции в Германию, что ляжет тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков страны, обеспечивающей львиную долю поступлений в бюджет Евросоюза. С учетом того, что концепция *четырёх общих пространств ЕС*, помимо экономического, включает в себя такие критерии, как внешняя безопасность, правосудие и образование, с вступлением в ЕС мусульманской страны неизбежно встанет проблема *принципиально-го* расхождения образовательных программ. Роль школы как важнейшего института социализации очевидна, как и то, что Турция не согласится на социализацию *по-европейски*. В особенности принимая во внимание отсутствие конкурентоспособной по отношению к национальным программы общеевропейского воспитания. Как отметил пресс-секретарь Еврокомиссии Фредерик Вэнсан: «В Европе нет механизма мониторинга детских и школьных образовательных программ, нет и единых норм в отношении преподавания религий»³⁶.

Жители Европы острее почувствуют свою связь с мусульманскими регионами Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Усилится раздражение в отношении исламского радикализма Афганистана и Центральной Азии, с которым Европа столкнулась, ввязавшись в возглавляемую США антитеррористическую операцию *Несгибаемая свобода*. В качестве обязательного условия приобщения Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана к Европе будет выдвинуто требование большей ответственности правящих кругов бывших советских республик за активность исламистов на подвластных им территориях³⁷.

Более явной станет уже обозначившаяся и общая для Западной Европы тенденция: возрастание популярности правых партий, призывающих к защите традиционных ценностей и противостоянию чужакам-мигрантам. Не случайно в Нидерландах *величайшим голландцем всех времен и народов* был признан Пим Фортейн, политик противоречивой репутации и ярый сто-

ронник ограничения иммиграции и аккультурации представителей других стран в голландское общество. По результатам опроса он опередил отца *независимости Нидерландов* принца Вильгельма Оранского (XVII в.), а также выдающихся художников Рембрандта и Винсента ван Гога. Страх перед *исламской угрозой* оказался настолько велик, что в 2005 г. более пяти процентов евреев Антверпена проголосовали на выборах в парламент за расистскую ультраправую партию *Фламандский блок*, создатели которой сотрудничали с нацистами во время Второй мировой войны. Поводом стало обещание руководителей *Фламандского блока* бороться против наплыва арабов в Бельгию.

Вопрос отношения к проблемам иммиграции явился одним из главных на последних президентских выборах во Франции. Бывший министр внутренних дел (2005–2007, 2002–2004), правопоцентрист Николя Саркози завоевал 53% голосов избирателей, оставив позади кандидатку от Социалистической партии Сеголен Руаяль, получившую 47% голосов. При этом Саркози поддержало значительное большинство избирателей в возрасте 50 лет и старше, а также 63% пенсионеров. Он набрал 82% голосов среди городских рабочих и ремесленников, владельцев магазинов и бизнес-элиты. Социалистов традиционно поддержала молодежь: за Руаяль проголосовали 60% избирателей в возрасте между 18 и 24 годами и 51% — в возрасте между 35 и 49 годами³⁸. Окончательно точки *над i* расставили парламентские выборы, на которых правые партии, в частности, бывшая партия Саркози — *Союз за народное движение*, получили 314 из 577 мест. Подобные результаты можно смело расценивать как мандат на законодательные изменения, предоставленный новому президенту населением Франции. После победы Николя Саркози на президентских выборах во Франции и предшествовавшего тому избрания Ангелы Меркель канцлером Германии в 2005 г. ряд экспертов выразили уверенность в том, что *франко-германская ось*, лежащая в основе Евросоюза, проявит больше заинтересованности в осуществлении совместных с США проектов, в том числе и в области противодействия исламскому экстремизму.

На фоне происходящих изменений обострится внутриобщинный конфликт между сторонниками *евроислама* и охранительной политики: умеренные группы продолжат следовать курсу аккульту-

³⁶ Введенская Анна. Джихад Д'Артаньяна. *Независимая Газета*. 2006, 5 сентября.

³⁷ Малашенко Алексей. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. № 7, 2002. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/wp0702.pdf>

³⁸ Pfaff William. In Sarkolend. The *International Herald Tribune*. 2007, April 13. <http://www.nybooks.com/articles/20254>

рации, постепенного вхождения в принимающую среду при сохранении базовых ценностей ислама; молодые радикалы будут отстаивать свое право полного соблюдения религиозных поведенческих нормативов, использование религии как политического инструмента и возможности пропаганды ислама. Пытаясь пусть формально, но вписать в свой круг мусульманские государства, европейцы должны осознать, что речь идет о странах, в которых «ни государственность, ни оформление механизмов и, тем самым, вся трансформация систем не могут обойтись без учета фактора ислама»³⁹. Кроме западной цивилизации, которая посредством секуляризации оторвалась от христианской Западной Европы эпохи средневековья, все остальные мировые цивилизации определяются через религию. И ренессанс хантингтоновской концепции *столкновения цивилизаций* спровоцирован увеличением количества конфликтов, вытекающих из политизации религии.

В контексте неизбежности мусульманского присутствия в Европе, близости границ с мусульманским миром и неясных перспектив борьбы с международным терроризмом важнейшей задачей, стоящей сегодня перед ЕС, является переосмысление *внутреннего* ислама в направлении восприятия его как потенциального партнера, в том числе по поддержанию стабильности на континенте. Требуется выработать единую концепцию

³⁹ Зайферт Арне К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в евроазиатском регионе. Центр стратегических и политических исследований, 2002. С. 25. http://www.core-hamburg.de/documents/37_WP4_russian.pdf

взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство в рамках ЕС действует, исходя из собственных национальных интересов, по не согласованному с другими плану. Получившиеся *ножницы* не оказывают благотворного влияния на происходящее, дополнительно ослабляя позиции *коренных* европейцев. Социальное государство в Европе возможно, пока существует за счет достаточно молодых и работающих налогоплательщиков, отчисляющих значительные суммы в государственную казну. С этой точки зрения миграцию, как и высокую рождаемость в мусульманских общинах, можно только приветствовать. Однако для того чтобы молодые мусульмане работали на поддержание социально-экономической системы Западной Европы, необходима смена политического курса: переход к политике интеграции, подразумевающей соответствие экономического, культурного и политического уровней процесса встраивания индивида в среду принимающего сообщества. Прогнозирование хода дальнейшей социальной эволюции Европы с необходимостью требует анализа мусульманской составляющей, в первую очередь, с учетом внешнеполитического контекста. Но пока мы не можем исключать повторения серьезных столкновений на религиозной почве в отдельных европейских странах, столкновений, интенсивность которых будет определяться существующим внешнеполитическим фоном, ходом борьбы Запада за нефтяные и прочие ресурсы Востока, уровнем консолидации мусульманского мира.

10 ЗАПАДНЫХ МИФОВ О МУСУЛЬМАНАХ ¹

Д. Сондерс

*корреспондент канадской газеты «Глоб энд мейл», автор бестселлера
«Миф об исламской волне»*

В своей новой книге «Миф об исламской волне» я описываю широко распространенные на Западе ложные представления о мусульманской иммиграции. Я вижу, что, как это раньше было с евреями и католиками, мусульмане воспринимаются как люди, не способные интегрироваться в общество; как быстро воспроизводящаяся сила, проповедующая религию, которая представляет собой скорее идеологию завоевания, чем веру. При помощи самых современных фактов и цифр я демонстрирую гораздо менее тревожную правду о новоприбывших.

Вот 10 стандартных мифов о мусульманах на Западе:

1. Среди исповедующих ислам выше коэффициент рождаемости, чем среди приверженцев другой религии. Они захватят мир своим количеством.

Два поколения назад казалось, что исламским странам грозит бесконтрольный рост населения. Люди говорили об «исламском показателе плодovitости» — в среднем более пяти детей на семью — и предсказывали, что планета запестрит шпилями минаретов.

Сегодня же очевидно, что ислам не связан с ростом численности населения. Просто взгляните на Иран, единственную в мире исламскую теократию, где в 1980-е годы в среднем на семью приходилось семь детей, а сегодня — 1,7. Это — меньше, чем во Франции или Великобритании. Или возьмите Объединенные Арабские Эмираты, там на семью приходится 1,9 ребенка. Или Турцию, в которой уже десять лет правит партия религиозных мусульман: сегодня там — 2,15 ребенка на семью. В Ливане, невзирая на подъем Хезболлы, в среднем на семью приходится лишь 1,86 ребенка (то есть, население будет сокращаться).

В среднем по миру размер средней мусульманской семьи сократился с 4,3 ребенка на семью в 1995 году до 2,9 в 2010 году. Ожидается, что

показатель станет ниже необходимого для роста населения, и размер исламской семьи приблизится к размеру западной семьи к середине века. Это критический признак того, что исламские общества переживают крупную волну модернизации и секуляризации — даже если они при этом продолжают избирать исламистские партии.

2. Иммигранты из мусульманских стран нас поглотят.

Люди смотрят на огромные семьи новых мусульманских иммигрантов и представляют, что их количество возрастет в геометрической прогрессии. Однако это, скорее, иллюзия — так же, как и другие цифры, указывающие на то, что у мусульманских иммигрантов коэффициент рождаемости выше, чем на их родине. Это объясняется тем, что большинство новых иммигрантов рожают большую часть своих детей в годы сразу же после своего приезда. Общий коэффициент рождаемости — определение размера средней семьи — высчитывается при помощи общего числа детей у женщины и распределении их на всю продолжительность ее жизни в детородном возрасте. Потому кажется, что у иммигрантов больше детей, чем на самом деле.

На самом деле размер семей мусульманских иммигрантов быстро приближается к размеру семей средних представителей Запада — даже быстрее, чем это было в случае еврейских или католических иммигрантов в свое время. На настоящий момент мусульмане во Франции и Германии имеют лишь 2,2 ребенка на семью, это чуть превышает средние показатели по странам. И, хотя иммигранты из Пакистана в Британии имеют по 3,5 ребенка, их дочери, рожденные в Британии, имеют лишь 2,5. По всей Европе различие между мусульманским и не-мусульманским коэффициентом рождаемости снизилось с 0,7 до 0,4, и скоро цифры сойдутся по всему континенту.

3. Мусульмане станут большинством в странах Европы.

На самом деле сейчас есть несколько серьезных гипотез на основе тенденций роста населения и уровня иммиграции, которые демонстриру-

¹ *Doug Saunders*. 10 Myths about Muslims in the West // <http://www.amazon.com/The-Myth-Muslim-Tide-Immigrants/dp/0307951170> (09.10.2012)

ют, что мусульманское население Европы растет все медленнее, и что к середине этого столетия, даже если коэффициент иммиграции не сократится, доля мусульман в Европе будет равняться примерно 10% (сейчас она составляет 7%). К тому моменту размер и возрастной состав мусульманских семей будет мало отличаться от средних показателей по Европе.

4. Мусульмане станут господствующей группой «аутсайдеров от культуры» в США.

Несмотря на истерическую риторику Ньюта Гингрича (Newt Gingrich), Мишель Бахманн (Michelle Bachmann) и прочих, мусульмане в Штатах — не просто очень маленькая группа, но одна из наиболее интегрированных социальных групп в стране, особенно если учесть, что 69% американских мусульман — это иммигранты в первом поколении, а 71% этих иммигрантов прибыли после 1990 года.

Сегодня в США — лишь 2,6 миллиона мусульман. К 2030 году их численность вырастет примерно до 6,2 миллиона (потому что мусульмане молоды и плодovиты), к тому моменту мусульмане будут составлять 1,7% населения. То есть, почти столько же, сколько иудеи и принадлежащие к епископальной церкви.

Хотя они в стране новички, американские мусульмане имеют тенденцию быть образованными и успешными в экономическом смысле. У 40% из них есть диплом об окончании колледжа, они — вторая самая образованная группа в стране после евреев, гораздо более образованная, чем американцы в целом. Лишь 29% американцев имеют дипломы о высшем образовании.

5. Мусульманские иммигранты на Западе придерживаются тех же отсталых взглядов, что мусульмане на Ближнем Востоке и в Пакистане.

На самом деле, после переезда мусульмане резко меняют свои культурные взгляды. Например, 62% американских мусульман говорят, что «можно придумать такой способ существования Израиля, который бы учитывал права палестинцев». Это лишь чуть меньше, чем процент полагающих так же американцев — в среднем (67%), и гораздо больше, чем среди ближневосточных мусульман — там с этим утверждением согласны от 20% до 40%.

Схожим образом, 39% американских мусульман и 47% германских мусульман говорят, что терпимо относятся к гомосексуальности. Сравните эти показатели с теми, которые демонстрируют большинство исламских стран. Причем,

цифры растут с каждым поколением иммигрантов. По этим важным вопросам исламские иммигранты быстро приближаются к принятию западных ценностей.

6. Мусульмане-американцы более верны своей религии, чем своей стране.

Это правда, что 49% американцев с мусульманскими корнями говорят, что считают себя «в первую очередь мусульманами, а во вторую — американцами», а 47% утверждают, что по пятницам посещают мечеть. Однако, следует сравнить эту статистику со статистикой по американским христианам, 46% которых говорят, что считают себя «в первую очередь христианами, а затем только американцами» (причем среди приверженцев евангелических церквей эта цифра вырастает до 70%). А 45% американских христиан посещают службу в церкви каждое воскресенье.

Иными словами, мусульмане приняли ровно тот же уровень религиозности, что и люди вокруг в принявшей их стране. То же самое мы наблюдаем и во Франции, где пятая часть мусульман — атеисты, и лишь 5% регулярно посещают мечеть. — Почти такая же статистика, как и среди французских христиан.

7. Бедные мусульмане бегут из перенаселенных стран на Запад.

На самом деле, беднейшие и самые перенаселенные исламские страны дают меньше всего эмиграции — и лишь малая доля этих мигрантов отправляется на Запад. Иммиграция исходит в основном из стран с наименьшим темпом роста населения, и обычно это иммиграция — не в соседние страны.

Мусульмане — далеко не крупнейшая группа иммигрантов, даже в странах, которые непосредственно прилегают к исламскому миру. В Испании, расположенной близко к бедным арабским государствам, лишь 13% иммигрантов являются мусульманами: большинство происходят из испаноговорящих стран по ту сторону Атлантики. В Великобритании мусульманами являются лишь 28% иммигрантов. И не похоже, что эти показатели будут расти.

8. Мусульманские иммигранты злы на окружающее их общество.

На самом деле, мусульманские иммигранты БОЛЕЕ довольны окружающим их миром и его светскими институтами, чем население в целом. Мусульманские иммигранты в США охотнее говорят, что они «удовлетворены своей жизнью»

(84%), чем средний американец — 75%. В случае рожденных в Америке мусульман показатель вырастает до 90%. Даже среди мусульман в кварталах, где в мечети был совершен акт вандализма (участившееся явление), целых 76% опрошенных говорят, что их район — «отличное» или «хорошее» место для жизни.

Это ощущение часто «перерастает» в гордость. Например, 83% британских мусульман говорят, что гордятся быть гражданами Великобритании, сравните с лишь 79% британцев в среднем. Лишь 31% мусульман согласны с тем, что «лучшее у Британии уже позади» — против 45% согласных с этим заявлением британцев.

9. Мусульмане на Западе поощряют терроризм.

Вам, вероятно, будет страшно узнать, что 8% американских мусульман полагают, что удары по гражданским мишеням «часто или иногда оправданы», если цель справедлива, но сравните это с ответом не-мусульман в Америке — 24% из них заявляют, что такие теракты «часто или иногда оправданы».

Это отражено в большинстве крупных опросов. В масштабном исследовании на вопрос «являются ли атаки против мирных граждан морально оправданными», 1% французов, 1% немцев и 3% британцев ответили да; среди мусульман так ответили 2%, 0,5% и 2% соответственно. На вопрос, «оправдано ли применение насилия ради благородной цели», утвердительно ответили 7% фран-

цузов, среди них — 8% мусульман; 10% германцев и менее 2% германских мусульман; 10% британцев и 8% британских мусульман. Может быть, результаты объясняются тем, что 85% жертв исламистского терроризма — мусульмане.

10. Мусульман стало так много, что теперь самое распространенное детское имя в Британии — Мохаммед.

Это правда — но это означает не совсем то, что вы думаете. В 2010 году, если свести вместе все 12 вариаций написания имени исламского пророка, новорожденных называли Мохаммедом гораздо чаще, чем любым другим именем.

Однако это, скорее, следствие моды на имена, чем чего-либо другого. Во множестве различных мусульманских культур ВСЕ новорожденные мальчики получают имя Мохаммед как официальное первое имя. А также среди многих уроженцев Запада, в особенности — белых англосаксов и черных христиан, наблюдался взрыв числа оригинальных имен для младенцев. В 2011 году представители этих групп называли своих детей необычными именами на 50% чаще, чем это было поколение назад.

В результате имя Мохаммед стало именем «номер один», не являясь при этом настолько распространенным — в 2010 году все малыши, названные в честь исламского пророка Мохаммеда, составили лишь 1% от всех британских новорожденных.

МУСУЛЬМАНЕ, ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

С. Ангенендт

Ph. D., профессор Германского института международной политики и безопасности

Большинство европейских стран, особенно с большой долей мусульманского населения, давно ведут дискуссии по поводу интеграции иммигрантов. Однако в настоящее время прения по проблеме интеграции мусульман перешли в новое направление: в дополнение к «традиционным» вопросам социальной маргинализации и дискриминации, ассимиляции и интеграции, все чаще звучат темы внутренней и внешней безопасности.

Эта статья освещает некоторые из этих тем. Она начинается с краткого обзора текущих европейских дебатов по вопросам иммиграции и безопасности. Во второй части затрагивается вопрос о том, почему мы так мало знаем о мусульманах, живущих с нами; при этом отмечается, что это имеет много общего с основными моделями интеграции, характерными для европейских стран. Все эти традиционные модели теперь находятся под «огнем» из-за того, что они дают плохой результат. В третьей части, представлены некоторые ключевые данные по интеграции мусульман. Наконец, будут рассмотрены также некоторые из возможных вариантов, в соответствии с которыми европейские страны могут в будущем интегрировать растущее мусульманское население.

Дискуссия о мусульманах, интеграции и безопасности в Европе.

Существуют, по крайней мере, три разных (хотя они и взаимосвязаны) дискуссионных вопроса по проблеме иммиграции, интеграции и безопасности.

Первый спорный момент относится к миграции и терроризму. На фоне событий 11 сентября 2001 года и того факта, что с точки зрения США эти нападения были совершены иммигрантами, во многих европейских странах имеются опасения, что терроризм уже мигрировал в Европу и будет в дальнейшем проявлять себя здесь. Политической реакцией на эти опасения явилось усиление пограничного контроля и сокращение межгосударственного перемещения из некоторых стран.

При этом как было, так и остается всеобщее недоверие к мусульманам, которые уже иммигрировали, а также увеличение внутреннего контроля за мусульманскими иммигрантами.

Вторая дискуссия ведётся о безопасности, но в широком понимании концепции, включая все аспекты культурной безопасности. Это делается на фоне демографических изменений в Европе (низкая рождаемость и низкая смертность), которые приведут к ее драматическому старению и сокращению населения. Демографический спад в Европе сдвигается по причине иммиграции и сравнительно высокого уровня рождаемости среди иммигрантов, особенно мусульманских иммигрантов. Однако это приводит к увеличению опасений, по крайней мере в странах с большим мусульманским населением, что быстро растущее мусульманское меньшинство может изменить этнический состав страны, привести к этнической неоднородности, и, таким образом, может угрожать национальной идентичности.

Наконец, третий спорный момент представляет собой комбинацию первых двух. Акцент здесь сосредоточен на реальном или мнимом дефиците, которым характеризуется интеграция мусульманских иммигрантов, в том числе на их чувстве маргинализации или отсутствия реального шанса в Европе. Страх немусульманского большинства заключается в том, что это чувство отторжения и отсутствия принадлежности может привести к дальнейшей изоляции этих иммигрантов, к созданию этнических анклавов или, так называемых, *Parallelgesellschaften* («параллельных обществ»); оно также может привести к большей политической радикализации, к распространению воинствующего исламизма, и к новому «доморощенному» терроризму. Этот аргумент также продвигают некоторые американские эксперты по безопасности, в том числе Роберт Лейкин из Фонда Никсона. Они утверждают, что европейцы должны проявлять гораздо большую активность в содействии интеграции иммигрантов-мусульман, потому что, в противном случае, они будут косвенно способствовать международному терроризму.

Очевидно, важно проделать более точное «картирование» мусульманского населения

¹ *Angenendt S. Muslims, Integration, and Security in Europe // Angenendt S., Barrett P., Laurence J. et al. (eds.). Muslim Integration: Challenging Conventional Wisdom in Europe and the United States, Center for Strategic and International Studies, 2007 (pp. 45–52).*

Европы, чтобы получить реальное представление о демографических тенденциях, а также о социальной и культурной интеграции. Но, к сожалению, и это главный тезис настоящей работы, у нас все еще имеются серьезные пробелы в информации о нашем мусульманском населении, особенно в отношении, по меньшей мере, двух аспектов.

Во-первых, это отсутствие важных сравнительных данных о миграции. Большинство данных, в том числе доля мусульманского населения, основаны только на субъективных оценках. В некоторых европейских странах, статистика миграции не берёт в расчет религию. Кроме того, методы сбора данных и поиска источников варьируется от страны к стране. Известно, что некоторые официальные статистические материалы основаны на процедуре местной регистрации, другие — на притоке и оттоке на границах страны. Данные о натурализованных иммигрантах зачастую полностью исчезают из официальной статистики, а в некоторых странах гражданство предоставляют на основе *ius soli*, или права рождения, следовательно новорожденные дети иммигрантов отсутствуют в статистике.

Во-вторых, знание об условиях жизни мусульман в Европе является довольно отрывочным. Имеются — по крайней мере, в некоторых европейских странах — многочисленные эмпирические исследования изолированных аспектов интеграции, но нет никаких повторных исследований, которые могли бы предоставить надежную картину того, как работает интеграция (например, интеграция на рынке труда).

Основная причина дефицита этих знаний заключается в том, что нужда в интеграционной политике пока не осознана ни теми, кто принимает решения, ни широкой общественностью в целом. Хотя материалы и исследования постоянно увеличиваются, Европа все еще далека от широкого политического консенсуса по поводу важности интеграционной политики. Не существует консенсуса и в отношении конечной цели интеграции: что означает интеграция? Что такое успешная интеграция? И какое общество мы хотим видеть через 50 лет, с какой степенью этнического и культурного разнообразия?

Модели интеграции.

Данные вопросы имеют решающее значение для стран с быстрорастущим этническим и культурным составом. Но мы сейчас гораздо дальше от решения этих вопросов, чем были два десятилетия назад, потому что основные модели, которые мы использовали в течение последних 20 лет, находятся под давлением. Вообще, в европейских

странах были использованы три основные модели: модель гастарбайтеров, модель меньшинства и модель ассимиляции.

Эти «традиционные» модели интеграции потеряли доверие населения. Во всех основных принимающих странах — будь то Германия, Нидерланды, Франция или Великобритания — результаты интеграции иммигрантов в настоящее время считаются неудачными, и уже начались интенсивные поиски новых концепций и моделей.

Модель гастарбайтеров родилась в 1950-х и 1960-х годах, когда после Второй мировой войны европейские страны стагнировали и было мало рабочих рук. Эта модель была основана на идее, что мигранты приедут, чтобы заполнить дефицит на рынке труда, и что они вернуться на родину по истечении определенного времени — два или три года — сохранив часть своих доходов. Классическим примером является программа привлечения гастарбайтеров в Западной Германии с 1955 до 1973 года. Немецкие работодатели принимали на работу — при активной поддержке немецких властей — квалифицированных и неквалифицированных рабочих, сначала из Италии, а затем из Турции и других стран юго-восточной Европы.

Одной из основных характеристик этой политики было убеждение, что в интеграции нет необходимости, потому что иммигранты должны остаться только на короткое время. Таким образом, Германия не планировала проводить интеграционную политику: ни прокладывать путь иммигрантов в общество, ни помогать принимающему обществу справиться с растущим культурным многообразием. Типичная формулировка была (и остается) — «мы не страна иммиграции». Такое отношение еще существует в широкой немецкой общественности, несмотря на недавние глубокие изменения в немецком законе о гражданстве; эти изменения упростили доступ к получению гражданства, и они показывают, что большинство в немецком Бундестаге признало существование в стране значительной и постоянно растущей группы мигрантов.

Сегодня многие считают, что гастарбайтерская модель полностью провалилась, в первую очередь по той простой причине, что все страны, которые ввели её, не смогли вовремя заметить, что эти временные мигранты становятся постоянными иммигрантами, несмотря на отсутствие какой-либо интеграционной политики. Ненамеренные результаты этого теперь можно видеть в том факте, что в Германии постоянно растёт число детей и внуков этих «временных мигрантов».

В отличие от первой модели, *модель меньшинств* была основана на предположении, что

иммиграция будет перманентной, и поэтому иммигранты должны рассматриваться как граждане с определенными религиозными, этническими и культурными традициями. Таким образом, иммигранты воспринимались как члены группы, а их локальные поселения и возникающие этнические общины рассматривались как посреднический и необходимый шаг на пути к интеграции. Предполагалось, что они сохраняют свою культурную идентичность, и интеграция рассматривалась как долгий и более или менее самоорганизующийся процесс. Государство, в свою очередь, гарантировало определенные права меньшинств для этих иммигрантских групп.

Эта «мультикультурная» модель была использована, например, в Соединенном Королевстве и Нидерландах. Но с течением времени данная модель также потеряла свою легитимность, поскольку выяснилось, что результаты социально-экономической интеграции были так же плохи, как и результаты модели гастарбайтеров: бурные протесты, столкновения на этнической почве, агрессивные политические акции, и в конечном итоге — терроризм.

Третья модель — это *модель ассимиляции*. Иммигранты расценивались как правовые субъекты, и эти субъекты должны были подписать с государством что-то вроде контракта. Иммигранты приветствовались до тех пор, пока они вели себя как местные жители, уважали законы, нормы и институты своей новой родины и принимали доминирующую культуру. Франция является хорошим примером, и, действительно, здесь иммигрантам были предложены так называемые *contrats d'accueil et d'intégration*.

Но эта модель также попала под огонь критики, особенно после насильственных и неоднократных столкновений между вторым/третьим поколением молодых иммигрантов, имевших в основном мусульманское происхождение, и французской полицией осенью 2005 года. Стало ясно, что большинство из этих молодых людей больше не верят в гипотетические обещания о гражданстве, учитывая то, что они фактически сталкиваются изо дня в день с маргинализацией и дискриминацией. Несоответствия между обещаниями вертикальной мобильности и реальностью показывают, что иммигранты не имеют практически никаких шансов для полноценного участия в экономической и политической жизни Франции.

Ни одна из классических европейских моделей интеграции иммигрантов теперь не рассматривается в качестве ориентира для текущей или будущей интеграционной политики. Действительно,

существует растущее общественное беспокойство по поводу того, как бороться с увеличением числа иммигрантов, особенно тех, которые связаны с различными культурами. В общем, политическая заинтересованность в интеграционной политике и в безопасности в случае отсутствия интеграции возросла во всех европейских странах. Многие государства, являющиеся членами Европейской комиссии, разрабатывают новые интеграционные инструменты и концепты.

Социальная интеграция мусульман.

Кризис интеграции, безусловно, имеет место, и поэтому теперь необходимо перейти к группе материалов о социальной интеграции мусульман в Европе.

Общие демографические данные

Во-первых, ислам является крупнейшей миноритарной религией в Европе, но и также самой быстрорастущей религией континента². Некоторые оценки показывают, что число мусульман в Европе увеличилось в три раза за последние 30 лет. Число мусульман в 15 странах Европейского союза (ЕС) оценивается от 13 до 15 миллионов человек, в то время как в 25 странах ЕС оно составляет 25 млн человек — около 5 процентов от общего числа населения³.

Основными движущими силами мусульманской иммиграции в Европу являются трудовая миграция, стремление к воссоединению семьи и пост-колониальная иммиграция. Кроме того, за последнее десятилетие имелся значительный поток нерегулярных иммигрантов из мусульманских стран, — нелегальная иммиграция, произошедшая на основе этнических связей из бывшей легальной миграции. Считается, что примерно один миллион мусульман мигрирует в ЕС-25 за год, в основном, в качестве членов семьи и в поисках защиты (хотя число беженцев уменьшается)⁴.

² Jytte Klausen, «Europas Neue muslimische Elite», *Aus Politik und Zeitgeschichte* 20 (2005), 17.

³ Frank F. Buijs, Jan Rath, *Muslims in Europe. The State Research* (New York: Russell Sage Foundation), 2002; Klausen, «Europas neue muslimische Elite»; International Helsinki Federation for Human Rights, «Intolerance and Discrimination Against Muslims in the EU: Developments Since September 11», March 7, 2005, 12; European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, «Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia», 2006. http://eumc.europa.eu/eumc/material/pub/muslim/Manifestations_EN.pdf.

⁴ David Masci, *An Uncertain Road: Muslims and the Future of Europe* (Washington, DC: Pew Forum on Religion & Public Life, 2004).

Основные страны, из которых приезжают иммигранты, это страны бывшей вербовки гастарбайтеров: Турция, бывшая Югославия, а также бывшие колонии в Африке, Азии и на Карибах⁵. Большинство мусульман мигрировало с 1950 года. Три четверти из них сейчас живут в Западной Европе, причем большинство — это первое или второе поколение иммигрантов.

В трех странах с наибольшим мусульманским населением значительная часть иммигрантов прибыли из одной конкретной страны или региона: например, во Франции — из Северной Африки; в Соединенном Королевстве — из Южной Азии; в Германии — из Юго-Восточной Европы и Турции⁶.

Большинство мусульман собираются остаться в Европе, даже если их статус проживания является лишь временным. Также ожидается, что их число будет значительно увеличиваться из-за сравнительно высокой рождаемости среди мусульман, которая примерно в три раза выше, чем у коренных европейцев. Предсказать уровень будущей рождаемости и притока мигрантов теоретически и методически сложно, и к сценариям будущего мусульманского населения Европы следует относиться с долей скептицизма. Тем не менее, существуют оценки, что число мусульман в Европе удвоится к 2015 (при постоянной чистой миграции и рождаемости), в то время как число немусульманского населения снизится на 3.5%⁷. Эта миграционная модель и уровень рождаемости предвещают преобладание относительно молодого мусульманского населения в Европе. В Германии проживает около одной трети мусульман в возрасте до 18 лет, по сравнению с 20% немусульманского населения.

Социально-экономическое положение

Большинство европейских мусульман имеют низкий социально-экономический статус по сравнению с немусульманами, они также имеют низкую образовательную и профессиональную квалификацию. Кроме того, уровень безработицы среди них гораздо выше среднего: во Франции,

уровень безработицы среди североафриканских мусульман составляет около 33%, по сравнению с 10.2%, в среднем по стране. В Великобритании, уровень безработицы среди 16-и 24-летних мусульман примерно в два раза выше, чем у той же возрастной группы не-мусульман⁸.

Для многих европейских мусульман самозанятость представляется предпочтительным способом заработка из-за их ограниченных шансов на рынке труда. В Германии неуклонно растет число мусульман-предпринимателей, которых можно встретить, в основном, в ресторанах, в розничной торговле, и, все чаще, в сфере услуг. Турки из первого и второго поколения иммигрантов очень активны в этом отношении, как и мусульманские иммигранты из Северной Африки и бывшей Югославии. В 2005 году приблизительно 66 000 турецких предприятий инвестировали около 7,5 млрд евро в экономику Германии, создавая общий объем бизнеса около 30 миллиардов евро⁹.

Образование.

В Великобритании, по данным Министерства внутренних дел, у трети мусульман трудоспособного возраста отсутствует профессиональная подготовка; это значительно более высокий процент, чем для других этнических или религиозных групп, и их школьная квалификация более низкого уровня, чем у других групп. Общий низкий уровень квалификации можно встретить и в Германии, где турецкие иммигранты составляют доминирующую часть мусульманского населения. Например, в земле Северный Рейн-Вестфалия в 2002 году, 26% турок не смогли получить аттестат о среднем образовании, по сравнению лишь с 2% немцев из того же региона¹⁰.

⁵ Buijs & Rath, *Muslims in Europe*.

⁶ Shireen Hunter (ed.). *Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape* (Westport, Connecticut and London: PRESSTK, 2002); Shireen Hunter with Huma Malik, *Islam in Europe and the United States: A Comparative Perspective* (Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2002).

⁷ Timothy Savage, «Europe and Islam: Crescent Waxing, Cultures Clashing», *Washington Quarterly* 27, no.3 (Summer 2004), 25–50.

⁸ Peter Bergen, «Islamic Extremism in Europe», testimony before the Subcommittee on Europe and Emerging Threats of the Committee on International Relations (Washington, DC: United States House of Representatives, April 27, 2005), 4, <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/congress/ber042705.pdf>; Muhammad Anwar Qadir Bakhsh, «State Policies Towards Muslims in Britain», Research Report (Warwick: Centre for Research in Ethnic Relations, University of Warwick, January 2002), 21, http://www.emz-berlin.de/projekte/pdf/Muslims_in_Britain.pdf.

⁹ Kemal Şahin (president of the Turkish-German Chamber of Commerce), speech (Berlin, May 26, 2006), http://www.td-ihk-kongress.de/index.php?article_id=32&clang=0.

¹⁰ Veysel Özcan, «Turks in Germany: Aspects of their socio-economic and socio-cultural integration», (paper presented at conference on «Integration of Immigrants from Turkey in Austria, Germany and Holland» at Bogazici University, Istanbul, Turkey, February 27–28, 2004).

Участие в политической жизни.

Во многих европейских странах доля иммигрантов-мусульман, имеющих право голоса, мала — в Германии, согласно некоторым оценкам, она составляет около 12%. Только Великобритания и Нидерланды сообщают о более высоких долях участия иммигрантов в политической жизни: в первом случае половина иммигрантов из Южной Азии имеют право голоса, во втором случае — половина турецких и марокканских иммигрантов имеют право голосовать.

Низкая доля мусульманских избирателей также находит свое отражение в парламентах государств. По словам Джитта Клаузена: «На протестантском севере проживает больше мусульман, чем католиков; в римско-католических странах мусульман также больше, чем протестантов. Около 15 миллионов мусульман проживают в Западной Европе, но только около 25 человек были избраны в европейские парламенты»¹¹.

Дискриминация.

В недавно опубликованном докладе, Хельсинкский комитет делает вывод, что дискриминация в отношении мусульман распространена во всех европейских странах, особенно на рынке труда, в сфере образования и сфере услуг¹². В 2004 году более 80% мусульман, опрошенных в рамках сравнительного исследования ЕС, сказали, что они сами были объектами религиозной дискриминации (в 1999 году таких было 35%, в 2000 году — 45%). Эмпирические исследования в Швеции, Франции и Великобритании показали, что мусульманские соискатели имеют значительно более низкие шансы получить работу при собеседовании, чем соискатели немусульмане с аналогичной квалификацией. Этот отказ соответствует настроениям широкой общественности. В Германии, например, одно эмпирическое исследование показало, что:

— 62% опрошенных согласились с утверждением «Ислам это религия, ведущая в прошлое»;

— 71% поддержали высказывание «Ислам является нетолерантной религией»;

¹¹ Klausen, Jytte, «Counterterrorism and the Integration of Islam in Europe», Watch on the West. A Newsletter of FPRI's Center for the Study of America and the West 7, vol. 7 (July, 2006). <http://www.fpri.org/ww/0701.200607.klausen.integrationislameurope.html>; информацию о немецкой ситуации см. Международная кризисная группа: «Islam and Identity in Germany», Europe Report, № 181 (March 14, 2007), <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=4693>.

¹² International Helsinki Federation for Human Rights, «Intolerance and Discrimination Against Muslims».

— 58% ожидают будущих конфликтов с мусульманским населением в Германии¹³.

Религиозность.

Хотя большинство европейских мусульман являются суннитами, в целом они весьма разнообразны в плане убеждений и религиозности¹⁴. Что касается религиозности, то мы обладаем только скудными сравнительными данными. Тем не менее, у нас имеется определенное понимание религиозной жизни мусульман в некоторых странах ЕС.

В Германии, согласно недавнему опросу, проведенному Центром исследований Турции, около 41% турецких мусульман регулярно посещают мечеть¹⁵. Около 55% считают себя «религиозными», 28% — «очень религиозными», и только 17% — «не религиозными». Интересно, что религиозная принадлежность положительно коррелирует с возрастом и сроком пребывания в стране.

В британском исследовании религиозности иммигрантов из Южной Азии более 90% заявили, что религия является «важным» элементом их жизни, а 66% опрошенных пакистанцев и выходцев из Бангладеша ответили, что религия играет «очень важную» роль в повседневной жизни»¹⁶.

Во Франции, по данным опроса Национального института демографии, 36% иммигрантов-мусульман считают себя практикующими мусульманами, в то время как 42% считают себя не практикующими ислам (IFOP-Survey)¹⁷.

Имеются свидетельства о том, что религиозность также увеличилась и в других европейских странах, включая Нидерланды и Бельгию¹⁸.

Но что в таких опросах значит «религиозность»? Голландское исследование показало, что большинство из опрошенных мусульман в возрасте от 18 до 30 лет считают себя религиозными

¹³ Elisabeth Noelle and Thomas Petersen, «Eine Fremde, bedrohliche Welt», Frankfurter Allgemeine Zeitung.

¹⁴ Hunter, *Islam, Europe's Second Religion*.

¹⁵ Sen Faruj and Martina Sauer, «Islam in Deutschland: Einstellungen der türkischstämmigen Muslime — Religiöse Praxis und organisatorische Vertretung türkischstämmiger Muslime in Deutschland», ZFT-Aktuell, 115 (2006), http://www.zft-online.de/UserFiles/File/ZfT%20aktuell%20115%202005_neu.pdf 20Islam%.

¹⁶ Tariq Modood, et al. *Ethnic Minorities in Britain: Diversity and Disadvantage*, London: PRESSTK, 1997.

¹⁷ Sondage Ifop — Le Monde / Le Point / Europe 1, «L'Islam en France et les reactions aux attentats du 11 septembre 2001», October 5 2001, <http://www.ifop.com/europe/sondages/opinionf/islam.asp>.

¹⁸ Masci, *An Uncertain Road*.

ми (87% среди турок и 94% среди марокканцев). Но когда дело дошло до ежедневных религиозных обрядов, оказалось, что только половина иммигрантов из обеих групп активно практикуют их.

Вывод: общие программные решения.

Стало ясно (хотя и на основе ограниченных эмпирических данных), что мусульмане в Европе, как правило, испытывают более серьезный дефицит интеграции, чем многие другие группы. В то время как другие иммигрантские общины также испытали такой дефицит, на базе нынешних демографических тенденций очевидно, что недостаток интеграции среди европейских мусульман должен считаться основной политической проблемой.

Ключевой вопрос — может ли дефицит интеграции быть отрегулирован государственной политикой? Очевидно, большинство европейских правительств убеждены, что политика играет важную роль в этом вопросе, и большинство стран стараются развивать адекватную интеграционную политику. Во многих государствах ведутся обновленные общественные дискуссии по вопросам интеграции; большое число новых программ посвящены проблеме сокращения недостатка интеграции, также в это дело вкладываются существенные финансовые ресурсы. Кроме того, стремление к общей европейской политике интеграции растет: Комиссия ЕС взяла на себя инициативу и внедрила систему «Национальные контактные пункты» и «Европейская миграционная сеть», чтобы лучше обмениваться опытом и оказывать поддержку государствам-членам ЕС в разработке новых подходов.

Настало время для дальнейшей разработки структуры общеевропейской интеграционной политики, которая бы затрагивала следующие проблемы: как государства-члены ЕС справляются с растущим культурным разнообразием, как создать равные возможности и как содействовать активности иммигрантов, особенно на рынке труда, в сфере образования и в политической жизни.

Существуют четыре подхода к решению данных проблем, и государства-члены ЕС должны определиться, по какому пути они предпочитают идти:

1. Первый вариант — быть нейтральным государством, рассматривая культуру и религию как частное дело каждого. Государство будет просто устанавливать рамки для обеспечения юридического равенства. Но этот вариант является более

или менее теоретическим, учитывая тот факт, что правопорядок не может, на самом деле, быть нейтральным в строгом смысле слова, поскольку он всегда отражает определенный культурный фон. Государство, которое считает себя нейтральным в таких делах, все же не может не оказывать определенного давления на иммигрантов, чтобы ассимилировать их в культурном отношении.

2. Второй вариант — это попытаться признать культурную специфику различных меньшинств и предоставить меньшинствам особые права, такие как право на получение образования на родном языке. Данный подход позволил бы избежать попадания мигрантов в ситуации, когда они вынуждены выбирать между своей родной идентичностью и идентичностью принимающей страны. Они просто поддерживали бы частично обе идентичности, что могло бы облегчить интеграцию и снизить количество проблем. Некоторые эксперты в области изучения преимуществ возвратной миграции видят дополнительные выгоды в этой стратегии. Они утверждают, что мигранты, которым позволили сохранить свой язык, социальные и культурные традиции, возможно, легче смогут вернуться в родные страны, чем те, которым это не позволено. Конечно, не совсем ясно, будет или нет у мигрантских общин в Европе подлинная заинтересованность в возвращении в эти страны.

3. Третий вариант — это правовой плюрализм; он является довольно экстремальным для Европы, поскольку вступает в конфликт с некоторыми основами нашего демократического порядка. Результатом этого подхода было бы различие правовых норм для разных групп, в том числе в области уголовного и семейного права.

4. Наконец, четвертый вариант — это создание автономии на основе групповой идентичности для национальных или региональных меньшинств. Эта модель была частично введена в некоторых европейских странах, но не для иммигрантских групп.

Очевидно, некоторые варианты не очень хорошо вписываются в наше законодательство, и они просто способствовали бы социальной дезинтеграции. Но ясно, что, сталкиваясь с растущим разнообразием, мы должны обсуждать эти вопросы и разрабатывать стратегии и концепции в качестве ответа. В противном случае мы рискуем проложить путь к эрозии социальной интеграции, и тогда плохая интеграция мусульман будет только одним из аспектов более серьезной проблемы.

МУСУЛЬМАНЕ В СТРАНАХ СТАРОГО СВЕТА

О. Бибилова

кандидат исторических наук, заведующая сектором идеологии Отдела сравнительно-теоретических исследований Института востоковедения РАН

По разным данным, в странах Западной Европы к началу XXI в. проживало от 15 до 20 млн мусульман. Разность в оценках связана с наличием неофициальной (нелегальной) иммиграции, численность которой не может быть учтена. Эмиграция из мусульманских стран в Европу началась еще в XIX в. Уже в 1890 г. в Великобритании была построена первая мечеть. Но основной контингент иммигрантов, представленный уроженцами Арабского Востока, Азии и Африки (в основном мусульманами), обосновался в странах Старого Света после Второй мировой войны. В тот период Великобритания, Франция и Бельгия, озабоченные восстановлением экономики своих стран, обратились к своим бывшим колониям как к источнику рабочей силы. В начале 60-х гг. Германия также была вынуждена прибегнуть к услугам иностранных рабочих, заключив специальное соглашение с Турцией. Впоследствии к рабочим присоединились члены их семей, политические иммигранты, студенты, получившие образование в Европе.

С течением времени правительства европейских государств выработали специальные законодательные акты, регулирующие пребывание в стране иностранных рабочих. Но в Англии присутствие выходцев из стран Британского Содружества облегчалось тем, что еще в колониальный период подданным британской короны было предоставлено гражданство Великобритании. Во Франции численность рабочих из стран Магриба первоначально квотировалась. Экономические кризисы заставляли французов то сокращать, то увеличивать квоты. Однако владельцы предприятий, использовавших иностранную рабочую силу, предпочитали иметь дело с рабочими, уже получившими квалификацию. Предоставление гражданства части североафриканских рабочих вызвало необходимость урегулировать гуманитарные и социальные проблемы, прежде всего, связанные с воссоединением семей, а также ряд бытовых проблем (образование детей, проблемы вероисповедания, социальное страхование, пособия и т. д.).

Мусульманская диаспора в Великобритании

К началу XXI в. численность мусульман в Великобритании составила 1,5 млн мусуль-

ман, причем 48% из них обосновалось в Лондоне. Но основным центром, где сосредоточено большинство мусульманских учреждений, считается Бирмингем. Мусульмане в основном представлены выходцами из Индии, Пакистана и, в меньшей степени, из арабских стран и Ирана. Подавляющее большинство из них вполне лояльные граждане, которые не входят в конфронтацию с властями. Однако после событий 11 сентября 2001 г. спецслужбы зафиксировали наличие ассоциаций британских мусульман-радикалов, куда, по оценкам экспертов по делам религий, входит почти 15% мусульман, живущих на Британских островах. Основная часть мусульман занята в торговле и промышленности на работах, не требующих высокой квалификации. В стране зарегистрировано около 1 тыс. мусульманских культовых помещений¹. Британские клерикальные круги с тревогой отмечают, что число сторонников ислама в Британии растет быстрее, чем количество христиан. Они утверждают: в связи с тем, что светское общество нацелено, прежде всего, на соблюдение демократических ценностей, оно не отдает себе отчета в масштабах угрозы наступления ислама, в том числе радикального.

Мусульмане во Франции

Во Франции ситуация несколько иная. Выходцы из стран Северной Африки весь XX век пополняли ряды пролетариата и армии. Французское правительство постоянно совершенствует законодательство, которое направлено на то, чтобы иммигранты более активно адаптировались во французское общество. В отличие от многих других стран французская конституция не разрешает включать в переписи населения вопросы о конфессиональной принадлежности граждан республики. Поэтому количество мусульман в стране определяется исходя из сведений иммиграционного ведомства о численности иммигрантов, прибывших из мусульманских стран. В средствах массовой информации обыч-

¹ В основном, это молельные залы, оборудованные для совершения намаза на предприятиях, где работают рабочие мусульмане. Культовых зданий, соответствующих понятию «мечеть», то есть обладающих внешними атрибутами (минаретом, михрабом и т. д.) не более двух десятков.

но указывают, что во Франции проживает более 4 млн мусульман². Примерно у 75% из них есть французские паспорта. В основном это те, кто родился во Франции или женился на французских гражданках (в том числе арабского происхождения)³. К мусульманам относят также французов, принявших ислам, значительную часть из них составляют мужчины и женщины, вступившие в брак с представителями мусульманской диаспоры⁴.

По данным министерства внутренних дел Франции, в стране в 2002 г. насчитывалось 1536 мест, приспособленных для совершения мусульманских ритуалов. Сюда относят мечети, а также помещения для молитвы, которые организованы на некоторых предприятиях. Во Франции построено около пятидесяти мечетей⁵, из них 12 могут принять одновременно более 1 тыс. человек, то есть имеют статус «соборных». Характерно, что крупные мечети, как правило, имеют своими прихожанами выходцев из одной страны. Например, Большая мечеть Парижа посещается преимущественно алжирцами. То же самое можно сказать и об организациях⁶, созданных выходцами из мусульманских стран и зарегистрированными в соответствующих органах.

² Общая численность населения Франции ок. 59 млн человек. *L'Islam dans la République. Rapport au Premier ministre. La Documentation française, P., 2001.*

³ Наиболее многочисленную диаспору представляют выходцы из Алжира — до 800 тыс. На втором месте — марокканцы, их около 600 тыс, на третьем — тунисцы, их около 400 тыс. Затем идут выходцы из Турции: их примерно 350 тысяч. К мусульманам также относят выходцев из Сенегала, Мали, Нигера, которых, согласно переписи 1996 г., насчитывалось 176 тыс. человек. Менее крупные общины представлены выходцами из Ливана, Сирии, других арабских государств, а также Ирана, Пакистана и т. д.

⁴ Ислам не позволяет мусульманкам выходить замуж за иноверцев. В ряде стран действуют особые договоренности. Например, по бельгийско-алжирскому соглашению, мужчины, женившиеся на мусульманках, априори считаются мусульманами в странах, откуда приехала невеста или ее родители. За последние полвека во Франции приняли ислам 50 тыс. французов. В Испании таких насчитывается 10 тыс. человек.

⁵ *Sciences Humaines, P., juillet 2002, № 129, p. 43.*

⁶ *Национальная федерация мусульман Франции* (создана в 1985 г.) представляет интересы преимущественно марокканцев, *Мусульманский комитет французских турок*, соответственно, объединяет выходцев из Турции, *Таблих* (французский филиал Джамаат ат — Таблих) представляет интересы выходцев из Пакистана и т. д. Всего во Франции зарегистрировано более двух тысяч исламских ассоциаций, религиозных и культурных центров. Среди них есть и тяготеющие к исламским радикалам, например, Союз исламских организаций Франции.

Мусульманская диаспора в Германии

В Германии к услугам «гастарбайтеров» прибегли намного позже — в начале 60-х годов. Соглашение, подписанное между Турцией и Германией в 1961 г., в соответствии с которым турецкие рабочие прибывали в Германию, не было пролонгировано, тем не менее поток турецких рабочих в эту страну не прекращается. На начало XXI в., по оценкам федеральной статистической службы ФРГ, в стране, при общей численности населения в 82 млн человек, от 2,8 млн до 4,1 млн жителей исповедовали ислам, среди них 70% составили турки. Таким образом, ислам стал второй по значимости религией в стране.

Проблемы нелегальной иммиграции

Нелегальная иммиграция создает проблемы на уровне социальных услуг и образования лиц, незаконно находящихся в странах Евросоюза, а также нередко связана с торговлей людьми. По самым грубым оценкам, каждый год в Евросоюз въезжают нелегально примерно 100 тыс. человек и около 150 тыс. детей. Еврокомиссия предпринимает ряд инициатив, в том числе консультирует заинтересованные организации. Большая часть нелегалов попадает в Европу на различных плавсредствах, поэтому прибрежные пограничные службы Италии, Франции и Испании вынуждены создавать пункты временного пребывания арестованных иммигрантов.

Ислам как вторая религия Старого Света

Социологи утверждают, что к практикующим мусульманам, то есть регулярно посещающим мечеть и соблюдающим все обряды, нельзя относить поголовно всех иммигрантов. Однако большинство мусульман соблюдает пост в месяц рамадан, что, на наш взгляд, стоит рассматривать не как показатель религиозности, а скорее как дань традиции, соблюдение которой предопределено культом семьи, характерным для мусульманского социума. Кроме того, мусульманские праздники вне территории традиционного распространения ислама всегда служили инструментом сплочения общины и демонстрацией этноконфессиональной идентичности.

Специфика восприятия новых реалий мусульманами разных волн иммиграции, а также поколений, уже родившихся в Европе, разнится, что свидетельствует о процессе адаптации к европейской действительности и об изменении религиозного сознания. В Европе общим для значительной части выходцев из мусульманского мира является повышение уровня самосознания (прежде все-

го, в результате получения образования или обретения профессии), что предполагает переосмысление традиций собственной культуры. Речь идет о сохранении одних обычаев и отказе от других (например, обычая женского обрезания, принятого в ряде мусульманских стран). Однако, например, во Франции сами мусульманские шейхи, стоящие в руководстве общины (уммы), говорят, что французские мусульмане демонстрируют новый «европейский ислам», в котором доминирует веротерпимость и стремление разрушить межконфессиональные барьеры. Таким образом, именно в Европе стираются разногласия между различными исламскими направлениями и общинами. Как пишет А. Шумилин, директор Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН, «компактное проживание на одной территории последователей различных ветвей ислама (например, арабов и турок, суннитов и шиитов) привело к возникновению нового феномена «европейского ислама»⁷. В сложившейся ситуации противоречия между различными направлениями ислама отходят на второй план, в то время как общим знаменателем становится стремление сохранить самые значимые для выходцев из разных мусульманских стран ценности.

Европа — мусульманский мир: кросс-культурный контакт

С середины 60-х гг. культурное присутствие североафриканцев стало заметным явлением во Франции. Характерно, что неарабские этносы стран Северной Африки именно во Франции обрели свою письменную литературу на французском языке. Телевидение стало отражать жизнь иммигрантов сначала в документальных передачах и фильмах, затем в игровом кино. На съемки фильмов стали приглашать талантливых актеров — выходцев из стран Магриба и их детей, родившихся в Европе⁸. Знаменитый футболист Зинедин Зидан родился во Франции от родителей алжирского происхождения. Появились талантливые музыканты, художники, писатели, спортсмены, модельеры, покоровшие французов своим искусством. Сегодня во французском обществе есть звонкие имена иммигрантов из стран

⁷ Ibidem, с. 11.

⁸ Во Франции узнали имена актеров: Кадера Беларби, ученика Рудольфа Нуреева, ставшего звездой французского балета, Изабель Аджани (ее отец — алжирец, а мать из Лотарингии), Сами Насери, сыгравшего главные роли в фильмах «Такси1» и «Такси2» и др., Патрика Брюеля-киноактера и шансонье.

Магриба, в том числе чиновники высокого ранга. Как правило, это уже второе поколение переселенцев из Магриба. Летом 2007 г. президент Франции Н. Саркози назначил на пост министра юстиции Рашиду Дати⁹. Во всех странах Западной Европы легче всего адаптируются иммигранты, имеющие высшее образование, а также деятели культуры или спортсмены. Некоторые из них, как это можно наблюдать на примере З. Зейдана, приобрели статус «национального достояния».

Европейский быт, культура не могли не оказать своего влияния на жизнь иммигрантов из мусульманских стран. Некоторые изменения вызваны исключительно социальными условиями, другие являются следствием повышения статуса (например, после получения образования, квалификации).

Говоря о высокой рождаемости в мусульманских семьях, следует также отметить, что 4 и более детей традиционно имеют семьи, где жена является уроженкой Магриба. Мусульманка, родившаяся во Франции, чаще всего имеет 2–3 детей. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что иммигранты во втором и третьем поколении больше заботятся об уровне жизни и сознательно не стремятся к большому количеству детей. Родившиеся в Европе дети иммигрантов легче включаются в европейскую повседневную культуру. Некоторые родители (как правило, из религиозных или недавно приехавших в Европу семей) отдают своих детей в мусульманские школы, однако обучение в них краткосрочное. Уже через некоторое время становится ясно: для того чтобы в будущем иметь работу или продолжить образование, знаний, полученных в таких школах, явно не достаточно.

Способы адаптации в европейском обществе

Среди способов адаптации иммигрантов в принимающем обществе традиционно называют интеграцию и ассимиляцию. Эти два процесса обычно протекают параллельно. Однако в силу определенной специфики в каждой стране эти процессы происходят по-разному. Рассмотрим процесс адаптации турок в Германии. В силу того, что здесь иммиграция началась довольно поздно — в начале 60-х годов, ситуация складывается иначе, чем, например, во Франции или Великобритании. Внутри турецкого сообщества

⁹ Рашида Дати, 1966 г. р., отец — эмигрант из Марокко, мать — из Алжира. Во время компании по выборам президента Франции Р. Дати занимала пост секретаря Н. Саркози, ответственного по связям с общественностью и СМИ.

в Германии проходят сложные процессы интеграции и ассимиляции. Значительная часть бывших турецких граждан продолжает жить в соответствии с национальными традициями. Но их бытовой уклад уже отличается от образа жизни рядовых турок на родине. Как правило, первое поколение турецких рабочих было ориентировано на временное пребывание в Германии с последующим возвращением на родину. Благодаря этому связи между мусульманскими общинами на родине и их членами, выехавшими за границу, не прерывались, а влияние европейской культуры было минимальным. У второго поколения турецких иммигрантов складывается иная ситуация. Молодые турки, родившиеся в Германии, обучаются в немецкой школе и владеют немецким (а иногда и английским) языком. Среднее образование открывает для них более широкие возможности, чем те, которыми располагали их родители. Многие турки, рожденные в Германии, испытывают шок от встречи с родиной предков, что усиливает их стремление адаптироваться к европейским реалиям. Власти предлагают турецким рабочим более активно внедряться в общественную жизнь страны, например, участвуя в референдумах, которые проводятся администрацией германских земель. Сегодня в немецком парламенте (Бундестаге) уже присутствуют депутаты турецкого происхождения.

Анализ ситуации показывает, что там, где наблюдается крупное скопление эмигрантов, приверженность национальным и религиозным традициям гораздо выше. Здесь же больше шансов имеет националистическая пропаганда. Таким образом, геттизация некоторых районов Великобритании, Франции и других европейских стран может иметь самые негативные последствия. В ряде мест (например, в предместье г. Лиона (Франция), в Бирмингеме (Великобритания) или в Восточном Берлине уже образовались крупные общины, где иммигранты оказались под властью религиозных и мафиозных лидеров. Последствием этого стала активизация исламистских настроений в этих общинах, прямое или косвенное участие их представителей в террористических акциях.

Диалог с властью

В апреле 1993 г. был создан Координационный совет мусульман Франции, в декабре 1994 г. — Консультативный совет мусульман Франции, по инициативе которых в январе 1995 г. была принята Хартия мусульманского культа во Франции. В 2003 г. под эгидой министерства внутренних

дел был учрежден Французский совет мусульманского культа (ФСМК)¹⁰. С 2002 г. действует Центральный совет мусульман Германии во главе с Н. Элиасом, где ведущую роль играют выходцы из Турции. Вслед за мусульманами Франции, они также выработали свою Хартию, которая регулирует отношения мусульман с властями страны.

Внутри мусульманских советов происходят сложные процессы, связанные с борьбой между консервативным и модернистским направлением. Эта ситуация отражает пестроту иммигрантского социума и носит логичный характер.

Адаптационная модель, принятая в европейских странах, не отвечает уровню иммиграции из стран Третьего мира. Характерно, что европейские страны сделали упор на предоставление политического убежища, на воссоединение семей и предоставление иммигрантам пакета социальной помощи.

В ряде государств Западной Европы пожилые иммигранты, прожив не один десяток лет в стране, не знают ее языка, а большая часть женщин-мусульманок продолжает вести традиционный образ жизни. В результате дети иммигрантов, получившие среднее, а иногда и высшее образование, попадают в сложную и двусмысленную ситуацию. С одной стороны, у них возникают проблемы с принимающим их обществом, а с другой — они теряют контакт со старшим поколением своей семьи, которое не воспринимает меняющиеся реалии внешнего мира.

Проблемы адаптации и трудоустройства иммигрантов

Европейские страны не в одинаковой степени затронуты проблемой иммиграции, хотя практически повсеместно можно отметить увеличение притока иммигрантов. Это вызывает беспокойство у части европейского населения, особенно тех, кто не может трудоустроиться и реализовать свой потенциал на родине и считает, что его проблема вызвана наличием дешевой иностранной рабочей силы. Однако статистика свидетельствует о том, что проблема трудоустройства весьма актуальна и для иммигрантов. Так, в Дании каждый второй иммигрант — безработный. Во Франции не могут найти работу 10% христиан и иудеев, однако среди мусульман безработных гораздо больше — 24,3%¹¹.

Естественно, что и правонарушений среди иммигрантов отмечено гораздо больше, чем сре-

¹⁰ Le Conseil francais du cult musulman.

¹¹ Итоги. 20 мая 2003, с. 20–22.

ди коренного населения. В 2001 г. в 60% криминальных ситуаций, имевших место в Копенгагене, участвовали молодые иммигранты¹². Подобное обстоятельство формирует почву для взаимной вражды. Уже сейчас слышны обвинения в адрес властей, которых упрекают в том, что они «потворствуют нашествию иммигрантов». Согласно данным опроса, проведенного во Франции летом 2001 г., 63% респондентов негативно относятся к арабским иммигрантам¹³. Многие обвиняют предпринимателей в том, что они предпочитают брать на работу иностранцев, так как те согласны на более низкую оплату своего труда.

Аналогичная ситуация складывается и в Италии, где заправили подпольной экономики, извлекающие большую выгоду от эксплуатации дешевой рабочей силы, воспротивились закону Босси-Фини, устанавливающему нулевые рамки иммиграции. Таким образом, иммигранты в основном сосредотачиваются в секторах, где требуются малоквалифицированные рабочие.

Мнения о том, что иммигранты оказывают «негативное влияние» на «национальную идентичность» принимающего этноса, звучит практически повсеместно, хотя известно, что адаптация иммигрантов всегда происходит в условиях кросс-культурного контакта, который порой приобретает форму конфликта. Подобные мнения особенно популярны в период ухудшения экономического положения. А в таких случаях «виновными» всегда оказываются иммигранты. В этих условиях логично возникает ксенофобия. В 1995 г. в Дании была образована «Партия датского народа», во главе с Пией Кжерзгаад (Pia Kjoersgaard), которая объявила «священную войну» живущим в этой скандинавской стране мусульманам¹⁴.

Иммиграция и демографические процессы в европейских странах

Вопрос о безработице сопряжен с проблемой падения индекса рождаемости в странах Старого Света, которое ставит под угрозу способность государства выполнить свои обязательства перед пенсионерами, малоимущими и другими категориями граждан, имеющих право на социальную защиту. Во Франции и Германии не прекращается дискуссия о том, каким образом и в каком объ-

еме сохранить уровень пенсионного обеспечения. В середине 2003 г. правительство Германии выступило с предложением повысить на два года возрастную ценз выхода на пенсию. Аналогичные меры намеревается ввести во Франции правительство Н. Саркози. Но именно благодаря иммигрантам, Франции до сих пор удавалось избежать демографического кризиса. Испанские демографы обнаружили, что 80% рождаемости обеспечивает иммиграция¹⁵. Демографическая ситуация в Германии заставляет специалистов делать пессимистический прогноз. По мнению немецкого демографа Х. Брика, общая численность населения Германии к 2050 г. сократится с 82 млн в 2002 г. до 68 млн. При этом пропорция немцев и иммигрантов (в том числе из мусульманских стран) в возрастной категории до 40 лет изменится в пользу последних.

Перспективы иммиграционных процессов в Европе

В разных странах по поводу иммиграции из стран Третьего мира существуют разные мнения. Но большинство западноевропейских исследователей разделяют точку зрения, высказанную вице-президентом Ассоциации промышленников Дании: «Наше население стареет, надо планомерно использовать иммигрантов. Обучать их с тем, чтобы повысить их квалификацию»¹⁶. В частности, шведское правительство оказывает поддержку тем иммигрантам, которые занимаются сбытом шведских товаров в стране своего происхождения. В Бельгии правительство также активно поддерживает инициативу иммигрантов об открытии филиалов бельгийских предприятий в странах Третьего мира. Таким образом, делается попытка создать рабочие места в этих странах и несколько сдержать рост иммиграции. Подобная политика связана также с тенденцией перевода предприятий крупных фирм и компаний в развивающиеся страны, где заработная плата и налоги ниже европейских.

Эксперты указывают также, что денежные переводы трудовых иммигрантов имеют огромное значение в глобальном перемещении финансовых средств. Всемирный банк обращает внимание на то, что часть средств попадает непосредствен-

¹² L'Express, P., 3.01.2002, p.17. Численность иммигрантов в Дании (включая мусульман) к началу 2001 г. составила 7,4%.

¹³ Европа, N5 (23), декабрь 2002, с. 20.

¹⁴ На выборах в законодательное собрание Дании Пия Кжерзгаад получила 12% голосов своих соотечественников. (L'Express", 3.01.2002, p.16–17).

¹⁵ Радиостанция «Свобода», 13.01.2004 г. сообщила, что при численности населения в 40 млн человек, Испания приняла 600 тысяч иммигрантов. Специалисты считают, что на самом деле их примерно на 200 тыс. человек больше. В 2004 г. был принят закон, дающий право иммигрантам, прожившим 5 лет в Испании, получить гражданство.

¹⁶ L'Express, 3.01.2002, p.17.

но в исламистские организации и в дальнейшем расходуется на организацию террористических актов, в том числе в Европе.

Заключение

Уже в конце XX столетия мусульмане составляли 5% населения Европы ¹⁷, и их доля непрерывно увеличивается. Несмотря на то, что власти осуществляют контроль над трудовой иммиграцией, мусульманские общины в странах ЕС растут, в том числе, за счет высокой рождаемости, а также нелегальной иммиграции. Таким образом, ислам сегодня становится внутренним фактором европейской жизни, и с ним надо считаться во всех

сферах деятельности общества. Ситуация усложняется тем, что общий уровень религиозности в странах Старого Света катастрофически падает. Общество перестало нуждаться в прокламировании христианских ценностей, а воскресное посещение церкви приобретает формальный характер. Сосуществование европейской и мусульманской цивилизации в рамках одного континента предполагает выработку правил, которые будут учитывать интересы и той, и другой стороны. Процесс сближения двух цивилизаций, на мой взгляд, неизбежен, он предопределен экономическими, географическими и иными факторами. На характер этого процесса будут влиять и внешние факторы, в частности, ситуация на Ближнем Востоке и в других районах мира.

¹⁷ Europe magazine, № 89., Printemps, 1998, p. 4.

ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ¹

С. Бородай

*магистр филологии, младший научный сотрудник Отдела языков народов
Азии и Африки Института востоковедения РАН*

Проблема европейского ислама в последнее время активно обсуждается в российской интеллектуальной среде. Однако представление об исламских организациях Европы все еще остается смутным и недостаточным. Тем не менее, именно исламские организации являются движущей силой в медленной трансформации европейского общества, они реализуют тот потенциал, который заложен в мусульманских гражданах европейских государств, а также в многочисленных иммигрантах. Без понимания той ситуации, которая имеется с исламскими организациями, невозможно понимание как современного европейского ислама, так и идеологических, социологических и политических перспектив ислама в Европе. В данной обзорной статье мы попытались заполнить имеющуюся в российской интеллектуальной среде лауну по этому вопросу. Очевидно, для адекватного описания ситуации с исламскими организациями даже в отдельно взятой стране потребовалась бы подготовка целой монографии. Поэтому мы не претендуем на полноту описания и даже на то, что нам удалось вскрыть какие-то принципиальные тенденции. Скорее, представленный в обзоре материал стоит рассматривать в качестве справочного. Он подойдет в качестве необходимой базы для дальнейшего исследования. Читатель может либо ограничиться общей информацией, представленной в обзоре, либо (если ему особенно интересна эта тема) обратиться к имеющимся ссылкам и первоисточникам.

При подготовке обзора мы опирались на авторитетный «Ежегодник мусульман в Европе», выходящий под редакцией Йоргена Нильсена². На данный момент вышло 4 тома (2009–2012 гг.). Мы использовали материалы всех томов, поскольку, к сожалению, в более поздних изданиях иногда дается меньше актуальной информации об исламских организациях. Также в случае с некоторыми странами были привлечены соответствующие интернет-ресурсы.

Всего в обзоре рассмотрены 22 страны: Австрия, Албания, Бельгия, Босния и Герцеговина,

Греция, Ирландия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Мы сосредоточили внимание на этих странах, поскольку в русскоязычной среде плохо известно о тамошней ситуации с исламскими организациями (в отличие, например, от ситуации в Германии, Франции и Великобритании; эти страны мы намеренно не стали рассматривать). Каждая заметка включает в себя информацию о численности мусульманского населения, о структуре населения (происхождение, социальное положение и пр.), о государственном статусе ислама, а также об отдельных мусульманских организациях. При описании организации мы указываем год ее основания, базовые принципы, цели и реальную деятельность; в большинстве случаев также дается сайт организации (см. полный список в Приложении).

Как уже было отмечено, представленный материал носит справочный характер. Но прежде чем перейти к заметкам по отдельным странам, мы бы позволили себе в двух словах отметить тенденции, касающиеся исламских организаций Европы, на которые следовало бы обратить внимание. Во-первых, европейский ислам представляется полностью дезинтегрированным; общеевропейские исламские организации, которые бы пользовались хоть какой-то поддержкой, отсутствуют. Дезинтеграция проявляется также в отсутствии единого понимания места религиозности в современной жизни и, в частности, в европейском социуме. Иначе говоря, изобразить мусульманские организации Европы в качестве единого фронта, выступающего в борьбе за общие принципы или ценности, не представляется возможным. Во-вторых, в отдельных странах чаще всего мы имеем дело с многочисленными и не связанными друг с другом (и, порой, конкурирующими) мусульманскими организациями. По-видимому, главная причина сложившейся ситуации — это тесная связь современного ислама с этничностью (что вообще является общемировой тенденцией); объединение по этническому принципу настолько сильно, что оно затмевает универсализм исла-

¹ Статья подготовлена специально для данного сборника.

² *Nielsen J. (ed.). Yearbook of Muslims in Europe. Brill, Leiden — Boston. Vol. 1–4, 2009–2012.*

ма и ведет к сектантству; в связи с этим также стоит отметить тесную связь некоторых этносов с организациями, управляемыми из других стран (это особенно актуально для турок и боснийцев). В-третьих, вопреки распространенному мнению, радикальные течения не играют существенной роли в европейском исламе. И дело тут не в том, что они запрещены (мы рассматривали как официальные, так и неофициальные организации), а в том, что их удельный вес действительно незначителен. Наконец, в-четвертых, реальная деятельность мусульманских организаций, как можно видеть, касается образования, воспитания, богослужения и представительства; короче говоря, она в основном связана с тем, чтобы обеспечить мусульманам достойную жизнь и найти им место в европейском обществе. Адекватные исламские организации не претендуют на создание общеевропейского халифата и введение норм шариата в правовую систему отдельных стран. Их позиция в целом является умеренной и ориентированной на интеграцию. При этом, однако, они не поддерживают ставший модным в последнее время радикальный либерализм европейской политики (гендерный вопрос, эрозия традиционной семьи, однополые браки, проблема морали и пр.). Можно сказать, что в целом их позиция является умеренно-традиционалистской, что, конечно, не дает оснований обвинять их в «архаичности» и «несовременности».

Австрия

Первая и вторая волна рабочей эмиграции привели к тому, что в 2009 г. в Австрии проживало 500 тыс. мусульман, что составляло около 6% населения. Благодаря натурализации, 49% мусульман являются гражданами Австрии. Согласно переписи 2001 г., самая большая этническая мусульманская группа — это турки (123 тыс.), за ними следуют австрийцы (96 тыс.), боснийцы (64,6 тыс.), сербы (21 тыс.), македонцы (10,9 тыс.), иранцы (3,7 тыс.).

В Австрии имеются следующие исламские организации:

Сообщество исламской веры Австрии (IGGiO, англ. Islamic Faith Community in Austria) является государственно признанной организацией. В IGGiO доминируют сунниты, хотя с точки зрения официальных властей данная организация представляет интересы всех мусульман. Возглавляется президентом, который избирается каждые 5 лет; в настоящее время президентом является Анас Шакфех (Anas Schakfeh).

После долгих дебатов о представительстве, политической ориентации и внутренней структуре, в 2009 г. IGGiO приняло новую конституцию. Не до конца ясно, сколько членов состоит в организации IGGiO. Сайт: www.derislam.at.

Всего в Австрии насчитывается около 260–280 зарегистрированных мусульманских ассоциаций. О количестве мусульман в каждой из ассоциаций отсутствует какая-либо достоверная информация. Алевиты представлены *Алевитской федерацией Австрии* (AABF, англ. Alevi Federation in Austria; www.aleviten.or.at). Шииты представлены *Ahl-ul-Bayt Osterreich*. Из национальных ассоциаций большинство являются турецкими: *Islamische Foderation in Osterreich (Milli Gorus)*; *Turkisch Islamische Union fur kulturelle und soziale Zusammenarbeit in Osterreich (Diyamet)*; *Union ilamischer Kulturzentren*; и др. В Вене и других больших городах имеются арабские ассоциации (например, *Gesellschaft fur Zusammenkunft der Kulturen*; *Liga Kultur*). Существует также представительство боснийских мусульман *Darchverband der Bosniaken in Osterreich*, но оно слабо связано с боснийскими организациями. В Вене также имеется небольшое сообщество *Ahmadiyya-Muslim-Jamaat*.

Албания

На данный момент отсутствует надежная статистика, касающаяся религиозной принадлежности жителей Албании. Согласно одному из источников, который заслуживает доверия, число мусульман в Албании составляют 65–70% населения; существуют также данные в 80% населения. Большинство мусульман являются суннитами. Этнически мусульмане в основном являются албанцами. Ранее мусульмане были больше распределены по стране, но сейчас существует тенденция к переезду в Тирану. Стоит отметить, что несколько десятилетий коммунизма привели к тому, что большинство граждан современной Албании ведут светский образ жизни, хотя формально и могут считаться мусульманами; активное участие в религиозной жизни, по разным оценкам, принимают от 25% до 40% мусульман.

Мусульманское сообщество Албании (МСА, Komuniteti Musliman i Shqiperise, англ. Muslim Community of Albania) является самой большой суннитской организацией Албании, и признается государством как национальная организация. МСА управляет большинством мечетей. Была основана еще в 1923 году и реорганизована в 1991 г. Сайт: <http://www.kmsh.al>.

Мировая штаб-квартира бекташизма (Kryegjyshata Boterore Bektashiane, англ. World Headquarters of Bektashism) является самой большой суфийской организацией Албании, признана государством как национальная организация и как отдельное религиозное сообщество. Неофициально считается мировой штаб-квартирой бекташизма, но это оспаривается другими представителями данного течения. Сайт: <http://www.komunitetibektashi.org>.

Мусульманский форум Албании (Forum i Musliman I Shqiperise, англ. Muslim Forum of Albania) был основан в 2005 г. Не имеет официального государственного признания. Основными задачами организации являются борьба с расизмом, исламофобией и ксенофобией. Сайт: <http://www.forumimusliman.org/english/>.

Бельгия

Присутствие мусульман в Бельгии стало предметом обсуждения только во второй половине XX в. Большинство мусульман являются потомками рабочих мигрантов, которые прибывали из средиземноморского района, начиная с 1960-х гг. Сейчас сложно оценить число мусульман в Бельгии, потому что отсутствует официальная регистрация этнических меньшинств и адептов религий. Можно сказать, что сейчас более 2/3 мусульман Бельгии являются уже бельгийскими гражданами (что связано с либерализацией законодательства, касающегося получения гражданства). Последние общепринятые подсчеты говорят о присутствии 410–450 тыс. мусульман в Бельгии, что является примерно 4% населения страны. Из этого населения примерно 80% являются этническими турками или марокканцами. Оставшиеся 20% — это иммигранты из Алжира, Туниса, Балкан, Южной Азии и Африки. Подавляющее большинство мусульман являются суннитами, в то время как шииты явно в меньшинстве; также среди турок и курдов встречаются алевиты.

Географическое распределение мусульман является крайне неравномерным. Более 40% живут в Брюсселе и его пригороде. Мусульмане составляют около 17% населения этого региона. Брюссель является одним из самых исламизированных европейских городов. Мусульмане имеются во многих политических партиях и организациях, особенно на муниципальном уровне. Начиная с 1990-х гг. некоторые министерские должности занимали представители этнических и мусульманских меньшинств, но они в основном подчер-

кивали свою этническую идентичность. Похоже, значительное число мусульманского электората склонны голосовать за кандидата, ориентируясь на его национальность. Стоит отметить, что делались попытки создать единую исламскую партию, но они не увенчались успехом.

Общая тенденция заключается в том, что сообщества организуются по этническому принципу. Среди турок имеется несколько федераций, которые выражают разные идеологии, взятые из Турции.

Диянет (Diyanet), или Бельгийская ветвь Руководства по религиозным делам Республики Турция (Belcika Turk Islam Diyanet Vakfi, англ. Belgian branch of the Presidency of Religious Affairs of the Republic of Turkey). Самое организованное и влиятельное движение среди турок. Сегодня к этой организации относятся 2/3 турецких мечетей Бельгии. Диянет получает имамов и учителей ислама из Турции, а также финансируется турецким правительством. Сайт: <http://www.belcikadiyanet.be>.

Исламская федерация Бельгии (Belcika Islam Federasyonu, англ. Islamic Federation of Belgium). Ветвь в рамках религиозно-политического движения Милли Герюш. Поддерживает отношения с мусульманами нетурецкого происхождения и некоторыми европейскими публичными авторитетами. Контролирует около трети турецких мечетей Бельгии. Сайт: <http://www.fibif.be>.

Существуют также другие турецкие организации, но они являются менее крупными. Движение Гулен (<http://www.idp-pdi.be>) характеризуется призывами к реформированию ислама. Под его руководством находятся шесть высших и средних образовательных учреждений, а также некоторые религиозные центры. Оно сконцентрировано на создании экономической и интеллектуальной элиты мусульман. Другая организация — Бельгийская федерация ассоциаций алевитов (Belcika Alevi Birlikleri Federasyonu, англ. Belgian Federation of Alevi Associations; <http://www.babf.be>) представляет турок-алевинов.

Марокканские религиозные группы и мечети в Бельгии не организованы так стройно вдоль идеологических линий. Объединения существуют, но они формируются в основном личностями. Так что сложно дать картину общих тенденций в рамках сообщества выходцев из Магриба. Большая часть бельгийских мусульман-марокканцев придерживаются маликитского мазхаба, который тесно связан с марокканской монархией и традиционными марокканскими лидерами.

Религиозно-политические группы, как например марокканская *Al adl wal Ihsane*, *Boutchichiyya tariqa* или реформистские течения египетских *Братьев мусульман*, представлены, преимущественно среди хорошо образованных сегментов общества. Движение *Таблиг* представлено среди менее образованных марокканцев. Наконец, салафитские течения имеют некоторую популярность среди молодых мусульман и обращенных мусульман.

Марокканские религиозные ассоциации и мечети организованы иногда как провинциальные федерации. *Антверпенский союз мечетей и исламских ассоциаций* (UMIVA; Unie des Moskeeën en Islamitische Verenigen van Antwerpen, англ. Antwerp Union of Mosques and Islamic Associations; umiza.vzw@antwerpen.be) больше подходит для говорящих на голландском языке. *Союз мечетей Брюсселя-Брабанта и Валлонии* (UMBB, Union des Mosques de Bruxelles-Brabant Wallon, англ. Union of Mosques of Brussels-Brabant Wallonia; bruxellesumbbwf@maktoob.com) обращается к носителям французского языка. Эти две организации являются старейшими марокканскими организациями в Бельгии.

Существуют также марокканские ассоциации в виде объединений. Например, *Федерация союзов мечетей* (FUM, англ. Federation of Mosque Unions), *Федерация марокканских ассоциаций* (FMV, Federatie voor Marokkaanse Verenigen, англ. Federation of Moroccan Associations), *Федерация марокканских демократических организаций* (FMDO, Federatie voor Marokkaanse Democratische organisaties, англ. Federation of Moroccan Democratic Organisations) или *Союз развития и эмансипации мусульман* (VOEM, Vereniging voor Ontwikkeling en Emancipatie van Moslims, англ. Union for the Development and Emancipation of Muslims). Эти этнокультурные федерации выполняют функции в т. ч. исламских федераций, но больше фокусируют внимание на этнокультурных, а не на религиозных принципах.

Исламский и культурный центр Бельгии (ICC, Centre Culturel et Islamique de Belgium). Известен также как Большая мечеть, располагался в главной мечети Брюсселя с 1969 года. Был создан Всемирной исламской лигой, и сыграл главную роль в признании мусульман бельгийским правительством. Продолжает иметь некоторое влияние среди североафриканского населения, и среди большинства новообращенных. Проводит курсы арабского языка и исламской теологии. Сайт: <http://www.centreislamique.be>.

Босния и Герцеговина

Согласно последней официальной переписи в Боснии и Герцеговине, проведенной в 1991 году, 1,9 млн (или 43,5%) из 4,37 млн жителей страны объявили себя «мусульманами» по национальному признаку. Принято считать, что ислам появился в Боснии с войсками Османской империи в 15 веке. Боснийские мусульмане в основном являются потомками христиан (католики, православные, или приверженцы вымершей средневековой боснийской церкви), которые приняли ислам за четыре века османского владычества с середины 15 века до 1878 года, когда Босния стала частью Австро-Венгерской империи до 1918 года. С 1918 до 1992 года территория нынешнего боснийского государства являлась составной частью трех стран, в том числе Королевства Югославии (1918–41), Независимого государства Хорватии (1941–45), и коммунистической Югославии (1945–92).

Босния и Герцеговина является светским государством без государственной религии. Государство определило свои отношения с церквями и религиозными организациями в «Законе о свободе религии и правовом статусе церквей и религиозных организаций в Боснии и Герцеговине», который был принят в 2004 г. Закон предусматривает свободу вероисповедания, утверждает правовой статус церквей и религиозных общин, и устанавливает отношения между государством и религиозными общинами. В 2006 году католическая церковь, а в 2008 году и Сербская Православная Церковь подписали базовые соглашения с государством, в то время как исламские сообщества Боснии и Герцеговины, после некоторых колебаний, только готовятся подписать аналогичное соглашение.

Основной мусульманской организацией в стране является *Исламское сообщество Боснии и Герцеговины* (ICBH, Islamska zajednica u Bosni i Hercegovini, Zelenih beretki, англ. Islamic Community in Bosnia and Herzegovina; www.rijaset.ba). ICBH, согласно своей Конституции, является «единственной и единой общиной мусульман в Боснии и Герцеговине, боснийцев за пределами своей родины и других мусульман, которые принимают ее как свою собственную. Автономия ICBH основана на религиозных и правовых учреждениях боснийских мусульман с момента установления османского правления в Боснии». ICBH признано государством как учреждение, которое традиционно представляет ислам в Боснии и Герцеговине. Оно является независимым в регулировании сво-

ей деятельности (ритуалы, исламское образование, распределение исламских пожертвований, издательская деятельность, благотворительность и т. д.), может управлять своим имуществом, и финансируется в основном через членские взносы, закят и др. ИСВН разделено на 9 муфтиятов в Боснии, включая военный муфтият как сверхтерриториальное образование, и 5 подразделений в Словении, Хорватии, Санджаке в Сербии, Германии и Австралии, наряду с прочими зонтичными организациями, объединяющими боснийских мусульман в США, Австрии и других европейских странах на основе их этнорелигиозной самобытности. Образовательные учреждения, управляемые ИСВН включают шесть исламских вузов и медресе, светскую школу (Bosnjačka gimnazija) и три факультета. Все контактные данные представлены на главной веб-странице ИСВН www.rijaseta.ba.

Помимо ИСВН существуют также сравнительно небольшие организации. Среди них миссионерские, культурные, научные, студенческие, женские и др. Наиболее значительной благотворительной организацией является Мусульманское благотворительное общество «Мерхамет» (Muslimansko dobrotvorno drustvo «Merhamet», англ. Muslim Charitable Society «Merhamet»), созданное еще в 1913 году. Можно выделить также две женские организации: Женский образовательный центр «Нахла» (Zenski edukacioni centar «Nahla»; www.nahla.ba) и Женская образовательная организация «Кевсер» (Zenska edukaciona organizacija «Kewser»; www.kewser-zehra.com.ba).

Греция

Начиная с XIX века, в Греции проживало много турок-мусульман. Ситуация несколько изменилась после конфронтации с Турцией и новой миграционной волны 1990-х гг. (из Африки, Азии и Албании). Сегодня в Греции приблизительно 105 тыс. мусульман, имеющих греческое гражданство. Учитывая граждан и иммигрантов, на сегодняшний день в Греции живут приблизительно 350 тыс. мусульман, что составляет 3,1% от общего населения (11 млн). Согласно подсчетам 2009 г., среди иммигрантов имеются афганцы (20 тыс.), пакистанцы (70 тыс.), бангладешцы (25 тыс.), палестинцы (12 тыс.), сирийцы (15 тыс.), египтяне и иракцы (40 тыс.) и др. Среди мусульман с гражданством очень много турок. Суннизм является наиболее популярным направлением, шиизм распространен гораздо слабее; среди турок и курдов также встречается алевизм.

Централизованная организация мусульман отсутствует. Основное разделение идет между турками-гражданами и иммигрантами другой этнической принадлежности. Большинство турок-граждан проживают во Фракии. Их взгляды представляют две ассоциации: Ассоциация выпускников фракийского меньшинства (англ. Association of University Graduates of the Minority of Thrace) и Турецкий союз Ксанти (англ. Turkish Union of Xanthi). Некоторые организации, содержащие в названии указание на турецкую идентичность, были запрещены греческим государством, поскольку предполагается, что возможна только религиозная, но не национальная организация. Несмотря на то, что такое решение было осуждено Европейским судом по правам человека, это никак не повлияло на позицию греческого правительства.

В Афинах было организовано представительство пакистанцев: Пакистано-греческая культурная ассоциация (англ. Pakistano-Greek Cultural Association).

Две взаимосвязанные организации призваны представлять общеисламские интересы: Арабо-эллинистический центр культуры и цивилизации (англ. Arab-Hellenic Centre for Culture and Civilisation) и Ассоциация мусульман Греции (англ. Association of Muslims in Greece).

Внутриисламская динамика неясна, поскольку нет четко артикулированного дискурса; организации озабочены преимущественно практическими проблемами, отсутствует единая стратегия. Место ислама в греческом обществе также связано с политикой и, особенно, с греко-турецкими отношениями.

Ирландия

Последняя перепись 2006 г. показала, что в Ирландии живут 32,539 мусульман; это на 69% больше, чем в 2002 году. Однако председатель Ирландского совета имамов (Irish Council of Imams), Хусейн Халава, утверждает, что на 2008 год в Ирландии проживают 45,000 мусульман из более чем 50 национальностей. В Ирландии нет доминирующей национальной или этнической группы в рамках мусульманского сообщества. Перепись, однако, показала, что большинство мусульман не являются ирландцами, что связано с высоким уровнем иммиграции. Большая часть исламского населения — сунниты. В 2007 г. шиитское меньшинство составляло примерно 5000 человек. Мусульмане встречаются по всей Ирландии, но более половины из них живут в Дублине,

а также в его пригородах. Второй город по числу мусульман — Корк.

Исламское население многообразно. Значительная часть иммигрантов 1950–1990-х гг. — это студенты, которые приехали в Ирландию за высшим образованием и остались там, а также бизнесмены. Так что, среди ирландских мусульман много образованных и профессионально обученных людей. Например, согласно Исламскому фонду Ирландии (IFI, Islamic Foundation of Ireland), в Ирландии имеются 2000 мусульман с ученой степенью. Ирландский экономический бум 1990-х гг. разнообразил лицо мусульманской иммиграции. В начале 1990-х гг. начался поток беженцев из Боснии, Косово и Сомали, а также из Нигерии, Алжира, Ливии и Ирака. Таким образом, социально-экономический вид сообщества несколько изменился за это время.

Существует недостаток в исследованиях и литературе о гражданской активности этнических меньшинств Ирландии, хотя доклад 2005 г. свидетельствует о том, что имеет место растущая активность среди иммигрантов Ирландии. На данный момент в политической сфере нет мусульман, но в 2007 году было основано Лобби мусульманского сообщества (Muslim Community Lobby), чтобы поддерживать ирландских мусульман в их гражданской активности. В дополнение к этому, главные мусульманские организации участвуют в консультациях с правительством по широкому кругу вопросов.

Исламский фонд Ирландии (IFI, Islamic Foundation of Ireland). Организация основана еще в 1959 г. под именем Дублинского исламского общества (Dublin Islamic Society), переименована в 1990 году. Находится в Дублине. IFI создало в 1976 году первую мечеть в Ирландии. У фонда имеется писанная конституция и избираемый совет. Членство открыто для всех мусульман Ирландии. Сами считают себя официальным представительством мусульман в Ирландии. Сайт: www.islaminireland.com.

Исламский культурный центр Ирландии (ICCI, Islamic Cultural Centre of Ireland). Был основан в 1996 году на деньги шейха Хамдана Бин Рашида Аль Мактума (Sheikh Hamdan Bin Rashid Al Maktoum), депутата из Дубаи. Считается, что именно данная организация является публичным представителем мусульман Ирландии. Центр выполняет широкий диапазон религиозных и социальных функций: переводы, брачные церемонии, похороны, строительство библиотек, гимназий. В 2005 году в рамках Центра был открыт

Департамент социального обеспечения. Многие мусульмане связаны и с IFI, и с ICCI, поскольку между этими организациями нет существенных различий в том, что касается официального представительства мусульман Ирландии. Сайт: www.islaminireland.ie.

Исламский центр Ahlul Bayt (Ahlul Bayt Islamic Centre). Является представительством шиитов. Центр имеет свою мечеть, также центр ведет активную социальную деятельность. Сайт: <http://homepage.eircom.net/~ahlulbyteassociation>. Другое представительство шиитов — Общество Баб-уль-Ильм (Bab-ul-Ilm society; сайт: www.babulilm.ie).

К другим мусульманским организациям относятся: Исламское общество Голуэя (Galway Islamic Society); Мусульманское общество Корка (Cork Muslim Society; сайт: www.corkmosque.org); Исламское сообщество Лимерика (Limerick Islamic Society); Исламское общество Уотерфорда (Waterford Islamic Society). Все эти организации связаны с IFI. Верховный совет мусульман Ирландии (Supreme Muslim Council of Ireland) создан Шейхом Шахидом Сатардином (Sheikh Shaheed Satardien). Задумывался как главное сообщество, на которое опираются и к которому восходят все другие. Но задача провалилась.

Молодые мусульмане представлены организацией Мусульманская молодежь Ирландии (Muslim Youth Ireland; сайт: www.muslimyouthireland.wordpress.com). Другая организация — Комитет публичных дел мусульман Ирландии (Muslim Public Affairs Committee Ireland). Комитет претендует на защиту интересов мусульман и ислама в Ирландии. Сайт: <http://mpac.ie>.

Испания

Конституция Испании 1978 г. (статья 16.2) препятствует статистическим сборам информации о религиозных группах Испании. Число мусульман в Испании — это проблема подсчетов, которые не всегда основаны на объективных критериях. Некоторые представители ислама говорят о 2 млн мусульман, другие — только о 800 тыс. Обсерватория Андалусии, созданная Союзом исламских сообществ Испании (Union of Islamic Communities in Spain) в 2003 году, предоставляет ежегодный отчет о мусульманском населении Испании. Этот отчет дает хороший базис для оценки количества мусульман Испании, но к нему должны быть добавлены мусульмане, которые являются потомками более ранних иммигрантов. В итоге мы имеем примерно 1,148 млн мусуль-

ман, что составляет ок. 2.5% общего населения Испании.

Испанское правительство поддерживает мусульманское сообщество через ежегодные гранты и программы Фонда плюрализма и сосуществования (Fundación Pluralismo y Convivencia, англ. Foundation for Pluralism and Coexistence), который в 2008 году выделил 701 тыс. евро, что составляет примерно 40% от общих денег, выделенных на религиозные меньшинства. В начале 2009 года в Гренаде была создана Партия возрождения и единства Испании (PRUNE, Partido Renacimiento y Unión de España, англ. Renaissance and Union Party of Spain), ставшая первой мусульманской политической партией. Она была зарегистрирована Министерством внутренних дел. Партия отстаивает «испанизацию» и выступает сторонником социального и морального возрождения на основе принципов ислам. Лидер партии — Мустафа Бакках (Mustafa Bakkach). Партия имеет связи с Марокко.

Испанская федерация исламских религиозных организаций (FEERI, англ. Spanish Federation of Islamic Religious Entities). Организация была создана в 1989 г. и до 2006 года. Сейчас FEERI контролируется ассоциациями марокканского происхождения, ее президент Мухаммед Ахмед Али выражает марокканские интересы. В рамках федерации имеются серьезные разногласия между партией Мухаммеда Ахмеда Али и марокканскими ассоциациями, связанными с движением Справедливость и милосердие (‘Adl wa al-Ihsan).

Союз исламских объединений Испании (UCIDE, англ. Union of Islamic Communities of Spain). Был создан в 1991 году Риаем Татари Бакри (Riay Tataru Bakri), имеющим сирийское происхождение. Считается, что он идеологически связан с Братьями Мусульманами. Сайт: <http://es.ucide.org>.

На ноябрь 2009 г. в Испании зарегистрировано 707 исламских религиозных учреждений, 407 из них принадлежат UCIDE, 54 — FEERI, и 246 не связаны ни с одной из федераций. В контексте отсутствия развития в организационной структуре и бездействия Исламского комитета Испании (Islamic Commission of Spain), многочисленные исламские организации призывали к модификации представительской модели ислама в Испании. С 2010 г. испанское правительство начало процесс выборов мусульманских представителей на региональном уровне. Эти представители затем должны выбрать руководство, которое возглавит обновленный Исламский комитет

Испании. Данная идея породила интенсивные дебаты в мусульманских сообществах, а также новые организационные инициативы и стратегии кооперации.

Италия

История ислама в Италии восходит к 7–8 вв. н. э. Некоторые арабоязычные сообщества сохранились в Сицилии с 9 века. До 1970 г. ислам практически отсутствовал в Италии. С 1970 г. Италия начала привлекать мигрантов-рабочих из Северной Африки (особенно, Марокко) и Албании. Сегодня ислам является второй крупнейшей религией в Италии после католичества (примерно 87% населения считают себя римскими католиками). На данный момент не существует надежной информации о количестве мусульманского населения в Италии. Согласно последним подсчетам, это около 1,25–1,42 миллиона человек, что составляет примерно 2% от общего населения (60 млн). Подавляющее большинство являются суннитами. Распределение мигрантов по странам: Марокко (253,238), Албания (177,185), Тунис (68,287), Сенегал (52,598), Египет (48,724), Пакистан (34,253), Бангладеш (33,525) и др. Только около 40–50 тыс. имеют гражданство (включая 10 тыс. обращенных из христианства). Исламские общины распределены по всей Италии, но наиболее крупные группы отмечены в Милане и Риме. С недавнего времени мусульмане участвуют в политике — как правило, на локальном уровне. В итальянском парламенте заседают два исламских депутата.

В последнее время были сделаны попытки урегулировать отношения между государством и исламскими сообществами. Согласно декрету от 10 сентября 2005 года был образован Сопроводительный Совет Итальянского Ислама (Consulta per l’Islam italiano, англ. Consultative Council of Italian Islam) в рамках Министерства внутренних дел. Но работа этого Совета с тех пор была несколько замедлена. Несмотря на отсутствие активных контактов с государственными органами, ислам играет существенную роль в социальной жизни Италии.

Поскольку в Италии исламское сообщество состоит из иммигрантов и различных групп, не являющихся этнически гомогенными, и они распределены по всей территории Италии, то многие исламские организации представляют только группу мусульман, живущих в стране. Связи между этими организациями не очень сильны, и между ними много разногласий. Таким образом, отсутствует единое руководство исламским дви-

жением. Можно выделить следующие крупные организации:

Союз исламских объединений и организаций Италии (UCOII, Unione delle Comunita e delle Orhanizzazioni Islamiche in Italia, англ. Union of Islamic Communities and Organizations in Italy). Дислоцируется в Риме. Основан в 1990 году на базе более старого Объединения мусульманских студентов Италии (USMI), которое создано в 1971 году. UCOII является главной исламской организацией Италии. С ней ассоциированы наиболее важные исламские центры. В ее руководство входят политики, профессионалы и другие социально интегрированные люди, чье происхождение (Сирия, Иордания, Палестина) чаще всего не связано с большинством исламских мигрантов. Сайт: www.islam-ucoi.it.

Исламский культурный центр Италии (Centro Islamico Culturale d'Italia, англ. Islamic Cultural Centre of Italy). Это культурный центр мечети Рима, связанный с посольствами мусульманских государства и с Мусульманской мировой лигой (Muslim World League). Он играет главную роль в организации культурных и молитвенных центров и в установлении отношений с властями. Сайт: www.lega-musulmana.it.

Исламское религиозное сообщество (Comunita Religiosa Islamica, англ. Islamic Religious Community). Дислоцировано в Милане. Состоит из обращенных в ислам итальянцев, играет активную социальную функцию, участвует в дебатах и пр. Сайт: www.coreis.it.

Исламский союз на западе (Union Islamica in Occidente, англ. Islamic Union in the West). Одна из первых исламских ассоциаций в Италии. Она связана с Исламским культурным центром Италии и организует некоторые культурные инициативы (например, курсы арабского языка). Сайт: www.wics-it.org.

Союз мусульман Италии (UMI, Unione dei Musulmani in Italia, англ. Union of Muslims in Italy). Находится в Турине. Основан в 2007 году марокканскими религиозными лидерами в Турине. Целью группы является представление умеренного ислама и развитие межрелигиозного диалога. Она имеет хорошие отношения с марокканским правительством. Сайт: www.umislaminitalia.com.

Союз итальянских мусульман (Unione Musulmani d'Italia, англ. Union of Italy's Muslims). Находится в Турине. Лидером является обращенный итальянец Адел Смит, известный своими радикальными взглядами и провокационными речами. Он ставит цель создать политичес-

кую партию мусульман в Италии. Сегодня группа менее активна, чем в прошлом.

Ассоциация итальянских мусульман (Associazione Musulmani Italiani, англ. Italian Muslims Association). Находится в Риме. Организована обращенными итальянцами. Роль этой организации сейчас невелика. Сайт: www.animuslims.org.

Существуют также многочисленные мелкие организации. Обзор можно найти на сайте: www.cesnur.org/religioni_italia/islam.htm. Стоит отметить, что большинство мусульман участвуют только в культурной и религиозной жизни их собственных мечетей, включенность в акции других организаций не распространена.

Латвия

Хотя мусульмане (в основном татарские иммигранты и другие мусульмане, списанные из русской царской армии) начали прибывать и заселять тогда еще находящуюся под управлением России Латвию во второй половине 19 в., первые мусульманские поселения в Риге относятся к 1902 г. К началу Первой мировой войны население разрослось до 1000 чел., но в течение и сразу после войны мусульманские общности в теперь уже независимой Латвии уменьшились до 150 чел. и продолжали уменьшаться до 70 чел. к 1935 г. Сейчас, большая часть латвийских мусульман являются поселенцами и потомками поселенцев советского периода, когда массы людей из советской Центральной Азии и ее республик двинулись к Балтике. Предполагаемые оценки численности современной мусульманской общины варьируются от 500 до 10000 чел., но не проводится различие между номинальными мусульманами и мусульманами, практикующими ислам. В 2001 г. глава латвийского исламского сообщества оценил количество номинальных мусульман в размере 5000 чел. (на самом деле, по результатам последних статистических данных, насчитывается 2800 татар, 1700 азербайджанцев, 300 узбеков, проживающих в настоящее время в Латвии), но добавил, что практикующих ислам только 10%. Религиозные праздники посещают 300–400 чел., но иногда их бывает больше, до 500 чел. Подавляющее большинство латвийских мусульман расположено в столице Риге и в ее окрестностях и в Даугавпилсе.

Латвия является конституционным светским государством без государственной религии. Государство делает различие между «традиционной» верой (лютеране, православные,

католики и еврей) и «новой» верой; ислам относится ко второй категории. Религиозные организации нетрадиционных вероисповеданий должны перерегистрироваться ежегодно первые десять лет своего существования. В настоящее время мусульмане в Латвии находятся в процессе регистрации единомышленников — конгрегаций, чтобы получить нужное количество для формирования ассоциации.

Согласно центральному статистическому управлению на 2008 г. существует 16 зарегистрированных независимых мусульманских религиозных организации. Латвийская мусульманская община включает в себя Исламский информационный центр и молитвенный зал, которые возглавляет Зуфар Зайнуллин. Это главная мусульманская организация страны и большая часть ее членов — русскоговорящие мусульмане (татары и выходцы из бывших советских республик). Она имеет несколько дружественных объединений, созданных с целью образования союза мусульманских конгрегаций, для учреждения которых закон требует членства 10 зарегистрированных организаций, состав каждой — не менее 20 человек. Существуют несколько конкурирующих конгрегаций с незначительным количеством членов, которые выступают против создания союза под предводительством латвийского мусульманского сообщества. В октябре 2009 г. создана новая конгрегация, *Латвийский мусульманский консультационный центр*, возглавляемый бывшим имамом латвийской исламской общины, была создана в Риге. Она имеет отдельный молитвенный зал и находится в Риге (*muslim-riga@inbox.lv*). Вторая крупнейшая конгрегация — *Исламский центр Даугавпилса*, большая часть центра — русскоговорящие мусульмане. Также в Риге функционирует кружок по изучению суфизма Хазрата Инайята Кхана. Это квази-мусульманское объединение, его члены фактически отрицают свою принадлежность к мусульманам. Оно представляет собой синкретичное, новомодное ответвление традиционного Суфийского ордена, принесенное в Балтику англичанином Джеймсом Бургессом в середине 1990-х гг.

В начале 20 в. в Риге был открыт молитвенный зал, но он не пережил советского периода. Молитвенный дом в купленном помещении на ул. Бривибас, 104, был открыт в 2005 г. латвийской мусульманской общиной. В октябре 2009 г. был открыт новый молитвенный дом бывшим имамом молитвенного дома на ул. Бривибас. Также есть по меньшей мере 2 местоположения

в частных домах в Риге, где иногда собираются мусульмане для коллективных молитв. Общины Даугавпилса и Вентпилса имеют импровизированные молитвенные залы. С начала 1990-х гг. велось множество разговоров о строительстве мечети в Риге, но никаких практических шагов к достижению этой цели сделано не было, и лидер латвийского исламского сообщества узнал, что за время дискуссий надобность в строительстве мечети отпала.

Литва

В последней переписи населения от 2011 г. был вопрос о религиозной принадлежности, и согласно подсчетам были получены следующие данные: 2,860 мусульман, или 1% от общего населения, из которого 1,679 (58,7%) представлены этническими татарами, 362 (12,6%) — азербайджанцы, 185 — литовцы и 74 — русские. Татары проживают в Литве (особенно в восточной части настоящей Республики Литвы) с 14 в., когда они начали заселять территорию Великого княжества Литовского в качестве миссионеров и политических эмигрантов. Большинство других литовских татар — потомки эмигрантов из мусульманских кавказских республик и республик Центральной Азии, которые поселились в Литве во время советского периода. К 2009 г. количество мусульман в Литве возросло вследствие иммиграции (около 1 000 чеченцев) и приобщения к мусульманской вере (150–250 из них посредством брака). Общее число мусульман в 2009 г. составляло 7 000 чел., но число мусульман, практикующих ислам регулярно, не превышает 500 чел. Почти 2/3 (свыше 64%) литовских мусульман проживают в столице Вильнюс, втором по величине городе Каунас и районах в окрестностях этих городов.

Литва — светская республика без государственной религии, хотя католики номинально представляют большинство (79% согласно переписи от 2001 г.) населения. Суннитский ислам (традиционная вера литовских татар) признан законом в 1995 г. как одна из 9 традиционных религий Литвы, и мусульманская община через свои представительские учреждения получает небольшую ежегодную государственную субсидию, которая используется для оборудования мечетей и других общественных зданий. Как мусульманская община, так и муфтият состоят из подавляющего большинства татар. Другие мусульманские деноминации (такие как шииты) имеют право на свободу религии и сознания, но не имеют такого официального статуса как суннитские

мусульмане. Отдельной религиозной конгрегации шиитов не существует. Зарегистрированные квази-мусульманские группы, такие как Кружок изучения суфизма, имеют легальные права и защиту.

По всей Литве существует около дюжины мусульманских организаций. Основная — *Духовный центр литовских мусульман-суннитов* — в настоящее время возглавляется муфтием Ромасом Якубаускасом; Центр возобновил деятельность в 1998 г., основную его часть составляют литовские татары. Муфтий избирается на 5 лет представителями местных конгрегаций, которые до сих пор по преимуществу татарского состава. Хотя муфтият функционировал больше десяти лет, ни предыдущий, ни нынешний муфтий не выполняли основную функцию муфтия — выдачи фетв. Первый муфтий (находился в должности в 1998–2008 гг.) имел ограниченное религиозное образование и плохое знание арабского языка, в то время как нынешний муфтий, несмотря на хорошее образование, не установил своего статуса как компетентного алима. Большая часть других мусульманских организаций подчиняется муфтияту. Более активные организации состоят из арабов. Они принадлежат мусульманскому молодежному обществу Каунаса и занимаются переводом и выпуском религиозной литературы; также они принимают участие в религиозном образовании местной мусульманской молодежи. Других значимых мусульманских организаций нет, некоторые занимаются пропагандой ислама через интернет (например, организация аль-Тайхид).

Нидерланды

После того как Ост-Индия и Суринам добились независимости, большое число иммигрантов приехало в Голландию из этих стран. Однако самая большая группа мигрантов — мигранты из Турции и Марокко (а также их потомки), которые приехали в качестве рабочих в 1960–1970-е гг. Большую часть турок составляют курды. Другие крупные мусульманские группы приехали позднее из Ирака, Афганистана, Ирана и Сомали; многие искали прибежища и, по сути, являлись беженцами. Небольшая группа мусульман приехала из Египта и Сирии, откуда они были изгнаны за их религиозно-политическую деятельность; пятеро человек, относящиеся к этой группе, продолжают свою деятельность в Голландии, и их считают «радикальными» имамами. Согласно подсчетам, опирающимся не на этнический критерий, а на критерий самоидентификации,

в 2007 г. в Голландии проживало 857 тыс. мусульман. Из них 318 тыс. — турецкого происхождения, 297 тыс. — марокканского происхождения, 12 тыс. — обращенные голландцы.

Кроме суннитов, в Голландии проживают также шииты, алевиты и ахмадиты. Шииты являются частью иранской диаспоры, но они часто ориентированы на светское мировоззрение и критически настроены по отношению к современному Ирану. Алевиты составляют важную часть турецко-курдского сообщества. Ахмадиты представлены в рамках суринамской диаспоры; они социально активны, имеют свои мечети и национальные организации, в обществе к ним относятся с симпатией и характеризуют как «либеральных» мусульман.

Большинство мусульман живут на западе Голландии, в иммигрантской зоне: Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Утрехте. Несколько небольших городов на востоке и юге страны также характеризуются сравнительно большим количеством мусульманского населения. Безработица в среде мусульманского населения на 2009 г. была почти в 4 раза выше, чем среди голландцев, что связано в т. ч. с последствиями экономического кризиса.

Стоит отметить, что число избирателей среди иммигрантского населения непрерывно растет, начиная с 1994 года. В Гааге представлена одна исламская партия — *Исламские демократы* (ID, Islam-Democraten, англ. Islam-Democrats), которая участвует в муниципальных выборах. В социально-политическую жизнь также включены отдельные мусульманские организации, которые склонны отстаивать ношение платка женщинами и создание исламских образовательных учреждений.

Было несколько попыток со стороны мусульман и голландцев создать единую организацию, которая бы представляла интересы всех мусульман. Большинство этих попыток провалились из-за существования внутренних религиозных разногласий (сунниты vs. шииты, сунниты vs. ахмадиты). После нескольких инцидентов, например когда имамы высказывали спорные мнения о гомосексуальности, а также после убийства Тео ван Гога в 2004 г. марокканским студентом, давление государства на мусульманские организации и на попытки создать единую организацию усилились. Тем не менее, были созданы три составных организации: СМО, CGI и NMR.

Агентство мусульманского контакта (СМО, Contact Moslims Overheid, англ. Muslim Contact Agency). Было сформировано как союз организа-

ций, но турецкие и марокканские сунниты исключили из него ахмадитские организации. В СМО входят турецкие организации: Исламский фонд Нидерландов (ISN), Турецкий исламский культурный фонд (TICF), Движение Милли Герюш, Исламский фонд-центр Нидерландов (SICN). Также СМО включает в себя Союз организаций марокканских мечетей Нидерландов (UMMON) и Шиитскую ассоциацию (OSV), представляющую в основном иранских шиитов. Таким образом, СМО является репрезентативной организацией для 369 мечетей (преимущественно суннитских) и около 500 тыс. мусульман. Сайт: <http://www.stoweb.nl>.

Исламская контактная группа (CGI, Contact Groep Islam, англ. Contact Group Islam). Включает суннитов, шиитов и ахмадитов.

Совет голландских мусульман (NMR, Nederlandse Moslim Raad, англ. Dutch Muslim Council). Национальная суннитская организация, также включает ахмадитов и алевитов.

СМО и CGI сейчас функционируют как репрезентативный орган, они принимают участие в регулярных встречах с голландским министром интеграции и иммиграции. Они играют важную роль в установлении диалога между мусульманами и голландским обществом по важным вопросам. Но они не пользуются поддержкой молодого населения. Молодые люди считают их замкнутой группой, выражающей интересы первых мигрантов и идущей на поводу у голландского правительства в его антиисламской политике.

Близки друг к другу организации Ал Нуса (<http://www.alnisa.nl>), выражающая интересы женщин-мусульманок, и Ассоциация имамов Голландии (VIN; <http://www.imamonline.nl>), они тесно связаны с Марокко. Можно также отметить организации Ислам и диалог и Академия диалога, которые связаны с движением Фетхуллага Гюлена. Организация Ихсан (<http://ihsannet.nl>) задействована преимущественно в социальной работе на национальном уровне. Сообщество исламских женщин (LIVN, <http://www.livn.nl>) активно в плане межрелигиозного диалога и по проблеме эмансипации женщин.

К более радикальным организациям относятся Хизб ут-Тахрир (букв. «Исламская партия освобождения»; <http://www.kalifaat.org>), которая стремится к объединению всех мусульман в рамках халифата, но представляется, что это объединение менее активно задействовано в жизни общества. Другая организация Комитет исламского фонда Ахлу Сунна является салафитской,

включает мечеть Аз Сунна в Гааге (<http://www.al-yaqeen.com>) и мечеть Эль Таухид в Амстердаме (<http://www.eltawheed.nl>). Вместе с другими салафитскими группами эти организации являются основными объектами критики борцов с радикализмом.

Норвегия

Первая волна иммиграции из исламских стран отмечена в нач. 1970-х гг. Хотя общий запрет на рабочую иммиграцию был введен уже в 1975 году, высокая рождаемость способствовала значительному росту мусульманского населения. В 2008 г. опросы показали, что около 160 тыс. человек являются мусульманами. Это составляет примерно 3% от общего населения в 4,6 млн. В 2009 г. ок. 92,7 тыс. человек определили себя как члены мусульманской организации (т.е. 60% от общего числа). Примерно половина из них располагаются в Осло; это значит, что около 6–7% населения Осло (560 тыс.) являются членами исламских организаций. Опросы среди школьников 9–11 классов в 2006 г. показали, что 17,6% из них являются мусульманами. Самая многочисленная группа имеет пакистанское происхождение; согласно опросу 2009 г. это ок. 30 тыс. человек. В тот же год турок было 15,4 тыс., а марокканцев — 7,8 тыс. Большое количество беженцев прибыло из Ирака (24,5 тыс.), Сомали (23,6 тыс.), Боснии (15,6 тыс.), Ирана (15,6 тыс.), Косово (12,5 тыс.), Афганистана (9 тыс.). Обращенные составляют малую группу — ок. 1,5%. Спектр пакистанских и турецких влияний сейчас хорошо установлен, в то время как боснийцы и сомалийцы представляют множество отдельных традиций.

Исламский совет Норвегии (Islamsk Rad Norge; <http://www.igr.no>). Основан 22 октября 1993 г., это комплексная организация. На 2008 г. большинство — мусульмане-сунниты (ок. 60 тыс.). Политические деятели постепенно устанавливали связь с Исламским советом. С 2007 г. Совет стал получать гранты от правительства. Исламский совет является также со-основателем Совета по религиозным сообществам (www.trooglivssyn.no), в котором участвуют все крупные религиозные сообщества Норвегии, а также Ассоциация гуманистов.

Транснациональные движения, такие как Джамаат Таблиг и Братья мусульмане, некоторые шиитские группы, и небольшие ахмадийские сообщества также имеют представительство. С сер. 90-х гг. были сформированы отдельные сту-

денческие и женские организации; они характеризуются слабой зависимостью от национального фактора.

Польша

При переписи в Польше запрещено задавать вопрос о религиозной принадлежности, поэтому официальных данных о количестве мусульман не существует. По подсчетам некоторых организаций, в Польше проживают 15–30 тыс. мусульман, что составляет 0,04%–0,08% от общего населения. Польские мусульмане — это, во-первых, потомки первых татар, поселившихся на этой территории еще 14–15 вв. (и позднее), а во-вторых, студенческие иммигранты 1970-х гг. и их потомки. Татары живут небольшими сообществами в Гданьске и некоторых других городах, в то время как иммигранты из арабских (Ирак, Палестина, Сирия, Йемен) и балканских стран разбросаны по многим крупным городам. Небольшую группу составляют также беженцы из Чечни, Афганистана, Пакистана, Бангладеша и Ирака.

Мусульманский религиозный союз республики Польша (MZR, Muzulmanski Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, англ. Muslim Religious Union in the Republic of Poland) является суннитской организацией, созданной в 1925 г. Председателем и муфтием является Томаш Мишкевич, который был избран советом имамов в марте 2004 г. Играет роль официального представительства мусульман в Польше. Сайт: <http://www.mzr.pl>.

Мусульманская лига республики Польша (LM, Liga Muzulmanska w Rzeczypospolitej Polskiej, англ. Muslim League in the Republic of Poland) — это суннитская организация, созданная в 2001 г. и зарегистрированная в 2004 г. Председателем является Самир Исмаил. Сайт: <http://www.islam.info.pl>.

К менее крупным организациям относятся Ассоциация мусульманского союза (англ. Association of Muslim Unity; <http://www.al-islam.org.pl>), Исламская ассамблея Ахль-уль-Баит (англ. Ahl-ul-Bayt Islamic Assembly; <http://www.abia.pl>), Общество мусульманских студентов Польши (англ. Muslim Students Society in Poland; <http://www.islam.org.pl>), Мусульманская ассоциация культурного образования (англ. Muslim Association for Cultural Formation; <http://www.mskk-islam.8m.com>), Союз татар республики Польша (англ. Tatar Union of the Republic of Poland). Эти организации различным образом вовлечены в работу по религиозному образованию, публичным лекциям и публикации переводов мусульманских духовных писателей.

Португалия

Исламское население Португалии растет с периода деколонизации, то есть с 1974 года. По подсчетам исламских сообществ, в Португалии проживают около 46–48 тыс. мусульман, что составляет примерно 0,45% населения. Большинство представлено суннитами из Южной Азии, Мозабика и Гвинеи-Бисау; также имеются 8 тыс. исмаилитов. Небольшие группы представлены выходцами из Пакистана (3,5 тыс.), Бангладеша (4 тыс.), Марокко и Алжира (1–1,3 тыс.), Сенегала (1–1,5 тыс.) и Индии (1,5 тыс.). Большинство мусульман живут в пригороде Лиссабона, но некоторые группы сосредоточены и в других регионах (например, большинство марокканцев живут в Порту и его пригородах).

Стоит отметить, что официальные подсчеты, как правило, не отражают реальной ситуации. Так, например, согласно переписи 2001 года, мусульманами себя назвали 12,014 человек. Причина столь низких цифр заключается в том, что религиозная принадлежность не была обязательным вопросом, а португальское гражданство распространено крайне широко, и национальность/гражданство не является удовлетворительным критерием.

Роль небольших групп студентов из Мозабика, который был португальской колонией до 1975 года, проявилась в создании первых мусульманских организаций Португалии. Многие африканские мусульмане собрались вокруг суфийских лидеров, вместе с мусульманами из Бангладеша они основали мечеть (Mesquita Martim Moniz).

Исламское сообщество Лиссабона (CIL, Comunidade Islamica de Lisboa, англ. Islamic Community of Lisbon). Основано в 1968 году. Исполняет роль официального и неофициального объединения мусульман-суннитов. Около 30 тыс. суннитов связаны с данной организацией и принимают участие в ее жизни. Создание официального объединения всех мусульман Португалии планируется в 2010 году.

Центральная мечеть Лиссабона (Mesquita Central de Lisboa). Является, по сути, точкой дислокации CIL. Возглавляется имамом Давидом Муниром (David Munir). Помимо религиозных функций, выполняет также функцию книгохранилища, книжного магазина и дислокации некоторых других организаций. Сайт: <http://www.comunidadeislamica.pt>.

Другие организации: Молодежная ассоциация исламского сообщества (Youth Association

of the Islamic Community), *Исламское сообщество Палмелы* (Comunidade Islamica de Palmela), *Исмаилитский культурный центр* (Centro Cultural Ismaili), *Сообщество шиитов Португалии* (Comunidade Shi'ta de Portugal).

Словакия

Словакия — молодое государство в Центральной Европе. Она входила в состав Чехословакии и обрела независимость в 1993 г. Словакия является членом различных международных организаций, таких как Европейский Союз, ООН, ВТО, НАТО и др. Большинство граждан Словакии — христиане. Сложно назвать точное число мусульман в Словакии из-за отсутствия серьезных статистических данных. Установленное количество мусульман составляет приблизительно 5 000 чел. Мусульмане в Словакии отличаются этнически от относительного большинства арабов. Кроме арабов, к другим крупным этническим группам принадлежат албанцы, боснийцы, кавказцы и выходцы из стран бывшего СССР, а также обращенные словаки. Большинство мусульман — молодого возраста, мужчин больше, чем женщин. Обращенные словаки — либо студенты, либо служащие. Они обычно молодого возраста и среди них больше женщин, чем мужчин. Их насчитывается около 500 чел. в настоящее время. Мусульмане живут во всех частях Словакии, но в основном они сконцентрированы в столице Братиславе.

Ислам до сих пор официально не признан государством как религия, что вызывает ряд проблем. Поэтому в настоящее время мусульманам не разрешено религиозное обучение в общественных школах, открытие своих собственных школ, предоставление религиозных услуг в тюрьмах, осуществление официальных церемоний свадеб и похорон в соответствии с исламским законом и др. Закон о регистрации религиозных сообществ является одним из самых строгих в Европе. Закон был ужесточен после обновления в 2007 г. Согласно закону, регистрация новой религиозной общности требует подписей 20 000 взрослых мусульман, которые постоянно проживают в Словакии и имеют словацкое гражданство. Мусульмане не в состоянии выполнить эти требования.

В Словакии имеются несколько исламских организаций. Две наиболее значимые — Общий союз мусульманских студентов и Исламский фонд Словакии.

Общий союз мусульманских студентов в Словакии действует с 1993 г. Его основная

деятельность была направлена на организацию религиозной жизни мусульманских студентов: чтение лекций по исламу, организация собраний, презентаций, конгрессов и выпуск различных публикаций. Союз тесно сотрудничал с аналогичной организацией в Чешской Республике. В последние годы Союз вел работу на своей собственной интернет-страницей, где публиковались различные статьи на религиозную тему. Большая часть их деятельности была направлена на мусульманское сообщество, особенно на студентов, которые собирались остаться в Чешской Республике только на время.

Исламский фонд Словакии может считаться на данный момент главной исламской организацией Словакии. Это прямой последователь Союза. Поэтому Исламский фонд нуждается в удовлетворении различных нужд мусульманского сообщества наряду с деятельностью в немусульманском сообществе. Деятельность Исламского фонда можно разделить на деятельность внутри мусульманского сообщества и вне его. Внутри сообщества: ведение религиозной деятельности, благотворительность, спортивная деятельность. Вне общества: Интернет: ведение Интернет-страницы на сайте www.islamweb.sk, 3 страницы на фейсбуке, аккаунт в твиттере, мониторинг содержания интернета, канал ютуб, информационные письма. Телевидение и радио: мониторинг телевизионных и радиостанций в Чехии и Словакии. Публикации в СМИ: регулярные интервью в различных СМИ и на радиоканалах, перевод литературы на различные исламские темы. Общественные мероприятия: Лекции в исламском центре Кордоба и университетах, перекрестные дискуссии по актуальным темам ислама и о присутствии мусульман на Западе, приемы для дипломатов, журналистов и востоковедов и глав НКО. Особое место принадлежит долгосрочным проектам исламского фонда. Самый важный из них в настоящее время — перевод Корана на словацкий и чешский языки.

В общем, можно сказать, что мусульманское население в Словакии является хорошо образованным, самодостаточным, с хорошим знанием словацкого языка. В экономической сфере, многие мусульмане ведут успешный бизнес в Словакии, который способствует не только появлению новых рабочих мест, но также стимулирует экономику страны. Мусульмане не изолированы от общественной жизни, они также не живут в отдельных трущобах. Они находятся в контакте с немусульманской общественностью, что помогает налаживать общение друг с другом. Исламский фонд

наладил хорошие отношения с такими НКО, как «Люди против расизма», «Международная организация миграции», «Лига по человеческим правам», «Центр этнических и культурных исследований»; с ними ведется сотрудничество по разным направлениям.

Хотя в настоящее время нет ни одной мусульманской политической партии и мусульмане не входят в число членов парламента Словакии, в этой сфере имеются намечающиеся сдвиги. Исламский фонд в соответствии со своей политикой активного вклада в общественную жизнь опубликовал официальную рекомендацию для мусульман накануне выборов в парламент, в которой говорится о важности участия в выборах. Будущее присутствие мусульман на местном и национальном политическом уровне будет приветствоваться, и уже есть возможные кандидаты для этого.

Исламский фонд принимает участие в межрелигиозном диалоге с другими религиозными группами и деноминациями Словакии и сотрудничает по различным проектам в сфере межрелигиозного сосуществования. Союз мусульманских сообществ Словакии имеет отличные отношения с различными локальными и международными исламскими организациями. К наиболее известным из них принадлежат Мировая Ассамблея мусульманской молодежи, Мировая мусульманская лига, местные организации в Чешской Республике, Австрии, Польше и других странах. Фонд также сотрудничает с государственными религиозными институтами в мусульманских странах.

Словения

Согласно последним подсчетам 47,4 тыс. мусульман составляют 2,4% населения Словении. Представляется, что данные несколько занижены. Этот подсчет не учитывает то, что среди 23% населения, не указавших религиозную принадлежность, также могут быть мусульмане. В нем также не учитываются иммигранты. При этом само исламское сообщество не ведет никаких подсчетов, поэтому точно не известно ни количество мусульман в целом, ни количество активно практикующих верующих. Примерно 74% людей, отнесших себя к мусульманам, являются этническими боснийцами. Далее идут албанцы (11%), словенцы (6%), люди с неустановленной национальностью (4%) и др.

В Словении имеются следующие исламские организации:

Исламское сообщество республики Словения (IC, *Islamska skupnost v Republiki Sloveniji*, англ. Islamic Community in the Republic of Slovenia; www.islamska-skupnost.si). Было организовано в 2007 году. Возглавляется муфтием доктором Неджадом Грабусом (Dr. Nedžad Grabus). Является главной религиозной организацией, представляющей ислам в Словении. Она дает работу имамам и организует религиозную жизнь почти всех словенских мусульман. Выступают ветвью *Исламского сообщества Боснии и Герцеговины* (англ. Islamic Community of Bosnia-Herzegovina). Придерживается суннитского направления. По идеи, полиэтнично, но фактически подавляющее большинство составляют боснийцы. Из недавних приоритетов IC можно отметить *Женскую группу Земзема* (англ. Zemzem women's group) и *Институт Аверроэса* (англ. Averroes Institute; www.averroes.si).

Мусульманское сообщество Словении (MCS, *Slovenska muslimanska skupnost*, англ. Muslim Community of Slovenia). Было зарегистрировано в 2006 г. Османом Догичем (Osman Dogic), бывшим муфтием IC, который ушел из IC после внутреннего конфликта в 2009 г. Доктринально и этнически мало чем отличается от IC. Сайт: www.smskupnost.si.

Финляндия

Аннексия Финляндии Россией в 1808 году привела к постепенному росту численности мусульман — в основном из среды казахских и татарских солдат. Но особенно быстро исламское население стало расти в 1990-е гг., с этого периода Финляндия начала принимать беженцев. Самые большие группы представлены сомалийцами, арабами (преимущественно иракцами), курдами, албанцами, боснийцами и турками. Большинство мусульман сунниты, только десятая часть являются шиитами. Согласно подсчетам, проведенным в 2007 г., в Финляндии живут примерно 45 тыс. мусульман, что составляет 0,8% от всего населения страны (5,3 млн человек). Мусульманское население является очень молодым — около половины людей в возрасте до 20 лет. Мусульманское сообщество состоит из мигрантов первого поколения (30 тыс.), детей мигрантов и детей из смешанных браков (10 тыс.), обращенных в ислам (1 тыс.). Примерно треть являются активными мусульманами и приписаны к определенной мечети.

Всего существует около 40 ассоциаций, связанных с мечетями, и 20–30 остальных мусульманских ассоциаций. До недавнего времени

основная мусульманская активность была ориентирована на локальные вопросы и на внешние связи с родными странами. Основное деление мечетей в Финляндии проводится между суннитами и шиитами, а среди суннитов — между татарами и более новыми приезжими.

Исламский совет Финляндии (SINE, Suomen Islamilainen Neuvosto, англ. Islamic Council of Finland; www.sine.fi). Был создан в 2006 г. в качестве объединения большинства исламских организаций. На 2008 г. включал в себя 19 мелких организаций. Частично финансируется финским государством. Широкий спектр активности: кладбища, мечети, исламский закон, СМИ, религиозное образование, молодежь. Совет представляет главные мечети Финляндии (исключая два татарских объединения).

Финская исламская партия (Suomen Islamilainen Puolue, англ. Finnish Islamic Party; www.suomenislamilainenpuolue.fi) была создана в 2009 г., но не набрала достаточное количество голосов, чтобы получить официальную регистрацию. Представляет салафитскую ветвь ислама.

Хорватия

Последняя перепись населения в Хорватии показала, что 56,7 тыс. человек относят себя к мусульманам, что составляет 1,28% общего населения страны (4,4 млн человек). Если сравнивать с показателями 1991 г. (54,8 тыс), то прирост очень незначительный. Из городов больше всего мусульман представлено в Загребе (2% от населения). В целом мусульмане сосредоточены в урбанизированных регионах. Наибольшая этническая группа среди мусульман — это боснийцы (20,7 тыс.). Эта группа представлена иммигрантами из Боснии, Сербии и Черногории (и их потомками), прибывшими во второй половине XX в. Другая хорошо представленная этническая группа — это албанцы (15 тыс.). Мусульмане в Хорватии являются преимущественно суннитами, придерживающимися ханафитского мазхаба.

Исламское сообщество Хорватии (ICC, Islamska zajednica u Hrvatskoj, англ. Islamic Community in Croatia; <http://www.islamskazajednica.hr>) является единственным официально зарегистрированным исламским религиозным сообществом в стране. ICC установило кооперацию с правительством, городскими и муниципальными властями и отношения с другими религиозными сообществами. Оно состоит из Собора, исполнительного органа под названием Мешихат, локальных мусульманских объединений и

Загребской исламской высшей школы (Islamska gimnazija). В настоящее время муфтием является Севко Омербашич (Sevko Omerbasic). На практике ICC является независимым религиозным институтом, несмотря на его символическую связь с Исламским сообществом Боснии и Герцеговины.

Чехия

Чешская Республика — молодое государство в Центральной Европе. Она была частью Чехословакии и обрела независимость в 1993 г. Чехия является членом различных международных организаций, таких как Европейский Союз, ООН, ВТО, НАТО и др. В соответствии со статистическими данными Чешского статистического бюро, большинство населения являются атеистами, неверующими или неорганизованными верующими (59%). Большая часть верующих представлена римскими католиками, которые составляют 27,4% населения. Сложно назвать точное число мусульман в Чешской Республике из-за отсутствия серьезных статистических данных. Согласно оценкам, точно установленное число мусульман составляет приблизительно 15 000 чел. Мусульмане в Чешской Республике отличаются этнически от относительного большинства арабов. Кроме арабов, к другим крупным этническим группам принадлежат албанцы, боснийцы, кавказцы и другие страны бывшего СССР, а также новообращенные из Чехии. Большинство мусульман молодого возраста, мужчин больше, чем женщин. Что касается арабов, то они представлены студентами, выпускниками университетов (80% из них — выпускники медицинских университетов, 20% — инженеры), бизнесменами, и другими специалистами. Албанцы в основном заняты в сфере гастрономии и кондитерском производстве. Боснийцы работают торговцами или бизнесменами, кавказцы также являются торговцами и бизнесменами. Чешские новообращенные — либо студенты, либо сотрудники. Они также молодого возраста. Их начитывается около 1000 чел. в настоящее время.

Мусульмане в Чешской Республике смогли пройти первый уровень регистрации своего религиозного сообщества. Для регистрации религиозного сообщества в Чешской Республике по закону необходимо пройти два первых уровня. В настоящее время мусульманам не разрешено религиозное обучение в общественных школах, открытие своих собственных школ, предоставление религиозных услуг в тюрьмах, осуществление официальных церемоний свадеб и похорон в соответс-

твии с исламским законом и т. д. Для того чтобы мусульмане могли осуществлять эти виды деятельности, им необходимо достичь 2 уровня регистрации.

Общий союз мусульманских студентов в Чешской Республике работает с 1993 г. Его основная деятельность была направлена на организацию религиозной жизни мусульманских студентов: чтение лекций по исламу, собрания, презентации, конгрессы и выпуск различных публикаций. Союз тесно сотрудничал с аналогичной организацией в Словакии.

Союз мусульманских сообществ Чешской Республики может считаться одной из главных мусульманских организаций в Чешской Республике. В него входят Исламский фонд в Праге, Брно и Общий союз мусульманских студентов в Чешской Республике. Эти фонды должны охватывать многие потребности мусульманского сообщества наряду с деятельностью немусульманского общества. Деятельность Исламского фонда в Брно и Праге может быть разделена на деятельность внутри мусульманского сообщества, и деятельность, направленную на основную общественность. Внутри сообщества: ведение религиозной деятельности, благотворительность, сбор пожертвований для беженцев, физическая, религиозная и юридическая помощь после катастроф. В отношении основного общества: ведение Интернет-страницы на сайте www.islam.cz и www.mesita.cz. Публикации в СМИ, перевод литературы на различные исламские темы. Общественные мероприятия: лекции в исламских центрах и университетах, перекрестная дискуссия по актуальным темам ислама и о присутствии мусульман на Западе и др.

В общем, можно сказать, что мусульманское население в Чехии является хорошо образованным, самодостаточным, с хорошим знанием чешского языка. В экономической сфере, многие мусульмане имеют успешный бизнес, который способствует не только появлению новых рабочих мест, но также стимулирует экономику страны. Мусульмане не изолированы от общественной жизни, они также не живут в отдельных трущобах. Они находятся в контакте с немусульманской общественностью, что помогает налаживать общение друг с другом.

Хотя в настоящее время нет ни одной мусульманской политической партии, также мусульмане не входят в число членов парламента Чешской республики, будущее присутствие мусульман на местном и национальном политическом уровне будет

приветствоваться, и уже есть возможные кандидаты для этого. Некоторые виды благотворительной деятельности мусульман направлены не только на мусульманские сообщества, но и на общественную жизнь в целом.

Девиз Союза мусульманских сообществ гласит, что мусульманские меньшинства в Чешской Республике должны сосуществовать с основной частью общества. Однако они не должны терять свою мусульманскую идентичность. То, к чему призывают мусульманские сообщества, это нечто среднее между ассимиляцией и изоляцией. Они создали и следуют такой простой формуле $i+i=i$ (идентичность+интеграция=идеал).

Швейцария

До 1960-х гг. ислам в Швейцарии был представлен крайне слабо. Ситуация изменилась в связи с тремя волнами иммиграции. Первая волна относится к 1960-м гг., она была обусловлена экономическими факторами, большинство иммигрантов были из Турции, Югославии и Албании. Вторая волна началась в конце 1970-х гг. Последний тип иммиграции был связан с политическими причинами: беженцы из неблагополучных стран и режимов искали убежища в Швейцарии. Фактически, это не столько волна, сколько постоянный процесс, продолжающийся до сегодняшнего дня. Речь идет о беженцах из Ближнего Востока, Югославии, Северной Африки и других африканских стран. Согласно современным оценкам, число мусульман в Швейцарии приближается к 400 тыс., что составляет примерно 5,5% от общего населения. Мусульманское сообщество является молодым, поскольку почти половину составляют люди до 25 лет. Подавляющее большинство живут в округах Базеля, Берна, Цюриха, Женевы и др. крупных городах. Референдум 2004 г. облегчил принятие гражданства потомками иммигрантов. Самая крупная этническая группа мусульман в Швейцарии — это выходцы из бывшей Югославии (58%), за ними идут турки (21%), швейцарцы (11%), североафриканцы (4%) и др. Этот вопрос детально рассмотрен на сайте <http://www.gris.info>. Около 75% мусульман являются суннитами, 7% — шиитами, 10–15% — алевитами; незначительную часть составляют представители суфийских орденов.

В настоящее время в Швейцарии имеется более 80 мусульманских объединений и их число постоянно растет. Спектр деятельности разнится; некоторые фокусируются на религиозной деятельности, другие в большей степени ориенти-

рованы на культуру. Объединения организованы на локальном уровне, но также создаются сообщества на более высоком городском уровне, что дает им вес при обсуждении таких тем, как кладбища, мечети и т. д. На национальном уровне можно выделить три главных органа: *Мусульманские мужчины и женщины Швейцарии* (Musulmans et Musulmanes de Suisse, англ. Muslim Men and Women of Switzerland; www.islam.ch), *Лига швейцарских мусульман* (LMS, Ligue des Musulmans de Suisse, англ. League of Swiss Muslims; www.rabita.ch) и *Федерация швейцарских исламских организаций* (FOIS, Federation des Organisations Islamiques de Suisse, англ. Federation of Swiss Islamic Organisations), но официальное представительство, подобное тому, что имеется, например, во Франции, отсутствует.

Швеция

Мусульмане в большом количестве начали пребывать в Швецию в 1960–1970-х гг. Сегодня их ок. 350–400 тыс. из общего населения в 9 млн (ок. 4%). Подсчет не может считаться полностью точным, поскольку официально подобные подсчеты запрещены. Согласно Шведской комиссии по поддержке религиозных сообществ, число практикующих мусульман составляет 100 тыс. человек; возможно, более реалистичное число — 150 тыс. Исламское сообщество в Швеции гетерогенно и состоит из разобщенных этнических, религиозных и политических групп, а также из носителей различных языков. Поскольку мусульмане пребывали в Швецию как рабочие мигранты и беженцы, то уровень их образованности различен. Хотя до середины 1980-х гг. доминировала турецкая диаспора, сейчас нельзя сказать, что в Швеции доминирует какая-то одна из мусульманских групп. Современное исламское сообщество состоит из турок, арабов (из Ирака, Ливана, Палестины и т. д.), выходцев из Сомали, Ирана, Боснии; в него также входят обращенные шведы (по разным оценкам, от 1 до 3 тыс.). Большинство мусульман проживают в Стокгольме, Гетеборге и Мальме; 50% всех мусульман живут в Стокгольме. На основе существующих данных сложно сказать, сколько мусульман являются гражданами Швеции, но, вероятно, большинство являются гражданами. Национальность ребенка определяется по национальности матери, но если его отец был шведом, то ребенок может затем принять шведское гражданство.

Несмотря на политическую, экономическую и религиозную общность, с начала 1970-х гг. существовали многочисленные попытки создать

единую репрезентативную мусульманскую организацию. С тех пор было создано 5 объединений, которые в сумме объединяют 75% мусульман Швеции.

Союз исламских конгрегаций Швеции (FIFS, Forenade Islamiska Forsamlingar i Sverige, англ. Union of Islamic Congregations in Sweden) был основан в 1974 году. Сайт: <http://www.fifs.se>. В 1982 году в связи с разногласиями от этого союза отделилась группа людей, создавших *Союз шведских мусульман* (SMF, Sveriges Muslimska Forbund, англ. Sweden Muslim Union). Несмотря на конфликты и борьбу за влияние, обе организации смогли в дальнейшем объединиться под именем *Совета шведских мусульман* (SMR, Sveriges Muslimska Rad, англ. Swedish Muslim Council; www.sverigesmuslimskarad.se). Сложно связать все три организации с какой-то единой исламской идеологией, но можно отметить, что на SMR большое влияние имеют Братья мусульмане.

Установление мусульманских организаций в Швеции также связано с международными тенденциями. Например, в начале 1980-х гг. был установлен *Союз исламских культурных центров* (IKUS, Islamiska Kulturcenterunionen, англ. Union of Islamic Cultural Centres), который находился под сильным влиянием движения Сулейманджи. В 2002 г была создана организация *Шведские исламские собрания* (SIF, Svenska Islamiska Forsamlingar, англ. Swedish Islamic Assemblies). Первой соборной организацией шиитов является *Исламские шиитские объединения Швеции* (ISS, Islamisk Shiasamfund, англ. Islamic Shi'a Communities in Sweden; www.shiasamfund.se/sida1.html).

В качестве дополнения можно упомянуть большое количество этнических и религиозных организаций (как локальных, так и национальных). Например, боснийская организация (Bosniakiska Islamiska Samfundet; <http://www.izb.se>), ахмадитская (Nasir Moske Tolvskillingsgatan; <http://www.ahmadiyya.se>). Из молодежных объединений самым крупным является *Молодые мусульмане Швеции* (SUM, Sveriges Unga Muslimer, англ. Young Muslims of Sweden). Можно также упомянуть *Эритрейские молодые мусульмане Швеции* (SEUM, Sveriges Eritreanska Unga Muslimer, англ. Eritrean Young Muslims of Sweden; <http://www.seum.nu>) и *Молодежная организация мусульман Боснии и Герцеговины* (BEMUF, Bosnien-Hercegovinas Muslimska Ungdomsforbund, англ. Muslim Youth Organization of Bosnia-Hercegovina; <http://www.bemuf.org>). Образовательные функции выполняет также организация *Ибн Рушд* (<http://www.ibnrushd.se>).

Эстония

Общее число номинально проживающих мусульман в Эстонии к 2009 г. могло превысить 4500 чел., однако мусульман, регулярно практикующих ислам, едва ли насчитывается несколько сотен. Преобладающее большинство эстонских мусульман проживают в Таллинне или вблизи (информация предоставлена институтом Эстонии, февраль 1997 г.). Согласно последней официальной переписи населения 2000 г., 1387 эстонских жителей являются мусульманами, из них 754 назвали себя татарами (общее количество татар в Эстонии согласно переписи 2000 г. составляло 2,528, из них только 760 — граждане Эстонии, в то время как 681 чел. являются гражданами России), 83 — эстонцами и 79 — русскими, в то время как 455 мусульман попали в категорию «другие этнические группы». Количество относящихся себя к азербайджанцам — 88 чел. (из них только 162 чел. — граждане Эстонии), но число азербайджанцев-мусульманам не представлено. Азербайджанцы являются вторым по численности сообществом (после татар), которое происходит от мусульман. До 500 чел. (132 — узбеки, 127 — казахи, 48-чеченцы, 24 — турки, 19 — арабы, 15 — курды и др.) признали себя этнической группой, традиционно ассоциировавшейся с мусульманами. Большинство эстонских мусульман — переселенцы и потомки переселенцев с советского времени, когда сотни людей из Советских республик Центральной Азии мигрировали в Прибалтику. С другой стороны, в досоветской независимой Эстонии зарождалось мусульманское сообщество, которое состояло преимущественно из татарских эмигрантов из России.

Эстония является светским государством без государственной религии или доминирующей веры. Традиционно, эстонцы были лютеранами, но сейчас только малый процент эстонского населения причисляют себя к лютеранам. Мусульмане, как и другие религиозные общности, не имеют представительства в государственных учреждениях, и не получают государственного финансирования. Государство может финансировать только культурную деятельность этнического меньшинства, таких как татары и азербайджанцы.

Эстонская исламская конгрегация, состоящая преимущественно из татар, азербайджанцев, казахов и узбеков была официально зарегистрирована в 1994 г. Весной 2009 г., она переехала в свою постоянную штаб-квартиру на ул. Киивизе, 9 на окраине Таллинна, где в бывшем офисном здании в 1000 кв.м., приобретенном на спонсор-

ские средства из Саудовской Аравии размещается Исламский культурный центр «Турат» (в нем имеются комнаты для лекций, библиотека и читальный зал), офис имама Эстонской исламской конгрегации и молитвенный зал, открытый ежедневно с 9.00 до 22.00. Центр возглавляется имамом Ильдаром Мухамедшиным (www.islam.pri.ee). В 1995 г. была основана небольшая дочерняя организация — Эстонская исламская суннитская конгрегация. Также есть татарская конгрегация в г. Маарду, недалеко от Таллинна.

Между двумя мировыми войнами функции мечети выполнял молельный дом в Нарве, в то время как в Таллинне конгрегация арендовала помещение для молитв. С лета 2009 г. мусульмане Таллинна получили молитвенный зал в помещении исламского культурного центра «Турат», который служит главной мечетью в Таллинне. В 2008 г. было объявлено, что Эмират Шарджа выразил намерение финансировать строительство исламского религиозного и культурного центра в Таллинне, в котором будет размещена мечеть, но с переездом Эстонской исламской конгрегации в свой нынешний главный офис потребность в таком здании временно отошла на задний план.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сайты некоторых исламских организаций в странах Европы³

Австрия:

<http://www.derislam.at> — Islamic Faith Community in Austria

<http://www.aleviten.or.at> — Alevi Federation in Austria

Албания:

<http://www.kmsh.al> — Muslim Community of Albania

<http://www.komunitetibektashi.org> — World Headquarters of Bektashism

<http://www.forumimusliman.org/english/> — Muslim Forum of Albania

Бельгия:

<http://www.belcikadiyanet.be> — Diyanet

<http://www.fibif.be> — Islamic Federation of Belgium

<http://www.idp-pdi.be> — Gulen

³ В список также включены некоторые страны, не вошедшие в представленный выше обзор.

<http://www.babf.be> — Belgian Federation of Alevi Associations

<http://www.centreislamique.be> — Centre Culturel et Islamique de Belgique

Босния и Герцеговина:

<http://www.rijaset.ba> — Islamic Community in Bosnia and Herzegovina

<http://www.nahla.ba> — Zenski edukacioni centar «Nahla»

<http://www.kewser-zehra.com.ba> — Zenska edukaciona organizacija «Kewser»

Великобритания:

<http://www.mcb.org.uk> — Muslim Council of Britain

<http://www.mabonline.net> — Muslim Association of Britain

<http://www.britishmuslimforum.org.uk> — British Muslim Forum

<http://sufimuslim.homestead.com> — Sufi Muslim Council

<http://www.quilliamfoundation.org> — Quilliam Foundation

<http://al-khoei.org> — Al-Khoei Foundation

<http://www.mcscotland.org> — Muslim Council of Scotland

<http://www.muslimcouncilwales.org> — Muslim Council of Wales

<http://www.belfastislamiccentre.org.uk> — Belfast Islamic Centre

Ирландия:

<http://www.islaminireland.com> — Islamic Foundation of Ireland

<http://www.islaminireland.ie> — Islamic Cultural Centre of Ireland

<http://homepage.eircom.net/~ahlulbyteassociation> — Ahlul Bayt Islamic Centre

<http://www.babulilm.ie> — Bab-ul-Ilm society

<http://www.corkmosque.org> — Cork Muslim Society

<http://www.muslimyouthireland.wordpress.com> — Muslim Youth Ireland

<http://mpac.ie> — Muslim Public Affairs Committee Ireland

Испания:

<http://es.ucide.org> — Union of Islamic Communities of Spain

Италия:

http://www.cesnur.org/religioni_italia/islam.htm — обзор организаций

<http://www.islam-ucioi.it> — Union of Islamic Communities and Organizations in Italy

<http://www.lega-musulmana.it> — Islamic Cultural Centre of Italy

<http://www.coreis.it> — Islamic Religious Community

<http://www.wics-it.org> — Islamic Union in the West

<http://www.umislaminitalia.com> — Union of Muslims in Italy

<http://www.animuslims.org> — Italian Muslims Association

Латвия:

<http://www.islam.lv>

<http://www.islammuslim.lv>

<http://www.islamlv.netfirms.com>

Литва:

<http://www.musulmonai.lt> — Сайт мусульманского молодежного общества

<http://www.shia.visiems.lt> — Литовские шииты

Нидерланды:

<http://www.ctoweb.nl> — Muslim Contact Agency

<http://www.alnisa.nl> — Al Nisa

<http://ihsannet.nl> — Ihsan

<http://www.livn.nl> — LIVN

<http://www.kalifaat.org> — Hizb ut Tahrir

<http://www.eltawheed.nl> — El Tawheed

Норвегия:

<http://www.irn.no> — Islamsk Rad Norge

Польша:

<http://www.mzr.pl> — Muslim Religious Union in the Republic of Poland

<http://www.islam.info.pl> — Muslim League in the Republic of Poland

<http://www.al-islam.org.pl> — Association of Muslim Unity

<http://www.abia.pl> — Ahl-ul-Bayt Islamic Assembly

<http://www.islam.org.pl> — Muslim Students Society in Poland

<http://www.mskk-islam.8m.com> — Muslim Association for Cultural Formation

Португалия:

<http://www.comunidadeislamica.pt> — Mesquita Central de Lisboa

Словакия:

<http://www.islamweb.sk> — Исламский фонд Словакии

Словения:

<http://www.islamska-skupnost.si> — Islamic Community in the Republic of Slovenia
<http://www.verroes.si> — Averroes Institute
<http://www.smskupnost.si> — Muslim Community of Slovenia

Франция:

<http://www.lecfcm.fr> — French Council of Muslim Faith
<http://www.mosquee-de-paris.org> — Federation Nationale de la Grande Mosquee de Paris
<http://www.uoif-online.com> — Union of Islamic Organisations of France

Хорватия:

<http://www.islamska-zajednica.hr> — Islamic Community in Croatia

Чехия:

<http://www.islam.cz> — Союз мусульманских сообществ Чехии (1)
<http://www.mesita.cz> — Союз мусульманских сообществ Чехии (2)

Швейцария:

<http://www.islam.ch> — Muslim Men and Women of Switzerland
<http://www.rabita.ch> — League of Swiss Muslims

Швеция:

<http://www.fifs.se> — Union of Islamic Congregations in Sweden
<http://www.sveriges-muslimskarad.se> — Swedish Muslim Council
<http://www.shiasamfund.se/sida1.html> — Islamic Shi'a Communities in Sweden
<http://www.izb.se> — Bosniakiska Islamiska Samfundet
<http://www.seum.nu> — Eritrean Young Muslims of Sweden
<http://www.bemuf.org> — Muslim Youth Organization of Bosnia-Herzegovina

Финляндия:

<http://www.sine.fi> — Islamic Council of Finland
<http://www.suomenislamilainenpuolue.fi> — Finnish Islamic Party

Эстония:

<http://www.islam.pri.ee> — Эстонская исламская конгрегация
<http://www.islam.pri.ee> — Эстонские мусульмане

МАСС-МЕДИА И МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ¹

И. Ригони

*Ph. D., научный сотрудник Университета Пуатье (Франция),
руководитель исследовательской группы «Миноритимедиа»*

Замечено, что официальные СМИ могут являться могущественными врагами разного рода меньшинств. Их роль в увековечивании стереотипов, например о людях с ограниченными возможностями, этнических меньшинствах, женщинах и молодежи, хорошо задокументирована. Несмотря на то, что ислам — это вторая религия во многих западноевропейских странах, в отношении мусульман не используется культурологический подход, и они встречают глубокое непонимание. Часто ислам в сознании людей ассоциируется с насилием и фанатизмом, тогда как сами мусульмане ассоциируют свою религию со справедливостью и демократией. Противостояние этих двух взглядов укрепляет защитные «механизмы» и с той, и с другой стороны. Конечно, влияние стереотипов усилилось после 11 сентября 2001 года, но при этом увеличилось и количество голосов в пользу гражданских свобод мусульман, и эти голоса становятся все более громкими в западноевропейских СМИ. Как и другие этнические меньшинства в Европе и по всему миру, мусульмане развили свои собственные медиа, и новые технологии явно облегчили доступ к сферам интересов мусульман. В данный момент СМИ играют очень значимую роль, способствуя дебатам о социальном и политическом включении мусульман в жизнь европейских стран. В этом контексте изменения в «медиа ландшафте» представляют собой новый вызов для мультикультурных и поликонфессиональных государств.

Первые две части этой статьи посвящены описанию мусульманского дискурса в европейских масс-медиа, а также рассмотрению того, как изменилось восприятие ислама и мусульман в новом политическом контексте, где признается проблема исламофобии и продвигается культурное разнообразие и открытость меньшинств. Последние две части рассказывают о мусульманских СМИ. Как и другие этнические медиа, мусульманские СМИ могут предложить форум для обсуждения, политическую плат-

форму, пространство, где может быть представлен новый образ непонятых или ранее молчаливых меньшинств. После описания этих СМИ будет рассмотрена охватываемая ими целевая группа, особенно в сфере межполовых отношений. Хотя данная статья раскрывает основные тенденции по всей Европе, она все же сфокусирована на Великобритании, Франции, Италии, Нидерландах и Испании.

1. Доминирующий в СМИ дискурс об исламе и мусульманах.

Ислам — это та тема, которой было уделено немало внимания в последние годы в западных СМИ. Большинство печатных масс-медиа публиковали спецвыпуски, посвященные данной теме. Аудиовизуальные СМИ также сыграли свою роль, транслируя дебаты — любимый формат радио и телевидения — на данную тему.

Ислам очень часто представляется в СМИ как нечто, несущее угрозу, опасное, антиправительственное² или, как минимум, «другое», чужеродное; он очень редко понимается как легитимное или личное верование. Эта тенденция была особенно актуальна во время споров на тему ношения хиджаба во французских школах³ в октябре-ноябре 2005 года⁴, а также во время скандала с датскими карикатурами. Как я уже объясняла⁵,

² Open Society Institute. Monitoring de la protection des minorités dans l'Union européenne: La situation des musulmans en France. Budapest: OSI, 2002.

³ Rigoni I. De hoofddoek ter discussie. Een nieuwe islamitische identiteit voor de vrouw in seculier-burgerlijk Frankrijk // G. Coene, Ch. Longman (ed.). *Eigen Emancipatie Eerst? Over de rechten en representatie van vrouwen in een multiculturele sameleving*. Gent: Academia Press, 2005 (pp. 95–111).

⁴ Rigoni I. (ed.). *Qui a peur de la télévision en couleurs? La diversité culturelle dans les médias*. Montreuil: Aux Lieux d'Être, 2007.

⁵ Некоторые части этой статьи были опубликованы в следующих работах: Rigoni I. Access to Media For European Muslims // M. Emerson, A. Boubekeur, S. Amghar (eds.). *European Islam: Challenges for Society and Public Policy*. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2007 (pp. 107–123); Rigoni I. Women Journalists and Women's Press: Western Europe // A. Horner, S. Shami (eds.). *Encyclopedia of Women and Islamic Cultures*. Vol. 5. Leiden: Brill, 2007 (pp. 182–184); Rigoni I. Challenging Notions and Practices: The Muslim Media in Britain and France // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31 (3), pp. 563–580.

¹ *Rigoni I. Media and Muslims in Europe* // Nielsen J. (ed.). *Yearbook of Muslims in Europe*. Volume 1. Brill, Leiden — Boston, 2009 (pp. 475–505); статья публикуется с небольшими сокращениями. Изабель Ригони является лидером группы «Миноритимедиа», Университет Пуатье, Франция (Сайт: <http://sciencespo Bordeaux.academia.edu/IsabelleRigoni>).

общие тенденции стали явными по всей Европе. Франция и Великобритания выступают здесь двумя типичными примерами.

Во Франции тема религии ⁶, в особенности ислама ⁷, стала настоящим прорывом в медиа-дискурсе в конце 1990-х. Однако данный прорыв стал результатом эволюционного развития. В своей книге «L'islam imaginaire» Томас Делтом анализирует как слова и образы, доминирующие в СМИ и политических речах, постепенно выстроили точку зрения, с опорой на которую принято идентифицировать французское население из бывших колоний:

«В течение 80-х годов XX века, с тех пор как было покончено с оковами марксистской идеологии и после выхода второго поколения иммигрантов на публичную арену, мы наблюдаем первую эволюцию, а именно нарастающую тенденцию средств массовой информации говорить о том, что исламское население не является более «иностранной рабочей силой», как их рассматривали в предыдущем десятилетии» ⁸

Таким образом, когда центральным вопросом дебатов становился вопрос интеграции, можно было перенаправить этот вопрос в русло «ислама» и символически сохранить дистанцирование от сегмента населения, который, по всеобщему мнению, уже давно не являлся «иностранном».

Если у СМИ возникает потребность стать источником тревожных слухов, паники, то им не нужно какого-то чрезвычайного события, чтобы поднять тему ислама ⁹. Исследования показывают, что в целом французские СМИ преподносят ислам как угрозу законам республики, секуляризму, свободе выражения, женским правам и (в силу частой ассоциации с терроризмом) безопасности страны или даже всего западного мира. Седрик Хусе акцентирует свое внимание на том, что ислам

«... часто ассоциируется с исламом, который, согласно традиции, заимствованной

из неоконсервативных кругов США, называют новым тоталитаризмом и сравнивают с нацизмом или сталинизмом. Эта аналогия опирается на смешение разнородных идей, она также покоится на одностороннем понимании мусульманского фундаментализма и даже всего мусульманского мира» ¹⁰

Несмотря на очень слабую распространенность в прессе «теории заговора», некоторые издания все-таки придерживаются ее. Во время дебатов по поводу школьниц и студенток, носящих хиджаб, всем известный еженедельник «L'express» напечатал такой заголовок: «Хиджаб: план захвата. Как исламисты проникают к нам» В том же журнале философ Андрэ Глуксман, пишущий о ситуации в Ираке и Алжире, сделал следующее заявление: «Хиджаб — это террористическая операция. ...Во Франции усердные ученики знают, что их хиджабы покрыты кровью». Жесткость такой позиции не является чем-то исключительным; она отражает лишь часть общественного мнения, но при этом также воздействует на политическую сферу, сконцентрированную на вопросах безопасности. Обозреватель еженедельника «Le Point» Бернар Хенри Леви использовал термин «фашисламизм», а ведущий автор ежедневной газеты «Le Figaro» Айвэн Риуфол написал в своем разделе о «нацисламизме». Эти журналисты — не единственные, кто играет в подобные лингвистические игры. Сатирический еженедельный журнал «Charlie Hebdo», который заработал хорошую репутацию во французских СМИ за пропаганду «исламистской угрозы» ¹¹ и который прославился в скандале с Датскими карикатурами, вышел 1 марта 2006 под заголовком «Вместе против нового тоталитаризма», что также дает повод для параллелей между исламизмом и нацизмом.

В Великобритании Элизабет Пул ¹² провела систематический и глубокий анализ тех моделей, с помощью которых мусульмане представлены в национальной британской прессе. Исследовав образ британских мусульман в СМИ, а также формы их идентификации различными общественными группами, Пул пришла к выво-

⁶ Pierre P., Willaime J.-P. (eds.). Média et religions en miroir. Paris: PUF, coll. Politique d'aujourd'hui, 2000.

⁷ Deltombe T. L'islam imaginaire: La construction médiatique de l'islamophobie en France, 1975–2005. Paris: La Découverte, 2005; Saddek R. L'islam dans le discours médiatique. Beirut: Al-Bouraq, 1998; Gresh A. L'islam dans les médias. Paris: Centre socio-culturel de la rue de Tanger, 1997.

⁸ Доступно на сайте: http://oumma.com/article.php3?id_article=1712.

⁹ Rigouste M. Les cadres médiatiques, sociaux et mythologiques de l'imaginaire colonial: La représentation de «l'immigration maghrébine» dans la presse française de 1995 à 2002, Mémoire de maîtrise. Nanterre: Université Paris 10, 2002.

¹⁰ Housez C. L'obsession identitaire des médias français // www.voltairenet.org.

¹¹ Housez C. Charlie et Prochoix. Vendre le «choc des civilisations» à la gauche // www.voltairenet.org.

¹² Poole E. Reporting Islam: Media Representations of British Muslims. London: I. B. Tauris, 2002; Poole E., Richardson J. Muslims and the News Media. London: I. B. Tauris, 2006.

ду о том, что представления эти не однородны. Мусульманская позиция появляется где-то на периферии печатных СМИ, тогда как «основная часть контента поделена между новостными сообщениями, конструкциями и категоризациями консервативных позиций»¹³. Действительно, со времен Дела Рушди, войны в Персидском заливе, войны в Ираке и событий 11 сентября британские журналисты опубликовали ряд статей, враждебных исламу. Хотя некоторые ежедневные издания, такие как «Guardian», иногда привлекают к работе мусульманских журналистов, все же многие из них сфокусированы лишь на примитивном вопросе о том, является ли ислам прогрессивной/рациональной или же варварской/иррациональной религией. Медийное освещение глобального терроризма склонно косвенно ассоциировать этот феномен с рядовыми британскими мусульманами, чья позиция сейчас также находится под пристальным наблюдением.

В Испании проблема ношения платков в школах не привела к такому общественному резонансу, как в других европейских странах. Но это не значит, что в этой стране ислам лучше интегрирован в общество или что он не пробуждает старые страхи, известные со времен мавританского завоевания. Хосе Бодас и Адриана Драгоевич¹⁴ сформулировали важную идею, которую Эдвард В. Сэйд¹⁵ проиллюстрировал несколько лет спустя: в гегемонистском медиадискурсе ислам и мусульман часто сводят к серии обобщений и стереотипов, которые увековечивают образ нерациональной, агрессивной религии, представляющей угрозу для запада. Четырнадцать лет спустя Лаура Наварро вернулась к этой теме, сфокусировавшись на анализе дискурса двух видов СМИ: телевидения и кино¹⁶. В результате анализа многих новостных передач и телевизионных дебатов, посвященных интернациональному терроризму, войне в Ираке, конфликту между Израилем и Палестиной, ей удалось показать, как «гегемонистский информативный дискурс» подпитывает исламофобию и теорию «столкнове-

ния цивилизаций»¹⁷. Аналогичным образом новости о дискриминации арабских женщин, скандалы на тему датских карикатур на Мухаммеда и др. формируют культурно предвзятую перспективу, в которой ислам представлен как основная причина политических, экономических и исторических бед. Работа Лауры Наварро раскрывает семиотические стратегии, через которые масс-медиа, в частности испанское телевидение, конструируют радикальную и конфликтную «инаковость» арабов и мусульман; эта «инаковость» способна навести панику и спровоцировать катастрофы.

В Италии, как и по всей Европе, дискурс на тему ислама набрал новый оборот после событий 11 сентября. Как поясняет Оттавия Шмидт ди Фридберг:

«После событий 11 сентября в городах Италии граффити на тему политики и футбола были замечены антиисламскими изображениями. В книжных магазинах был моментально раскуплен перевод книги Хантингтона о столкновении цивилизаций, при этом исследования арабского мира стали хорошо продаваться. Классические работы по исламу сразу переехали с самых высоких полок в магазине на оконные витрины, а наспех подготовленные исследования стали появляться везде. В барах и на телевидении экзотические слова, типа «джихад» или «мулла», стали чем-то вполне обыденным».¹⁸

Как и во многих европейских странах, темы ислама и иммиграции представлены синхронно в итальянских СМИ. Мейнстримовый дискурс масс-медиа в данном контексте тесно связан с политическими дебатами на эту тему¹⁹.

Несмотря на национальные различия, СМИ действуют по сходной модели во всей Западной Европе, восставая периодически против ислама и мусульман. Принимая все это во внимание, можно сказать, что информационный продукт получается ограниченным, консервативным и согласованным. Журналистская практика подготовки

¹³ Poole E. Reporting Islam, p. 249.

¹⁴ Bodes J., Dragoevich A. El Mundo Arabe y su Imagen en los Medios. Madrid: Comunica, 1994.

¹⁵ Said E. Covering Islam. How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World. London: Vintage, 1997.

¹⁶ Navarro L. Contra el Islam. La visión deformada del mundo árabe en Occidente. Cordoba: Almuzara, 2008. Я особенно благодарна Лауре Наварро, которая предоставила информацию о ситуации в Испании для этой статьи.

¹⁷ Navarro L. Interculturalidad y comunicación: la representación mediática del mundo árabe-musulmán, PhD thesis, Valencia, Universitat de Valencia, 2007.

¹⁸ Schmidt di Friedberg O. Building the Enemy: Islamophobia in Italy // <http://inhouse.lau.edu.lb/bima/papers/Ottavia.pdf>.

¹⁹ Marletti C. Televisione e Islam: Immagini e stereotipi dell'Islam nella comunicazione italiana. Turin: Nuova Eri, 1995; Soravia G. L'immagine dell'Islam nei media italiani. Working Paper no. 7. Rome: Commissione per le politiche di integrazione degli immigrati, Dipartimento per gli affair sociali, Presidenza del Consiglio dei Ministri, May 1999.

и отбора новостей сталкивается с организационными ограничениями, которые обусловлены институциональным контекстом и капиталистической системой; другими словами, всегда имеется необходимость привлечь большую аудиторию посредством сенсационных новостей. Получается, что люди западного мира видят развивающийся дуалистичный образ ислама: с одной стороны, «интегрированные» или «современные» мусульмане, а с другой стороны — исламизм. Заметно преобладает публичный дискурс по поводу эксклюзивности, сепаратизма и фанатизма. Статьи, публикуемые в мейнстриме СМИ, с опорой на официальные формулировки предоставляют стратегическую, дискурсивную конструкцию нации, ее культуры и аутентичности; они заявляют о необходимости защиты этой конструкции путем маргинализации тех, кто за пределами этой структуры. Постепенно фигуры исламистов и террористов сливаются воедино, оправдывая ужесточение иммиграционной политики как в новых, так и в старых иммиграционных странах. Ислам, таким образом, — это одна из призм, через которую представлено население бывших колоний и посредством которой оно поддается стигматизации²⁰.

2. Проблема ислама и мусульман в контексте политических рассуждений о многообразии.

2.1 Признание и осмысление исламофобии.

Сталкиваясь с описанной выше ситуацией, мусульманские сообщества, несмотря на разнообразие внутри ислама, выдвигают множество публичных заявлений с целью представления мусульман как уникальной группы, являющейся жертвой дискриминации; они также склонны отстаивать свои права как права меньшинства. В этом отношении Великобритания является типичным европейским примером. Попытки мусульман сохранять свою веру и обычаи иногда интерпретировались как сепаратизм и угроза «традиционным британским устоям» и вызвали вопросы о лояльности мусульман, проживающих на территории Великобритании. Эти вопросы/ответы сильно обострили чувство мусульманской идентичности и привели к политизации мусульман в Британии; мусульмане выдвинули многочисленные требования, чтобы добиться статуса религиозного (а не этнического) меньшинства

²⁰ Geisser V. La nouvelle islamophobie. Paris: La Découverte, 2003.

наравне с евреями и сикхами. Хотя мусульмане обладали значительными правами как этническая группа, дебаты о правах приверженцев ислама и самом исламе были вынесены на национальную публичную арену, как показано в отчете организации «Runnymede Trust», лишь после некоторых событий начала 1980-х гг., таких как дело Рушди, дело Ханифорд и война в Персидском заливе.

Благодаря этому появилось понятие «исламофобии». В конце 1990-х доклад «Runnymede Trust»²¹ сузил сферу употребления этого термина до англо-саксонских государств. Через несколько лет слово было экспортировано в другие страны Европы, где стало предметом политических и научных дебатов. Уже более 10 лет, но особенно после 11 сентября 2001, европейские мусульмане утверждают, что к ним относятся предвзято, и это отражается на культурной политике. Хорошим примером здесь является Франция. В этой стране живет больше мусульман, чем в любой другой западноевропейской стране: приезд первых мусульманских иммигрантов датируется 1920 гг., когда 90 000 иммигрантов прибыли в страну. Их число значительно выросло с 1950-х, и насчитывало около 1 млн человек после войны за независимость Алжира; сегодня число мусульман оценивается в 4,5–5 млн человек, что составляет 8% от общего населения. Тот факт, что Франция остается светским государством и республикой, представляет некоторые сложности для мусульманской части населения. Девочки-школьницы, которые носят хиджаб, подвергаются нападкам и даже объявляются «национальной проблемой»²². Аналогичные «сложности» можно найти в сфере труда (дискриминация при принятии на работу, на рабочем месте, в доступе к тренингам). Очень мало исследований было проведено относительно обращения с мусульманами в системе здравоохранения, несмотря на то, что СМИ сейчас все больше проливают свет на этот аспект. Два французских лейтмотива — секуляризм и интеграция — привели к сомнительным отношениям с исламом в целом и с французскими мусульманами в част-

²¹ The Runnymede Trust. Islamophobia. A Challenge for Us All. London: The Runnymede Trust, Commission on British Muslims and Islamophobia, 1997.

²² Cesari J. Islam in France: The Shaping of a Religious Minority // Yazbek Haddad Y. (ed.). Muslims in the West: From Sojourners to Citizens. Oxford University Press, 2002 (pp. 36–51); Cesari J. Musulmans et républicains: Les jeunes, l'islam et la France. Brussels: Complexe, 1998; Gaspard F., Khosrokhavar F. Le foulard et la République. Essais et Documents. Paris: La Découverte, 1995.

ности. Очень часто сложно доказать наличие дискриминации против мусульман. Как же тогда можно говорить об исламофобии? Действительно ли исламофобия существует в социальных практиках или же это расизм по отношению к иммигрантам из бывших колоний?

Здесь представляется важным рассмотреть ситуацию в такой стране как Испания, чья история тесно связана с мусульманским миром. Хотя численность исламского населения утроилась за десятилетие, достигнув 1,5 млн человек в 2008 году, взаимоотношения с исламом имеют в этой стране прозрачные исторические корни. Негативный образ арабов и мусульман в сознании испанского народа связан с историей Пиренейского полуострова и Северной Африки; эта история характеризуется постоянными миграциями через Гибралтарский пролив (мусульманское завоевание Пиренейского полуострова в VIII в., Реконкиста в 1492 г., изгнание мусульманских новообращенных в XVII в.). Все это оставило след на понимании ислама, как некой угрозы. Со времен массового переселения мусульман из Испании в Марокко и другие североафриканские территории, жизнь в христианском королевстве больше обусловлена оппозицией между христианами и маврами ²³.

Не взирая на частые конфликтные дебаты вокруг ислама, Отдел по контролю расизма и ксенофобии (Observatorio Espanol del Racismo y la Xenofobia) недавно провел исследование исламофобии. Больше не проводилось ни одного официального исследования на тему существования/развития исламофобии в Испании, хотя о подобных настроениях в стране известно давно. Например, после теракта 11 марта 2004 г. в Мадриде в СМИ появились сообщения о нападениях на мечети. Хотя довольно трудно оценить уровень и интенсивность исламофобии в Испании, все же очевидно, что исламофобные настроения среди испанского населения существуют. На самом деле, согласно опросам по иммиграции и расизму, проведенных Центром Социологических Исследований (Centro de Investigaciones Sociologicas), а также согласно исследованию Кальво Буэзаса ²⁴, арабы в наибольшей степени отвергаются испанским обществом. Более того, Испания — это одна из первых

Европейских стран, подписавших соглашение о сотрудничестве в 1992 году с ICE (Исламская Комиссия Испании), которая адаптировала очень либеральную легальную систему взглядов для того, чтобы предоставить возможность мусульманам исповедовать свою веру в данной стране; однако основные мусульманские ассоциации признали эту систему неэффективной, особенно по вопросу о преподавании ислама в школе. Вице-президент Испании Мария Тереза Фернандес де ла Вега недавно анонсировала реформу Закона о свободе вероисповедания (1980 г.), целью которой будет увеличение прав религиозных меньшинств в Испании и смягчение дискриминации в вопросах ресурсов, религиозного образования в школах и правовой защиты мест религиозного поклонения ²⁵.

Италия была, в общем-то, свободна от анти-мусульманских настроений в 1970–1980-е гг., но восприятие стало меняться начиная с 1990-х. Растущее противостояние иммигрантам, особенно нелегальным, и первые расистские атаки были направлены против приезжих из Магриба. Но, так или иначе, переход от расизма к исламофобии не был быстрым и зависел от нескольких факторов. Оттавия Шмидт ди Фридберг пишет следующее:

«Итальянская исламофобия проявляется в трех основных направлениях, которые пересекаются друг с другом и питают друг друга. Первое — внутреннее, воплощенное в Леге на севере, также в Татиуме или Тоскане оно иногда связывается с футбольными клубами. Второе направление — атеистическое, либерально-реакционное, представленное некоторыми политическими исследователями. Последнее — католическая война против неверных, возглавляемая представителями местных церквей» ²⁶.

Несколько исследований показывают, что события 11 сентября привели к большому распространению ассоциаций между исламом, терроризмом и фундаментализмом. В ряде стран Евросоюза всплеск посягательств и агрессии, направленных против мусульман, проявился после 11 сентября. Во Франции рост расистских атак также связан с событиями 11 сентября. В Западной Европе расистская агрессия часто объясняется исключительно религиозными причинами: так, места пок-

²³ Munoz G. M. El imaginario español sobre el Islam y el Mundo Árabe y su influencia en los medios de comunicación // Bodas J., Dragoevich A. (ed.). El Mundo Árabe y su Imagen en los Medios. Madrid: Comunica, 1994 (pp. 279–283).

²⁴ Buezas T. C. Inmigración y Universidad. Prejuicios racistas y valores solidarios. Madrid: Complutense, 2001.

²⁵ Bedoya J. Las otras religiones piden paso. Musulmanes, protestantes o budistas captan nuevos conversos y rompen el monopolio católico en España // El País, 9 May 2008.

²⁶ Schmidt di Friedberg, Building the Enemy.

лонения (мечети и синагоги) подвергаются полному или частичному разрушению. Масс-медиа, особенно пресса, передают новости, журналистская интерпретация которых не является нейтральной.

2.2 Репрезентация мусульман как «видимого меньшинства»?

В 1983 г. в Тампере, в 1986 г. в Кельне и в 1988 г. в Гааге Совет Европы организовал 3 конференции под названием «Медиа и Миграция», которые фактически были посвящены трудности трансляции идеи социального плюрализма через СМИ. Подобные встречи провоцируют дебаты на общеевропейском уровне и приводят к формулировке рекомендаций для иммигрантов и масс-медиа, которые принимаются парламентом или комитетом министров Совета Европы²⁷.

Позитивные изменения на интернациональном уровне сделали возможным снизить динамику на уровне национальном. Сегодня ситуация характеризуется увеличением площадок для дискуссий и обменом опытом на общеевропейском уровне, что инициировано властями, межнациональными органами и неправительственными организациями; при этом однако некоторые европейские государства, как например Франция, остаются незадействованными в данном процессе. Замечено, что добровольная политика, нацеленная на вовлечение сообществ иммигрантов, существует во французских СМИ уже более тридцати лет²⁸, а возникла она при непосредственном участии «Fonds d'Action Sociale» (FAS)²⁹. Не так давно другие общественные организации, а именно «Conseil Supérieur de l'Audiovisuel» (CSA) и «Haut Conseil à l'Intégration» (HCI), также вступили на данное поприще; но очень часто это связано с давлением государственных общественных организаций. Аудиовизуальная эволюция FAS характеризуется двумя основными периодами. В первый период FAS предпочитает

ло транслировать программы, которые были специально нацелены на иммигрантов и их семьи. Затем в финансировании трансляций на определенных каналах между 1991 и 2002 годами обозначилась новая стратегия: впервые FAS стало финансировать вещание передач, которые инициировало не оно само. Через пятнадцать лет эта стратегия была признана успешной, и с тех пор эта организация не финансирует строго определенные передачи с социальным уклоном. FAS теперь предпочитает отдавать приоритет мейнстримовым программам (фильмы, документальные передачи и т.д.), которые могли бы способствовать более сильному взаимодействию между разными слоями общества. При осуществлении этой стратегии данная организация сначала расширила свою старую модель, затем приняла помощь со стороны при разработке программ и, наконец, смогла привлечь «France 3» в качестве привилегированного, но не единственного партнера. Таким образом, FAS стало предшественником многих начинаний для повышения репрезентации иммигрантов в масс-медиа.

Тем не менее, стоит отметить, что распространение дискуссий о репрезентации иммигрантов в СМИ не могло бы произойти без привлечения новых представителей общественности, которые впоследствии образовали общественные институты. Хотя все подобные организации не могут быть названы институциональными, их инициативы способствуют просвещению уже институционализированных организаций. Такое развитие будет иметь следующие последствия: с одной стороны, оно привлечет споры о репрезентации меньшинств на телевидении и публике в целом, с другой стороны, оно породит новых деятелей, напрямую вовлеченных в общественную политику, связанную с интеграцией. Среди действий первого типа, предпринятых гражданскими объединениями, можно уже отметить пресс-конференцию, организованную в сентябре 1999 г. организацией «Collectif Egalite»; на ней удалось собрать вместе артистов и интеллектуалов африканского и западно-индийского происхождения. Их послы были ясным: требуется осудить малую представленность чернокожих на телевидении и применить соответствующие меры³⁰. Позднее возникли дру-

²⁷ Conseil de l'Europe. Recommandation relative aux migrants, aux minorités ethniques et aux médias, no. 1277. Strasbourg: Conseil de l'Europe, Assemblée parlementaire, June 1995; Conseil de l'Europe. Recommandation de comité de ministres aux états membres sur les médias et la promotion d'une culture de tolérance, no. R (97)21. Strasbourg: Conseil de l'Europe, 30 October 1997.

²⁸ Frachon C., Sassoon V. (eds.). Médias et diversité: De la visibilité aux contenus. Etat des lieux en France, au Royaume-Uni, en Allemagne et aux Etats-Unis. Paris, Karthala, Institut Panos, 2008.

²⁹ FAS затем был переименован в «Fonds d'action et de soutien pour l'intégration et la lutte contre les discriminations» (FASILD) и в 2006 году в «Agence nationale pour la cohésion sociale et l'égalité des chances» (Acisé).

³⁰ С точки зрения Мари-Франс Малонги, напротив, имеет место «чрезмерная представленность» чернокожих на французских телеканалах, см. Malonga M.-F. La représentation des minorités dans les séries télévisées françaises: entre construction et maintien des frontières ethniques // Rigoni I. Qui a peur de la télévision en couleurs? (pp. 221–240).

гие сообщества ³¹, которые боролись за право большей репрезентации меньшинств в СМИ.

В 1999 году была создана организация «Conseil supérieur de l'audiovisuel» (CSA), которая действует и по сей день. В 2000 г. она опубликовала результаты исследований о репрезентации меньшинств на телевидении ³². В 1989 г. было создано общество «Haut Conseil a l'Integration» (HCI), которое выступало исследовательской базой, отвечавшей на запросы премьер-министра или междепартаментских комиссий и предоставлявшей полный отчет обо всех вопросах, связанных с процессом интеграции иммигрантов. Как результат инициативы одного из деятелей данной организации, Заира Кедадуша, HCI стала интересоваться вопросами представления иммигрантов в СМИ, поскольку это напрямую касалось процесса интеграции. В 2004 г. HCI совместно с CSA организовали конференцию под названием: «Бледные экраны? Культурное разнообразие и общая модель на аудиовизуальных каналах», где был сформулирован ряд принципов и рекомендаций для содействия культурному многообразию в СМИ, а также знанию о других цивилизациях ³³.

Если сравнивать с ситуацией во Франции, то британская модель имеет довольно существенные различия. Известные проблемы британского колониального прошлого повлияли на иммиграцию и политику интеграции ³⁴. Официальная идеология интеграции зафиксирована в национальном законодательстве, которое не просто допускает, а даже защищает религиозное и лингвистическое разнообразие. В этом направлении британская модель толерантности очень отлича-

ется от французской якобинской модели, основанной на атеизме, и германской модели, основанной на традиции ³⁵. Опасения британского государства относительно расовых и этнических вопросов привели к созданию общественных и частных организаций, которые обладают рядом методов и средств для репрезентации этнических меньшинств в СМИ (Комиссия по этническому равенству, Национальный союз журналистов и др.). Но какова бы ни была официальная декларация, де факто эти организации часто сталкиваются с ограничениями на выполнение их решений, а также с попытками сузить их влияние. В дополнение к этим организациям в 2003 г. было создано «Министерство коммуникаций» (OFCOM), новый независимый регулирующий орган, выполняющий функцию мониторинга аудиовизуального сектора СМИ.

В целом по Европе в течение 1990-х гг. было создано множество различных неправительственных организаций, задачей которых выступала репрезентация меньшинств в СМИ. В Испании не существовало правительственных организаций, контролирующих вещание. Лишь в нескольких районах (Каталония, Наварра, Андалузия) имелся Совет по телевидению, в обязанности которого входило давать рекомендации, но не принуждать. Самым активным из этих советов был «Conseil Audiovisual Catala»; в рамках его деятельности было проведено несколько исследований по репрезентации этнических меньшинств в СМИ ³⁶, а также были составлены рекомендации по количеству времени в новостных передачах, требуемого для освещения проблем иммиграции ³⁷. Ни данные исследования, ни другие меры не оказали значительного влияния на испанское телевидение, которое продолжает игнорировать этнические меньшинства. Следует отметить, что с 2000 г. радио и телевидение включили в свою про-

³¹ «Collectif des Antillais, Guyanais, Réunionnais» был создан в 2003 году Патриком Карамом; «Cercle d'Action pour la Promotion et la Diversité en France (CAPDIV)» был создан в том же году Патриком Лоцесом для выражения позиции чернокожих; «Club du XXe siècle» был создан в 2004 году известными деятелями иммигрантского происхождения — Хакимом Эль-Кару и Радика Дати, близким советником Министра внутренних дел — для того, чтобы продвигать идеи культурного многообразия и равноправия.

³² Malonga M.-F. (ed.). *Présence et représentation des minorités visibles a la télévision française*. Paris: CSA, 2000.

³³ Haut Conseil a l'Intégration. *La diversité culturelle et la culture commune dans l'audiovisuel*. Avis du HCI au Premier ministre. Paris, 17 March 2005.

³⁴ Husband Ch., Beattie L., Markelin L. *The Key Role of Minority Ethnic Media in Multiethnic Societies: Case Study, UK* (Brussels: International Media Working Group Against Racism and Xenophobia and the International Federation of Journalists, 2000).

³⁵ Blommesteijn M., Entzinger H. Appendix: Report of the Field Studies carried out in France, Italy, the Netherlands, Norway, Portugal and the United Kingdom, 1999 // Butterwerge Ch., Hentges G., Sarigos F. (eds.). *Medien und multikulturelle Gesellschaft*. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 1999.

³⁶ VVAA, *Televisió i immigració*, Quaderns del CAC, 23–24, September 2006; CAC (Servei d'Anàlisi de Continguts), *Informacions sobre immigració aparegudes en els teletinformatius d'àmbit català durant els anys 2002, 2003 i 2004*. Barcelona: CAC, 1 April 2005; VVAA, *Mitjans de comunicació i immigració*, Quaderns del CAC, 12, January-April 2002, pp. 36–48.

³⁷ <http://www.audiovisualcat.net/>.

грамму передачи, нацеленные на проблемы иммиграции и мультикультурализма³⁸.

Таким образом, европейские государства приняли различные меры для более полной репрезентации иммигрантов в СМИ. Многие неправительственные организации до сих пор продолжают играть ключевую роль в этом процессе.

3. Мусульманские СМИ в Европе: рождение субъектов.

В последние десятилетия все страны Западной Европы стали свидетелями развития СМИ с ориентацией на мусульман. Эти «мусульманские масс-медиа» включают печатную продукцию (он-лайн, офф-лайн), радио, телевидение, а также специальное вещание для «мусульманского сообщества». Европейская группа «Миноритимедиа»³⁹ подсчитала, что в 2007 году во Франции, Великобритании, Италии, Испании и Нидерландах существовало около 89 мусульманских СМИ. Большинство из них представлены вебсайтами, печатными органами или телевидением, в то время как радиовещание оказалось не таким популярным, хотя были очень интересные эксперименты в Британии, Франции и Испании (см. График 1).

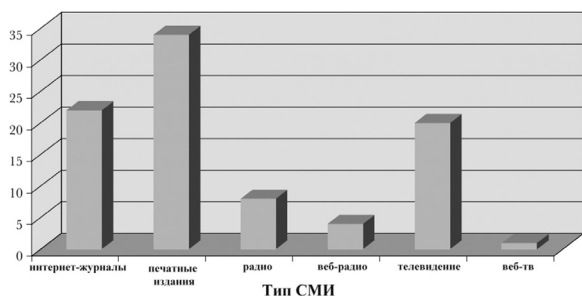

График 1. Число мусульманских медиа каждого типа во Франции, Великобритании, Италии, Испании, Нидерландах (2007) — «Миноритимедиа».

³⁸ Navarro L. Los medios de comunicación de las nuevas migraciones // III Anuario de la Comunicación del Inmigrante. Madrid: Etnia Comunicación, 2008, pp. 108–142.

³⁹ «Миноритимедиа» — это исследовательская группа, которая финансируется Евросоюзом и возглавляется Изабель Ригони. Она дислоцируется в Университете Пуатье, Франция. «Миноритимедиа» сосредоточена на исследовании этнических СМИ в сравнительной и междисциплинарной перспективе (см. http://www.mshs.univ-poitiers.fr/migrinter/minoritymedia/index_eng.html). Я хочу выразить благодарность Сали Хасане, Лауре Наварро Гарсия, Евгении Саитте и Марлен де Вите за сбор сведений о мусульманских СМИ в Британии, Испании, Италии и Нидерландах. Лично я подробно исследовала ситуацию во Франции, а также включила некоторую информацию о Германии.

Присутствие мусульманских СМИ в Великобритании является более длительным и ощутимым, чем в других европейских странах. Первые органы появились еще в начале XX века, с 1970-х гг. их число стало расти. Британские мусульманские газеты и журналы, такие как «The Muslim News», «Q-News», «Crescent International», «Impact International», «Emel», «Trends»; медиа сообщества, такие как «Мусульманский совет Британии», «Форум против исламофобии и расизма»; радиостанции, такие как «Radio Ummah», «Radio Ramadan» получили преимущества новой коммуникации и информационные возможности давать альтернативную оценку всему происходящему. Старшее поколение иммигрантов передало СМИ свой собственный опыт, молодые же иммигранты привнесли «новую кровь» и новые идеи. Все печатные продукты подготовлены на английском языке, и большинство из них раздаются бесплатно в книжных магазинах и ассоциациях; многие мусульманские СМИ Британии распространены в Пакистане, Нигерии, Южной Африке, Шри-Ланке и Малайзии, а иногда даже в Канаде и США.

Ситуация во Франции сильно отличается, там мусульманские медиа, как таковые, появились совсем недавно. До конца 1990-х гг. этнические и религиозные СМИ были нацелены, скорее, на специфические иммигрантские меньшинства (алжирцы, марокканцы, турки и т.д.), чем на сообщества единоверцев. Некоторые мусульманские журналы, такие как «Hawwa», «La Medina» (наиболее известные); «Reflexions», «Columbus», «Actualis» и др., были созданы в период между 1998 и 2003 гг., но большинство в итоге исчезли, а «La Medina» превратилась в веб-сайт (sezame.info). Некоторые интернет-журналы, такие как «oumma.com», «saphirnews.com» и «AslimTaslam» все еще добиваются права быть услышанными. Во Франции не существует специальных исламских радиостанций, но такие радиостанции как «BeurFM» и «RadioMéditerranée» известны своей большой мусульманской аудиторией.

В Испании мусульманские масс-медиа тоже моложе, чем в Великобритании. Первые СМИ появились во второй половине 1990-х гг., сразу после подписания соглашения между государством и «Комиссией Исламской Испании» (1992 г). Первые СМИ были печатными («Verde Islam», основан в 1995 г.), и в форме он-лайн («Revista Amanecer del nuevo siglo», основан

в 1997 г.), но постепенно более многочисленными стали порталы и блоги. Самый посещаемый портал — webislam.com, создан в 1997 г. андалузскими новообращенными; данный сайт посещают люди из 112 стран, из них 50% — жители США, 20% — испанцы, остальные — жители Латинской Америки (особенно Аргентины, Мексики, Колумбии, Чили, Эквадора, Перу и Бразилии). Данный веб-сайт стремится стать эталоном для испаноговорящего мусульманского сообщества по всему миру. Совсем недавно возникли новые радиостанции, такие как «Radio Inforislam», которое было создано в 2006 г. исламской ассоциацией «Badr in Melilla», состоящей в основном из испанских новообращенных, проявляющих большую активность в медиапространстве. Хотя большинство мусульманских масс-медиа созданы испанскими мусульманами (новообращенными или мусульманами от рождения), некоторые все же организованы мусульманскими иммигрантами, в основном марокканского и среднеазиатского происхождения. Эти иммигрантские СМИ дислоцированы преимущественно в Мадриде и Валенсии.

В Италии ислам является второй религией по числу верующих, и большинство из них — иммигранты. Растущая в итальянском общественном мнении оппозиция по отношению к исламу, а также некоторые неприятные утверждения, сделанные лидерами различных организаций, заставили мусульман, до того придерживавшихся нейтралитета, занять более активную позицию. Оттавия Шмидт ди Фридберг утверждает:

«Именно предубеждение против ислама стало движущей силой для некоторых интеллектуалов с мусульманским бэкграундом. Они смогли построить сложные и широкомасштабные социальные сети, укоренившиеся в местном сообществе. Сегодня они воспринимают национальные споры вокруг ислама как угрозу интеграции, обучению и компромиссу. Они реагируют с помощью внезапного пробуждения их религиозной идентичности, и с учетом этого пересматривают свои позиции внутри итальянской социальной сети»⁴⁰.

В данном контексте итальянские верующие начали создавать и использовать мусульманские СМИ с середины 2000-х гг., например «Musulmaniditalia.com — Il portale della società civile dei musulmani d'Italia».

В Германии⁴¹ главную роль на мусульманской медиа-сцене играет ежемесячный журнал «Die Islamische Zeitung». Он был создан в 1994 г. немецкими новообращенными, Абу Бакр Ригером и Сулейманом Вилмсом. Как и в некоторых западноевропейских странах, значение новообращенных оказалось здесь очень существенным для развития мусульманских СМИ⁴². «Die Islamische Zeitung» защищает позицию, которую многие сочли бы консервативной; согласно этой позиции, ислам является не культурным феноменом, но религией для всех. Этот журнал оказывает меньшее влияние на политику, чем, например, «The Muslim News» в Великобритании, но все же он остается одним из ведущих мусульманских СМИ в Германии. Другие мусульманские масс-медиа — «Al-Raid» (Islamischer Informationsdienst e. V.), «Dunia» (Teblig), «Enfal», «Huda» (Netzwerk für muslimische Frauen e. V.).

3.1 Между процессом аккультурации и лоббистскими стратегиями.

В противоположность некоторым интернациональным тезисам, мусульманские влиятельные медиа-группы демонстрируют посредством своих действий и требований то, что они с уважением относятся к государству, которое является легитимным представителем власти⁴³. В западноевропейских странах мусульманские масс-медиа и большинство мусульманских движений работают над полноценной интеграцией в европейское

⁴¹ Для обзора проблемы СМИ, миграции и ислама в Германии в связи с турецкими иммигрантами см. Geissler R., Pöttker H. (eds.). Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland. Bielefeld: Transcrip, 2005; Lohkner R. Islam in Internet. Formen muslimischer Religiosität im Cyberspace. Hamburg: Deutsches Orient Institut, 2004. Hafez K. (ed.). Media and Migration: Ethnicity and Transculturality in the Media Age. Schwerpunkttheft der Zeitschrift NORD-SÜD aktuell 4, Göttingen, 2001; Schatz H., Holtz-Bacha Ch., Nieland J.-U. (eds.). Migranten und Medien. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000; Kosnick K. Building Bridges: Media for Migrants and the Public-Service Mission in Germany // European Journal of Cultural Studies 3, 2000 (pp. 319–342).

⁴² Wohlrab-Sahr M. Konversion zum Islam in Deutschland und den USA. Frankfurt/M: Campus, 1999. Другой показательный пример — новообращенный Мурад Хофман, бывший немецкий посол в Алжире и Марокко и директор информационной службы в НАТО, он также является членом Центрального совета мусульман, поддержавшего недавнее принятие Исламской хартии немецких мусульман.

⁴³ Habermas J. Droit et Démocratie: entre faits et normes. Paris: Gallimard, 1997; Foley M. W., Edwards B. The Paradox of Civil Society // Journal of Democracy 7 (3), 1996, pp. 38–52.

⁴⁰ Schmidt di Friedberg, Building the Enemy.

национальное государство. Они полностью признают легитимность государства.

Большинство мусульманских СМИ (69%) используют доминирующий язык страны/региона (см. График 2). Язык — это сильнейший культурный вектор, поэтому использование доминирующего языка в ущерб родному является собой выражение процесса аккультурации. Язык большинства, язык колонизатора — это также и язык, на котором разговаривает большинство мусульман, живущих в стране. Выбор языка иногда также отражает стратегию медиа-субъектов, которые хотели бы, чтоб их голоса были слышны на политическом уровне. Хорошим примером здесь является Испания и Каталония, где каталонский используется практически всеми мусульманскими СМИ. В данном автономном сообществе — как и в Андалузии — большинство мусульманских СМИ созданы новообращенными. Интересно наблюдать за тем, как дискурс о защите ислама здесь связан с каталонским националистическим дискурсом. В качестве примера можно привести отрывок из «Junta Islamica Catalana» (JIC): «Целями JIC являются продвижение мусульманской иммиграции, восстановление исламского наследия Каталонии и рассмотрение ислама как элемента национальной идентичности Каталонии»⁴⁴.

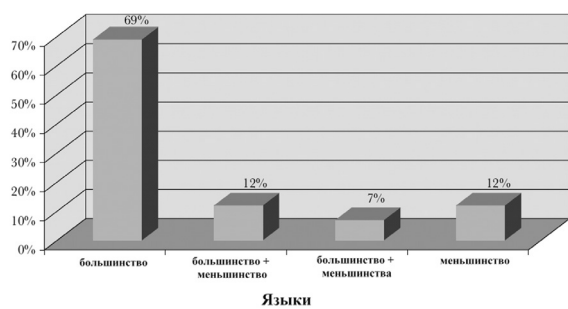

График 2. Языки, используемые мусульманскими СМИ во Франции, Великобритании, Италии, Испании и Нидерландах (2007) — «Миноритимедиа».

Из перечисленных компаний «Миноритимедиа» мусульманских СМИ 19% сочетают язык большинства и язык меньшинства (обычно язык страны происхождения, не считая некоторые испанские СМИ, которые продвигают испанский и английский язык), а 12% используют только язык меньшинства (почти все случаи — в Великобритании).

⁴⁴ <http://islamcatala.wordpress.com>.

Учитывая то, что доминантный язык используется большинством граждан государства, мусульманские СМИ предпочитают национальный вещательный ряд. В отличие от веб-медиа, мусульманские газеты и телевидение в основном нацелены на национальное вещание (85%), а не на местное (13%) или интернациональное (2%) (см. График 3). Этот тренд особенно заметен в Великобритании и Нидерландах, тогда как местное и интернациональное вещание превалирует во Франции и Испании.

Мусульманские масс-медиа бросают вызов концептам гражданства в западноевропейских государствах. Активное влияние мусульманских СМИ приводит к реинтерпретации политических (репрезентация меньшинств/мусульман на общественной арене) и правовых вопросов (статус ислама). В некоторых случаях мусульманские масс-медиа изменили восприятие мусульманских граждан (в Великобритании) или мусульман-соотечественников (во Франции) и сделали возможным вовлечение британских и французских мусульман в «домашние дела» двух стран. В частности, в Великобритании СМИ стали квалифицированными и требовательными участниками дискуссии, они оказывают значительное давление на муниципальные и федеральные власти. Как показано в исследованиях «Миноритимедиа», большинство мусульманских СМИ проявляют глубокий интерес к концептам и практикам, связанным с гражданством и включенностью в мультикультурное и поликонфессиональное общество.

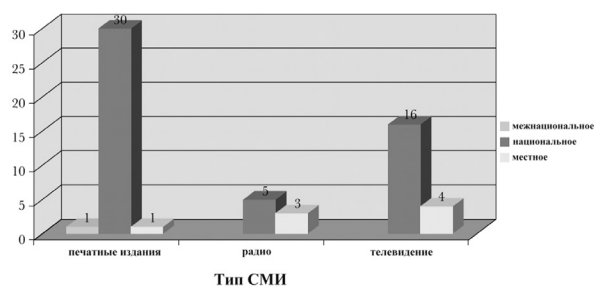

График 3. Тип распространения мусульманских СМИ во Франции, Великобритании, Италии, Испании и Нидерландах (2007) — «Миноритимедиа».

Для молодых мусульман вызов состоит в том, чтобы показать, что они могут быть мусульманами и республиканцами во Франции, или мусульманами и британцами в Великобритании. Для молодых мусульманских женщин, в частности, вызов состоит в том, чтобы «совместить их гражд-

данство и женственность», как написала журналистка Саида Када во французском мусульманском журнале «Hawwa»⁴⁵.

3.2 Масс-медиа, ориентированные на мусульман и мусульманский мир.

Несмотря на наличие большой аудитории на национальном, и, в меньшей степени, местном уровне, мусульманские СМИ в Европе, как правило, ориентированы на приверженцев ислама и исламский мир в целом. Около 70% мусульманских СМИ ориентированы только на исламскую аудиторию, около 30% нацелены и на мусульман, и на мультикультурную недифференцированную аудиторию. Более точные данные (см. График 4) показывают, что мусульманские медиа имеют дело с исламской аудиторией в Великобритании (98%) и Франции (75%), тогда как в Нидерландах (60%) и Испании (85%) они направлены на все слои населения. Мониторинг медиаконтента подтверждает, что большинство мусульманских СМИ сфокусированы на «продуктах», предназначенных для исламского сообщества. Вещают ли они новости, политику, экономику, культуру, историю или дают практическую информацию, они в основном имеют дело с мусульманским меньшинством Европы. Практически все они хотели бы выразить позицию меньшинства.

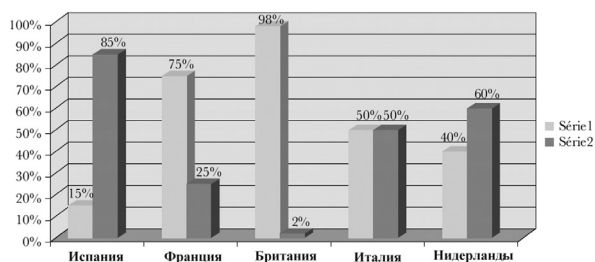

График 4. Целевая группа мусульманских СМИ во Франции, Великобритании, Италии, Испании и Нидерландах (2007) — «Миноритимедиа».

Стоит отметить, что эти СМИ помогают заново определить коллективную идентичность меньшинства. Подобный «неокоммуитаризм» действует сразу по нескольким аспектам. Реконструкция или конструкция коллективного единства может быть достигнута через развитие дискурса о памяти (эта тема хорошо проанализирована социологами иммиграции) или через акцент на дискриминации (недавно появившаяся

схема, которая стала актуальна в связи с ростом исламофобии). Но этот неокоммуитаризм также может приводить к созданию транснационального сообщества, объединенного вокруг концепта глобальной идентичности, что нежелательно (именно так обстоит дело, например, с некоторыми армянскими или африканскими масс-медиа).

4. Феминизация мусульманских СМИ.

Молодое поколение мусульман все сильнее вовлекается в жизнь СМИ в целом ряде европейских стран. Молодежь настаивает на том, что нужно перешагнуть через все национальные и возрастные конфликты. Они стремятся преодолеть пост-колониальную стратегию, принятую европейскими государствами по отношению к исламу, и разработать платформу для диалога с национальными и общеевропейскими институтами. Молодое поколение также относится более либерально к участию женщин в гражданском процессе.

4.1 Доступ к продюсерским и управленческим должностям.

В некоторых западных странах мусульманки имеют доступ к значимым должностям глав журналов и ассоциаций или имеют возможность выступать организаторами конференций⁴⁶. Особенно это распространено в Великобритании, где женщины являются дикторами или продюсируют программы на «Islam Channel», «Radio Faza», «Radio Whitechapel Mosque» и др. Британия все еще помнит политические программы Ивонн Ридли, которая приняла ислам после ее похищения талибами. Ее успех на «Islam Channel» и «Аль-Джазире» открыл много возможностей для журналисток мусульманок. В частности, появились женщины в роли редакторов журналов, которые представляют «позитивный образ мусульманского сообщества». Именно так обстоит дело с «Imel», гламурным «городским» журналом, созданным Сарой Джозеф, чья команда состоит преимущественно из женщин. Сара Джозеф стала первой женщиной-редактором мусульманского журнала в Великобритании. Сама

⁴⁶ Эта тема более подробно описана и проанализирована в работах: Rigoni I. Women Journalists; Rigoni I. Islamic Features in French and British Community Media // Poole E., Richardson J. (eds.). Muslims and the News Media. London: I. B. Tauris, 2006 (pp. 74–86); Rigoni I. Médias musulmans britanniques. Les voix de la jeune génération // Cossée C., Lada E., Rigoni I. (eds.). Faire figure d'étranger: regards croisés sur la production de l'altérité. Paris: Armand Colin, 2004 (pp. 281–300).

⁴⁵ Hawwa Magazine, no. 2, 2000, p. 22.

Сара имеет еврейское происхождение, она приняла ислам, когда ей было 16 лет, потом она изучала религию в университете. После получения определённого опыта, во второй половине 1990-х она переориентировалась в своей карьере и стала консультировать по вопросам ислама, а также стала проводить обучающие курсы. Так или иначе, она все еще присутствует в СМИ, появляясь в телепрограммах «Panorama» и «Dimbleby» про

Другими первопроходцами стали Сара Кан, президент Молодых мусульманских сестер, и Реана Садик, которая сыграла ключевую роль в создании женской ветви Мусульманской Молодежи Соединенного Королевства в конце 1980-х, а потом стала активным членом Исламского Сообщества Великобритании, группы лоббистов, связанной с мусульманскими СМИ, вещающими через интернет. С тех пор другие молодые женщины доросли до продюсерских и управленческих позиций. Шагуфта Якуб стала главным редактором новостей «Q-News» в 2000 г. в возрасте 24 лет. Она была замещена Фариной Алам, другой недавно закончившей университет выпускницей. Такие молодые женщины часто появляются из семей, иммигрировавших в 1960–1970-х гг. Многие из них говорят, что они «заново открыли» веру в юности. Их религиозная приверженность является интеллектуальной, а их исламский опыт — это переоценка традиции в современную эпоху. Особенно показательными являются случаи молодых британских женщин, которые выросли в семьях, где не всегда было принято практиковать ислам, и которые впервые одели хиджаб уже в зрелом возрасте, иногда после пребывания в мусульманской стране. В западном контексте и в стране, где ислам не является религией большинства, решение носить хиджаб является особенно сильным жестом. Некоторые из этих молодых женщин объясняют данное решение личным поиском духовности, другие — показателем их политической позиции, согласно которой ислам находится под угрозой, а для некоторых — обе точки зрения одинаково релевантны. Другие молодые женщины, проявляющие активность в СМИ, вышли из более религиозных семей, где духовность и духовные ценности были переданы от старшего поколения. Хотя эти женщины обновляют веру и религиозную практику, их личностное развитие не подразумевает открытия новых измерений в религии. Большинство таких женщин имеют сильное академическое образование, они занимают активную жизненную позицию, часто остаются незамужними и не имеют детей. Они — часть тренда, о котором сказали два журналиста «Q-News»:

«Последняя статистика показывает, что количество мусульманских женщин в университетах превосходит число мусульманских мужчин, а возраст, когда образованные женщины выходят замуж, растёт... Они бросили вызов стереотипу «выйти замуж как можно раньше»... Такие женщины играют особо важную роль в прокладывании пути для молодых сестер и женщин из их сообщества»⁴⁷.

Вместо домашней сферы они предпочитают публичную арену и в этом они противоположны своим матерям и старшим сестрам. В программах, как у Ивоны Ридли, в «Emel Magazine» или «Q-News» эти женщины дают позитивное представление о статусе и месте женщин в исламе.

Роль молодых женщин в мусульманских СМИ в других европейских странах также требует внимания, хотя принимать участие они стали позднее и развитие здесь получилось более ограниченным. Во Франции в 2000 г. было основано печатное издание «Hawwa», целевой аудиторией которого являются молодые мусульманки. Его штат состоит в основном из женщин, и возглавляет его Дора Мабрук — иммигрантка из Магриба. Запуская журнал, она хотела сделать из него платформу для «женской борьбы», а также дать «возможность женщине совершенствоваться, несмотря на ее социальные обязательства, ведь это нужно для ее собственного спокойствия, а также спокойствия ее семьи и общества в целом»⁴⁸. «Hawwa» адресована женщинам, которые хотели бы заявить о себе, как мусульманках и француженках одновременно. Не так давно, в 2008 г. французский мусульманский сайт oumma.com создал раздел «Oumma pour Elle» с возможностью веб-телевещания и ведения блога «Хиджаб и город». Основатели и сотрудники «Hawwa» и «Oumma pour Elle» — это образованные мусульманки, которые родились и выросли во Франции. Целью данного ресурса является демонстрация того, что «женщины в хиджабах также могут быть современными и очаровательными, умными и следящими за новостями, они устали от ярлыка невежественных женщин»⁴⁹. Блог оказался привлекательным для женщин, так как предлагал «пространство, на котором женщины в хиджабах могут почувствовать себя женственными, имеющими свое социальное представительство; этот блог предлагает вам, женщины разных социальных статусов, замужние и незамужние, матери и дети, почувствовать себя мусульманкой

⁴⁷ Ahmad F., Tyrer I. Q-News, 364, November 2005.

⁴⁸ Hawwa Magazine, no. 1, 2000, p. 3.

⁴⁹ <http://www.hijabandthecity.com>.

и западной женщиной»⁵⁰. Являясь одновременно «и пуританками, и бунтарками»⁵¹, эти журналистки открыли и продвигают инновационные практики в повседневную жизнь. В Испании и Италии мусульманки тоже создают блоги, но при этом они очень мало вовлечены в работу более традиционных СМИ — радио и газет.

Некоторые женщины рассказывают о том, какие сложности они встретили, пока искали свое место в СМИ, так что их строгая приверженность и участие именно в мусульманских масс-медиа является результатом личного выбора и социально-политической активности. Этот выбор не помешал им внести свою лепту в развитие СМИ, особенно после 11 сентября 2001 г. Их вклад может считаться ценным с педагогической (предоставление информации об исламе) и рекламной (продвижение мусульманских масс-медиа) точек зрения.

4.2 Обновленный медиаконтент?

Некоторые социально-исторические исследования показали, что через СМИ женщины могут продвигать инновационные темы, представляющие для них первостепенную важность. Так, появление «женских страниц» в прессе США в самом начале XX века не только повлияло на рост роли женщин в профессиональной занятости, но и стало своеобразным форумом для феминистских дебатов⁵². Эти страницы были созданы издателями газет с целью привлечь внимание женщин-читательниц, и в итоге они предоставили возможность образованным женщинам среднего класса отвлечься от домашних дел. Несмотря на популистский характер, эти страницы фактически дали жизнь новым вариантам журналистики. Например, они ниспровергли конвенционные ценности 1950-х, открыв поле для дискуссий о неравенстве возможностей для женщин и мужчин в сфере работы и зарплаты, образования детей, развода, аборт и т. д. Новые практики, такие как вовлечение читателя ответами на письма или представление в газете событий из жизни обычных людей, также были рождены на этих страницах. В альтернативной англо-саксонской прессе, которая также была создана представительницами прекрасного пола, журналистки выдавали свое видение политической, культурной и социальной роли женщины, отличное

от видения доминантных СМИ. Они также поддерживали и поднимали социальные движения (суффражистки и позднее феминистское движение).

Этнические масс-медиа (особенно это касается тех, которые созданы мусульманами) также содержат «женские странички», где имеется возможность вводить новые темы, а иногда и демонстрировать другой подход к работе с информацией. Исследование мусульманских СМИ, проведенное нашей группой, было сфокусировано на ряде вопросов, связанных с гендерными отношениями. Могут ли женщины на представляемом им медийном пространстве предлагать другой образ мусульман в целом и мусульманских женщин в частности? Должно ли уважение к мусульманской идентичности в процессе коллективного представления на публичной арене предполагать учет гендерного измерения? Каким образом женщины могут выступать гарантом культурной и коллективной памяти того меньшинства, к которому они принадлежат? Приведет ли это к возникновению каких-то ролевых ожиданий? Должны ли обсуждаться в СМИ такие вопросы, как сохранение девственности до свадьбы или обязанность выходить замуж только за представителя той же веры? Какие это будет иметь последствия для отношений между поколениями? Все эти темы по-прежнему сохраняют научную актуальность.

Феминизация журналистики, которой не избежали мусульманские СМИ, по-видимому, идет рука об руку с иламским феминизмом глобального типа⁵³. Он возник в 1980–1990-х гг. и с тех пор продвигался образованными городскими женщинами, которые пошли на оспаривание даже такой мужской монополии, как защита и практика ислама⁵⁴. Феминистки борются за новую и лучше отрефлексированную практику ислама. Их приверженность исламу — это зачастую реакция на позицию их родителей, согласно которой ислам является неизменной и в чем-то даже архаичной формой религии. Это также реакция на сексистское прочтение ислама. Эти новые мусульманские женщины-интеллектуалки часто имеют университетскую степень и используют свою веру как средство самоутверждения. Их вовлеченность также является попыткой сочетать концепт гендерного равенства с религиозной практикой. Данный тренд не является британским феноменом, он наблюда-

⁵⁰ <http://www.hijabandthecity.com>.

⁵¹ Weibel N. *Par-dela le voile: Femmes d'islam en Europe*. Brussels: Complexe, 2000.

⁵² Chambers D., Steiner L., Fleming C. *Women and Journalism*. London — New York: Routledge, 2004.

⁵³ Adelkhah F. *Etre moderne en Iran*. Paris: Karthala, 1998; Göle N. *Musulmanes et modernes: Voile et civilisation en Turquie*. Paris: La Découverte, 1993.

⁵⁴ Khosrokhavar F. *L'Islam des jeunes*. Paris: Flammarion, 1997.

ется преимущественно в континентальной Европе⁵⁵. Данное направление мысли, в котором феминизм и женственность оказываются взаимосвязаны, проявляется в нескольких европейских мусульманских изданиях. Это приводит к созданию новых секций для таких тем, как «книги для детей», «объявления для одиноких», «проблемы замужней жизни». Женские переживания и медицинские аспекты сексуальности — теперь не табу; ряд изданий, например «Q-News» в Великобритании, «Нawwa» во Франции и некоторые испанские издания, рассматривают вопросы сексуальности, контрцепции, гомосексуализма, содомии и лесбийских отношений. Наряду с этим стали также регулярно обсуждаться взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Описанные выше изменения в СМИ показывают глубину трансформации, которой подвергается религия. Молодые феминистки, получившие хорошее образование, мечтают о «более чистом исламе» — таком исламе, который не запятан ограничениями патриархального общества, а также культурными девиациями, препятствующими реализации универсалистской миссии религии. Их дискурс иногда мотивирован ностальгией по исламу прошлого, в котором, по их мнению, существовала гендерная эгалитарность. С их точки зрения изменения будут привнесены личностями, а не группами или системой. Эти молодые, религиозные и активные жительницы городов больше не смотрят на ислам, как на обещание коллективно-и эгалитарного образа жизни, они смотрят на него, как на возможность достичь самоуверенности и даже свободы. Фарзина Алам, 22-летняя журналистка, рассказывает о своем опыте в «Q-News»:

«Я была окружена милыми, умными и забавными людьми и, что для меня самое важное, совершившими осознанный выбор носить хиджаб в своей взрослой жизни. Эти женщины были классными. Они путешествовали, ценили произведения искусства, демонстрировали свою силу. Они надевали хиджаб не для того, чтобы сразу превратиться в домохозяйку, единственной заботой которых была бы готовка разнообразных блюд. Эти женщины выходили в свет, чтобы вдохновлять других и менять мир»⁵⁶

Большинство молодых журналисток из

«Q-News» начали работать в издании еще до того, как надели хиджабы. Во многих случаях хиджаб был выбором взрослого человека: знаком общественного осуждения или ответом на социально-политический контекст (то есть на исламофобию)⁵⁷. Часто ношение хиджаба приносит молодой женщине дополнительный источник моральной легитимности по отношению к семье или мусульманскому населению в целом. Однако этот женский дискурс не может быть ограничен коммуитаризмом, как проиллюстрировала Фарзина Алам:

«Я была воспитана мусульманкой и считала себя верующей, но вера, как общественный маркер, была мне незнакома. Это была моя религия, но не в такой степени мое сообщество».⁵⁸

Впрочем, не все женщины-мусульманки предпочитают носить хиджаб. Примером могут служить журналистки из «Нawwa» или веб-телевидения «Oumma pour Elle» во Франции.

Наконец, стоит отметить, что женщины обновили дискурс мусульманских СМИ по вопросу борьбы с дискриминацией. Женщины стали подробнее освещать данную тему, заостряя внимание на проблематичности своего положения. Слова Фарины Алам могут быть взяты в качестве иллюстрации этого тезиса: «Ислам освобождает женщин, но до каких пор мы будем прятать действительное неравенство в нашем обществе под этим клише?»⁵⁹. Для этой молодой журналистки, как и для других мусульманок, вера освобождает женскую индивидуальность, но она не может скрыть того факта, что женщины все еще остаются жертвами неравенства внутри и за пределами мусульманского сообщества. Иначе говоря, признание равноправия мужчин и женщин внутри ислама еще не освобождает женщин от более широкой социальной дискриминации.

Заключение.

Комбинация различных социокультурных факторов, описанных в этой статье, позволяет говорить о формировании «новой религиозной публичной сферы», в нашем случае — мусульманской в Европе. Можно предположить, что новые СМИ — в частности этнические и мусульманские — будут развивать самостоятельные публичные арены, апеллирующие к общей идентичности и единому дискурсу.

⁵⁵ Amiraux V. Acteurs de l'islam entre Allemagne et Turquie: Parcours militants et expériences religieuses. Paris: L'Harmattan, 2001; Rigoni I. Mobilisations et enjeux des migrations de Turquie en Europe de l'Ouest. Paris: L'Harmattan, 2001; Weibel, Par-dela la voile.

⁵⁶ Q-News, issue 366, May 2006.

⁵⁷ The Runnymede Trust, Islamophobia; La Nouvelle islamophobie.

⁵⁸ Q-News, 366, May 2006.

⁵⁹ Q-News, Editorial, 361, March 2005.

ИСЛАМОФОБИЯ НА ЗАПАДЕ — ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ? ¹

Х. Бенек

Ph. D., корреспондент турецкой газеты «Радикал»

В западных странах наблюдается отчетливое стремление — опираясь на нечеловеческий страх и ненависть, распространить антиисламскую концепцию. Мы как носители исламской религии не должны давать повод для усугубления ситуации и допускать фанатичное поведение. При разграничении того, что относится к культуре, и того, что относится к религии, нам следует дать ответ, который будет нацелен не на нападение, а на устранение незаслуженно формируемой исламофобии и на защиту через отстаивание следующих позиций: «это и твоя религия»; «твои прародители тоже это делали». В целом как между мазхабами, так и между религиями проводится активная политическая пропаганда, которая для обеспечения консолидации группы формирует негативное восприятие действий других групп, не соответствующих верованиям и культуре, преобладающим в этой группе, и наделяет их совершенно иными смыслами. Данная кампания по осквернению подводит человечество к ненависти, вражде и, в конце концов, войнам. В наши дни интенсивного развития информации и коммуникаций достоянием общечеловеческой ответственности становится любая информация, что может, в частности, препятствовать вере в «черную пропаганду». Предвзятые новости и комментарии, которым сегодня не видно конца, связывают с религией каждую совершаемую группой контратаку, а во всех информационно-коммуникационных пространствах продолжают транслироваться изображения тех, кто с призывом «Аллах Акбар» совершает убийства или наносит увечья. Упоминание имени Аллаха при совершении контратаки содержит послы: «Я осуществляю этот акт во имя Аллаха и родины», он представляет человеческое убийство как часть ислама, и эти люди, которые, как предполагается, поддерживают свою страну, по сути, подготавливают благоприятную почву для кампании по осквернению ислама. Если вы защищаете вашу страну, в которой идет военная операция, то вы не должны забывать о том, что видеоизображения, на которых зафиксированы вы в процессе нанесения удара по вражеским окку-

пантам, являются ничем иным, как подпитывающими исламофобию материалами.

Мы часто видим, как религией пытаются оправдать поведение по отношению к женщинам. Остается загадкой, на какой аят опираются в том случае, когда прилагают усилия для того, чтобы заставить воспринимать ислам как враждебную по отношению к женщинам религию, хотя в мусульманстве впервые была закреплена защита прав женщин. Другим спорным образцом поведения выступают действия, направленные против войск-оккупантов. Солдат, которого вы поймали, — военнопленный, его жизнь теперь в ваших руках, и дело здесь не в религии, человеке или солдате. Сознательное предписывание исламу иллюзорных действий, совершаемых теми, кто стремится бесконтрольным образом защитить свою страну, необходимо расценивать как усилия по нагнетанию мнимого страха, призванные ввести в заблуждение противоположную сторону и мировое общественное мнение. Однако всему миру следует задать следующие вопросы: почему большинство из этих военнослужащих — иностранцы, что они делали в этой стране, и что бы мы сделали с этими военными, если бы они захватили нашу страну? Основная проблема скрыта именно в этом: войска одной страны оккупируют другую, а граждане захватываемой страны защищают свою родину, при этом одним терроризмом не ограничиваются, атакуют и религию защищающих свою страну людей. В целом в повседневных новостях вы наблюдаете, как убивают военнослужащих вашей страны, и вы бессознательно находите несправедливым того, кто убивает, поскольку действия, совершаемые «чужими», оказывают на нас большее воздействие, а действия, совершаемые «своими», воспринимаются как направленные на оборону. Оборона осуществляется в стране, где вы находитесь, атака на государство «чужих» — не оборона, очевидная оккупация.

Запад и восприятие «чужих»

Производство Западом собственной идентичности на основе понимания «свой — чужой» и представления о феномене западной цивилизации, сконструированной на этой основе, — не новое явление. На базе вражды с исламом, который был определен как «чужой», дух крестоносцев — идея, которая была построена на воспоминаниях и исто-

¹ *Hüseyin Benek. Batıdaki İslam fobisi sanal mı? // <http://blog.radikal.com.tr/Sayfa/batidaki-islam-fobisi-sanal-mi-13369> (06.02. 2013).*

риях, охватывающих все Средние века, и служила разжиганию вражды.

Идея об исламе создавалась через рассказы, романы, эссе, опирающиеся зачастую на случайные сведения, большинство из которых составляли мысли о Востоке на Западе некоторых путешественников, дипломатов, военных. В этих источниках передавались лишь их тревоги, и в основном они были направлены на осознание и преобразование всего материально-культурного достояния Востока, что было нацелено на обеспечение его открытости для западной эксплуатации.

Предвзятая позиция, которую произвело это понимание по отношению к исламскому миру, дошла до наших дней на почве «исламофобии». Это можно отчетливо наблюдать во внешней политике западных государств в рамках саботирующих событий в отношении турок, проживающих в Германии, дискриминационных действий по отношению к мусульманским сообществам, насильственных действий Израиля, применяемых к мусульманам в Палестине. В то время как в случае смерти западного гражданина все медиа-органы представляют этот эпизод как важнейшее в мире событие, при гибели десятков тысяч африканцев или мусульман, сообщения об этом не просто отсутствуют, а создается впечатление, что даже замалчиваются.

Исламофобия — в определенной степени удел проблемных людей, открытых для ненависти и обвинений. В сущности, следует превратить возможности процесса глобализации в благополучие и мир как для «своих», так и для «чужих», однако не с помощью взаимного страха Запада и Востока, ислама и других религий, а с помощью понимания друг друга, признания права каждого на существование. При этом все еще не постижимыми остаются попытки превратить собственное восприятие и политические цели, представленные как религиозные, в исламофобию, основанную на страхе и ненависти для народа.

Исламофобия

С точки зрения терминологии становится очевидно, что исламофобия означает «боязнь ислама», фобию. Что касается значения данного термина, то оно предполагает инстинкт страха и ужаса, вызываемых исламом и мусульманами.

Впервые данный термин был употреблен в 1991 году, после теракта 11 сентября он получил гораздо большее распространение. Сегодня при упоминании исламофобии подразумевается как страх, источником которого является неприятие исламской религии, так и основанное на этом стра-

хе формирование представления о правомерности дискриминации по отношению к мусульманам.

Если обратиться к историческим корням этого страха и дискриминации, то следует обратить внимание на тот факт, как ислам завоевывал земли Андалусии в Испании. Созданная на почве угроз и рисков в отношении христианства исламофобия в течение нескольких столетий с распространением связей между исламом и христианами становилась менее заметной, однако в последние годы снова прочно обосновалась на повестке дня. Ее место на повестке дня подтверждается в известной статье Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Наряду с представлением об исламе как о потенциальном центре вражды для Запада отмечается, что исламофобия будет развиваться как инструмент пропаганды, которая будет создана для сохранения политического, военного, экономического бессилия исламских государств.

Особенно после 11 сентября 2001 года, после атаки на «башни-близнецы» в Нью-Йорке, в христианском мире фактически возникает новая ситуация, которая развилась из существовавших раньше расистских тенденций и образа иностранного врага. Страх перед мусульманами как важнейшим объектом вражды, подпитываемой такими новыми обстоятельствами, как безработица в Европе, старение населения, постепенно превратился в паранойю.

Можно утверждать, что для воспрепятствования распространению ислама на Западе создаются культурные, теологические, военные и политические угрозы, которые в наши дни, превращаясь в осквернение исламской религии, ведут к возрастанию исламофобии. Не так подробно, как в Библии, однако Коран повествует о Деве Марии и Иисусе Христе. Между тем, превращение религии в материал для достижения определенных экономических и политических интересов становится причиной глубоких разломов. Наконец, увидеть реальную картину и не поддаваться на провокации должны и западные народы, при этом крупнейшим препятствием на пути к толерантности между религиями становятся империалистические цели правящих администраций. То же самое можно сказать в отношении среды представителей исламской религии: нам не стоит забывать, что ярким показателем провокации стал снятый в прошлом году фильм «Невинность мусульман» и карикатуры, оскверняющие Пророка Мухаммеда, опубликованные во французском еженедельнике *Charlie Hebdo*. Теперь мир знает, что провокации совершаются для обеспечения роста исламофобии на Западе. И мы, зная это, не должны становиться частью некоей игры.

Как преодолеть порочный круг?

В уголках общественного сознания — негативные предубеждения и сомнения в отношении Запада, наблюдаемые на высоком уровне в ходе опросов мусульманского общественного мнения. Их также беспокоят ошибочные ярлыки и предвзятые подходы относительно христианских и иудаистских традиций, с которыми связано большинство выходцев из западных стран. С другой стороны, в рядах мусульман исследуются пристрастные взгляды и несправедливость Запада по отношению к мусульманскому населению. Вместе с тем мы должны оказать содействие в том, чтобы избавить западное общественное мнение от предубеждений через идеи, направленные не на атаку, а на защиту.

Если наши завоевания или «священный джихад» нанесли культурные травмы западному миру, то похожим влиянием на исламский мир обладали крестовые походы и колониальные атаки. Наше общественное подсознание было изувечено такого рода воздействиями. Особенно недавние военные операции лидера Запада — США в регионе и выбравшие в качестве мишени американцев ответные акции насильственного сопротивления в значительной степени разбередили глубокие исторические раны. Необходимо систематичное и конструктивное подавление данных взаимных предубеждений разнообразными способами, от наиболее мягких до самых жестких. В противном случае невозможно предотвращение культурных конфликтов, негативно сказывающихся на отношениях исламского мира (и Турции) с Западом. И земной шар не сможет достичь желаемого мира.

Все, кто применяет насилие как способ квазизащиты, должен быть изолирован. Не следует во всех предубеждениях искать плохие намерения и заговоры, поскольку источником большинства из них являются невежество или лень и нежелание познавать новое. В то же время необходимо сохранять бдительность к элементам, в систематичной форме подстрекающим взаимную ненависть. Например, как неонацисты в Германии, которые поджигают жилые дома мусульманского турецкого населения, так и в Турции существуют тайные организации, такие как «Эргенекон», которые выбирают в качестве мишени не являющихся мусульманами жителей Турции.

Необходимы самокритика и сопереживание

Некоторые мыслители указывают на значимость самокритики и сопереживания как на одни

из ключевых элементов борьбы с исламофобией. Это пункт обладает особым значением. Ведь реакции малочисленного радикального меньшинства в мусульманском мире, местами превращающиеся в насилие, в западном мире порождают в значительной степени дискриминацию и ненависть в отношении мусульман. Путь избавления от этого подпитываемого с двух сторон порочного круга состоит в осознании вредоносных последствий данных предвзятых и ошибочных предубеждений и необходимости совместной самокритики и сопереживания.

Что еще может быть сделано в отношении решения исламофобии на Западе? Прежде всего, необходимо сохранять толерантность и занимать такую позицию, которая будет направлена не на нападение, а на защиту. Эту фобию, имеющую глубокие исторические и культурные корни, подпитываемую актуальными политическими протестами и конфликтами, терактами и военными операциями, должна преодолеть каждая из сторон и внести вклад в установление мира. Другие источники исламофобии кроются во враждебности к иностранцам и мигрантам, возрастающей при экономической рецессии, и было бы неверно полагать, что проблема, обусловленная столь многими факторами, в один миг исчезнет. Осознав взаимопровоцирующее воздействие предубеждений, мы должны в соответствии с этим знанием развивать стратегии решения. Пока продолжают предубеждения и притеснения немусульманского населения в государствах, где мусульмане составляют большинство, представляется сложным достижение мирной жизни в мусульманской диаспоре на Западе. Представляется, что фобия мусульман и христиан, проживающих в западных странах, продолжит беспокоить общества разных государств как еще более обостренная проблема. В этой связи спокойная жизнь мусульман в западных странах представляется невозможной. В поисках решения данной проблемы находят образцовые личности, и с увеличением их числа станет возможным обеспечение вклада в установление мира на Земле. В этой связи необходимо обратить внимание на деятельность движения, известного под названием Fethullahci, которое может послужить примером для всех остальных институтов. Вместо гнева — критика, вместо наступления — защита, вместо войны — мир, вместо зла — добро, и именно это будет способствовать нашему пониманию нас самих и осознанию своих особенностей. Один из лучших методов преодоления исламофобии — жизнь человечества в диалоге, мире, терпимости.

БРИТАНСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ: СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ¹

Л. Пилгрэм

Ph. D., корреспондент британской газеты «Опен демокраси»

Мусульмане в Британии женятся, разводятся, воспитывают детей и ведут себя, столкнувшись со смертью, в соответствии с рядом различных норм — таких, как шариатское право, английское семейное право и обычное право. Единое пространство государственного закона, предусматриваемое западными представлениями о гражданственности, контрастирует с семейным правом британских мусульман, представляющим собой новый гибридный набор правовых практик.

После того, как архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс (Rowan Williams) прочитал в 2008 году свою лекцию «О светском и религиозном праве в Англии», вопрос о мусульманском праве в Британии привлек к себе немало внимания — как со стороны общества, так и со стороны ученых. В начавшемся «споре о шариате» явно заметны признаки ориентализма. Шариат изображается как «другой» и по умолчанию противопоставляется «Западу». Это восприятие не ограничивается общественным обсуждением. Ориентализм просочился и в правовую сферу — в английских судах теперь говорят о «разрыве между нашим статутным правом и шариатским правом».

Между тем развивающееся британско-мусульманское семейное право содержит практики, опровергающие эссенциалистское противопоставление шариата и Запада, восточного и западного, иностранного и местного. С правовой точки зрения, эти дихотомии не помогают решать специфические юридические проблемы, связанные с взаимодействием между английским правом и мусульманским правом в современной Британии.

Семейное право британских мусульман

То, что мы можем называть британско-мусульманским семейным правом довольно аморфно, однако подразумевает определенный набор действующих лиц, институтов, практик, текстов и дискурсов, в рамках которого мусульмане в Британии создают и поддерживают свою субъектность. Это новое правовое поле связано с развитием право-

вого рынка, опирающегося как на английское, так и на шариатское право и модифицирующиеся существующие нормы английского семейного права и исламского права, правовую культуру, личную религиозную идентичность и общинные обычаи.

Семейное право британских мусульман развивается в ответ на определенные местом и временем нужды людей, стремящихся проходить через правовые процедуры в Британии как мусульмане. Сейчас оно охватывает широкое поле и целый набор действующих лиц, институтов, практик, текстов и дискурсов. Можно привести крайне интересный пример правовой гибридизации: многие шариатские советы (институтов, выдающих правовые решения и советы для мусульман) утверждают, что выносят решения, основываясь не на какой-либо одной школе исламской мысли, как традиционно принято, а на всех четырех суннитских *мазхабах*, и при этом учитывают менее популярные интерпретации. Это, по их мнению, помогает им приходить в каждом случае к наиболее справедливым выводам, независимо от того, какая школа мысли господствует в родной стране конкретного человека. Такой подход обеспечивает больше гибкости при столкновении с новыми проблемами, возникающими у мусульман в Британии.

Кроме того зарегистрированные в Британии юристы все чаще предлагают также и исламские юридические услуги. Речь идет о выдаче мусульманских свидетельств о разводе или подготовке завещаний, соответствующих требованиям как исламского, так и английского права. Чтобы удовлетворять запросы клиентов, юристы вырабатывают гибридные стратегии и технологии, позволяющие наводить мосты между якобы несовместимыми формами права. В свою очередь, клиенты воспринимают эти стратегии и технологии, интерпретируют их и проводят в жизнь. Таким образом, все задействованные в процессе субъекты права — клиенты, практикующие юристы, ученые — одновременно конструируют нормы и конструируются этими нормами. Показательно, что такие юристы приходят на правовой рынок на собственных условиях. Тот факт, что они получают дополнительные преимущества (гонорары и при-

¹ *Lisa Pilgram. British-Muslim family law and citizenship // <http://www.opendemocracy.net/lisa-pilgram/british-muslim-family-law-and-citizenship> (08.11.2012)*

знание в качестве экспертов), предлагая и работу с английским семейным правом, и мусульманские юридические услуги, наглядно демонстрирует, что британским мусульманам приходится, устраивая свою частную жизнь, лавировать между разными правовыми полями.

Исламские юридические услуги

Зарегистрированные в Британии юристы, предлагающие исламские юридические услуги, отвечают на запросы клиентов, вырабатывая специальные стратегии и технологии, позволяющие наводить мосты между разными формами права. Эти исламские юридические услуги представляют собой особый пример гибридного семейного права британских мусульман, так как они в открытую апеллируют одновременно к мусульманскому и английскому праву, иногда до определенной степени их комбинируя. Ниже приводятся иллюстрирующие этот феномен примеры из практики одной из частных юридических фирм.

Мусульманским юристам необходимо разбираться как в исламском, так и в английском праве. Для этого обычно требуется британское юридическое образование и право вести юридическую практику в Британии в сочетании с дополнительной академической подготовкой по исламскому праву, полученной в британском или иностранном университете. При этом такие юристы не считают себя исламскими учеными, имеющими право решать важные религиозные вопросы и в определенных случаях выносить фетвы.

По словам юриста, с которым я разговаривала, «правовые услуги практикующего юриста отличает то, что они дают душевный покой. Они [клиенты] чувствуют, что составленные у юриста документы обладают юридической силой, даже если мы им объясняем, что это не так. Это вопрос душевного спокойствия. Все зависит от того, что нужно клиенту, от индивидуальных приоритетов». Его юридическая фирма занимается, в том числе, исламскими разводами — выдает свидетельства о *талаке* (для разводов, инициированных мужем) и составляет требования о *хуле'* (для разводов, инициированных женой).

Важно отметить, что оба эти документа обычно не имеют силы по английским законам. В основном же в области исламских юридических услуг фирма специализируется на подготовке мусульманских завещаний, которые — в отличие от исламских свидетельств о браке и о разводе — имеют силу по английскому праву. Английские законы о наследстве крайне гибки и содержат

минимум норм, ограничивающих возможность распоряжаться имуществом. Это дает мусульманам возможность писать завещания в соответствии с исламскими законами о наследовании.

В практике фирмы был один интересный случай. Клиент перешел в ислам, а его семья — нет. Для него написать мусульманское завещание было важно с религиозной точки зрения. Однако юрист сообщил ему, что по исламским законам мусульмане не могут оставлять наследство немусульманам. Тем не менее, клиент решил подарить 50000 фунтов своему коту, а также попросил объявить квартиру, в которой он жил вместе с матерью, подарком ей. Ему сказали, что это не соответствует нормам ислама, но он все равно потребовал включить этот пункт в завещание. Юрист так и сделал, объяснив: «Некоторые подходят к делу строго и составляют только завещания, которые полностью следуют исламским законам... Что касается меня, я рассказываю, что здесь есть религиозная проблема, и если клиент, зная, что это неправильно, все же настаивает на своем — это его решение. На самом деле, не мне решать, прав клиент с точки зрения ислама или нет. Думаю, что взрослые люди вправе определяться самостоятельно». Поэтому юрист подготовил мусульманское завещание, в котором мусульманин оставлял наследство немусульманке, что было бы невозможно под юрисдикцией исламского права.

Однако гибридность семейного права британских мусульман допускает подобные ситуации. Английские законы относятся к вопросу о завещаниях крайне гибко, что позволяет делить имущество по принятым в исламе правилам. Мусульманское завещание, которое не полностью соблюдает эти правила раздела, не имело бы силы в юрисдикции, руководствующейся исламскими правовыми принципами, но вполне может действовать по английскому законодательству. Это дает пространство для лавирования между правовыми требованиями, позволяющего удовлетворять различные запросы. «Как юристы мы предлагаем им способ там, где это возможно, выполнять накладываемые исламом требования в рамках английского права».

Другой пример: клиент хотел получить свидетельство, удостоверяющее, что он развелся с женой, произнеся *талак*. Ему было нужно послать этот документ семье бывшей супруги, чтобы прояснить ситуацию, так как он уже не считал себя женатым. Жить вместе с женщиной, с которой они успели разъехаться, он не собирался.

Однако, поддавшись давлению своей семьи, он все же ненадолго возобновил совместную жизнь после того, как произнес формулу развода — в пределах предписанного исламом трехмесячного периода ожидания, который необходим, чтобы развод вступил в силу. Тем не менее, он утверждал, что это не повлияло на его намерение развестись с женой и что сексуальных отношений между ними в этот период не было. Так как дело выглядело непростым, юрист посоветовал клиенту проконсультироваться с местным *шейхом* (исламским ученым), обладающим достаточным религиозным авторитетом, чтобы решить, был ли осуществлен развод. Тот отказался это делать, так как считал развод совершившимся в любом случае. Тогда ему было выдано исламское свидетельство о разводе. При этом юрист подчеркнул в сопроводительном письме, что жена вправе оспорить *талак* в течение 10 дней с момента получения документа — чего она не стала делать.

Интересно в этом примере, во-первых, то, что юрист отвел другой стороне 10 дней для ответа на письмо. Это решение не основано на каких-либо исламских нормах — речь идет просто о стандартном сроке ответа, принятом в юридической практике. Во-вторых, стоит отметить тот факт, что клиенту было нужно письменное свидетельство о разводе, хотя в исламе развод осуществляется произнесением формулы. Это указывает на растущее влияние бюрократической письменной формализации на мусульманские правовые практики. В-третьих, юрист добавил в стандартную исламскую процедуру развода дополнительную меру предосторожности, прибегнув к английской правовой технике — внося в прилагавшееся к свидетельству письмо пункт, который давал жене возможность оспорить *талак*. Стандартная схема не годилась из-за необычной природы дела, а также потому, что невозможно было доказать, что брак не был консуммирован после произнесения *талака*. Как мусульманин юрист считал себя обязанным предпринять все возможные шаги, чтобы убедиться, что жена знает о решении мужа с ней развестись. Юристу пришлось прибегнуть к творческому подходу, чтобы отыскать «разумное» (соответствующее религиозным, этическим и профессиональным нормам) решение, которое позволило бы клиенту найти «душевный покой» и не противоречило бы религиозно-этическим обязательствам юриста. «Я сам мусульманин, а мы верим, что должны отвечать за все свои действия. Поэтому я не хочу свидетельствовать о разводе супругов, которые технически не развелись».

Понимание правовых полей

Изучая функционирование правового поля, невозможно ограничиваться замкнутой на себе точкой зрения профессиональных юристов и их взглядом на закон. Необходимо рассматривать механизмы, формирующие, поддерживающие и распространяющие наше (юристов и общества) понимание права. Такой подход к праву — не как к идеалу, а как к социальной конструкции и концепции, которая формируется, меняется и поддерживается, — может послужить основой для понимания того, как развивается британско-мусульманское семейное право. Чтобы это понять, исходить следует из анализа современных практик британских мусульман и развития соответствующего рынка.

Тот факт, что это правовое поле не автономно, а укоренено в социальном мире, становится очевидным, если вспомнить, что вопрос о мусульманском семейном праве возник только после демографических перемен, которые привели к росту числа мусульман в Британии. Мусульманские правовые практики постепенно институционализируются. Хороший пример — создание Мусульманского арбитражного суда, работающего в рамках английского правового пространства на основании Закона 1996 года об арбитраже. Он действует по вывешенным на его сайте процедурным правилам и имеет иерархические структуры для урегулирования споров. Согласно докладу *Civitas*, в стране действуют 85 шариатских советов. 13 из них объединены в сеть Исламского шариатского совета, базирующего в Лейтоне и зарегистрированного как благотворительная организация. Еще три шариатских совета работают под эгидой Ассоциации юристов-мусульман.

Если анализировать мусульманское семейное право в Британии как правовое поле, становится понятно, что в этом качестве оно создает собственный рынок профессиональных юридических услуг. У этого рынка и связанного с ним поля есть своя логика, основанная на взаимодействии мусульманского и английского семейного права.

Это абсолютно не учитывается, когда дискуссия идет на абстрактном уровне совместимости/несовместимости, Востока/Запада, права/религии. Характерные для подобных дискуссий гипотетические парадоксы возникают только потому, что термины «Восток», «Запад», «ислам», «светский» и т.д. используются в них в своих эссенциалистских значениях. При этом в действительности логика британско-мусульманского правового поля такова, что и потребителям и поставщикам юридических услуг важна именно гибридность.

Мусульманские правовые практики: гражданственность после ориентализма?

Интерес европейской науки к шариату имеет долгую историю. Однако зачастую шариат в ее изображении не выглядит системой, описывающей мир, в котором человек может захотеть жить. Для таких исследователей он по определению ниже западного права — либо потому, что слишком негибок и основан на религиозных принципах, которые не может оспорить отдельный человек и которые по определению антидемократичны, либо потому, что слишком непредсказуем и далек от светского понятия права. Ориентализм это игра, в которой невозможно выиграть, если играть в нее по ее правилам.

В идущем сейчас в Британии споре о шариате явно заметны признаки правового ориентализма. Шариат часто изображается как «другой», а понятия «Запад» и «Шариат» нередко понимаются в эссенциалистском духе. Подобное понимание поддерживает дискурс об онтологическом различии и по определению создает неразрешимые проблемы. Р. Ахдар (R. Ahdar) и Н. Эрони (N. Aroney) в своей книге «Шариат на Западе» («Shari'a in the West») утверждают: «Сумеет ли шариат вписаться в западный мир, выглядит показателем — причем, возможно, главным — того, возможно ли что-то кроме простого сосуществования двух форм жизни».

Между тем, говоря о проблеме совместимости «двух разных форм жизни», мы заранее предсказываем ответ. Если начинать с того, что эти две формы жизни онтологически друг от друга отличаются, ни о чем большем, чем простое сосуществование, не может даже идти речь. Однако если сфокусироваться на практической стороне, станет ясно, что юридическая практика важнее для правового поля, чем замкнутый на себе анализ абстрактных правовых идей. С этой точки зрения сами формы сосуществования показательны и превращаются в поле, на котором развиваются гибридные правовые практики и формы субъектности.

Скандал вокруг мусульманского права в Британии возник во многом из-за господствующей в обществе ориенталистской идеи о том, что выступать за шариатское право в Британии означает отвергать светское общество, современность и демократические ценности. Предложения найти в правовом поле место для шариатского права или хотя бы серьезно с ним взаимодействовать воспринимаются как в лучшем случае консервативные — если не обскурантистские и антигражданственные. Еще один важный фактор заклю-

чается в связи между мусульманским семейным правом и проблемами гендера и сексуальности. Представления о реакционности и антигражданственности шариата проистекают в частности из идеи о том, что он противостоит гендерному равенству. Следует отметить, что семейное право — крайне специфическая и деликатная правовая отрасль. Реформировать семейное право в мультикультурных обществах всегда трудно, так как оно затрагивает глубоко личные отношения, вдобавок тесно связанные с проблемами личной и национальной идентичности. Вопрос о том, по каким правилам мы женимся, разводимся, растим детей и решаем проблему наследования, не решается простой выработкой правильных норм и их применением. Семейное право служит зеркалом общественных нравов и ценностей и одновременно выполняет нормативную функцию, влияя на гендерные роли и формируя их.

Дополнительно осложняет ситуацию то обстоятельство, что семейное право важно для нормализации преобладающих в обществе форм межгендерных и межполовых отношений и поведения. Существующие тенденции в области межгендерных и межполовых отношений и поведения действуют как исходная точка и основа для выработки нормативного образа семьи и, соответственно, для юридической формализации и натурализации. Дискуссия вокруг мусульманского семейного права служат пространством для переговоров между различными субъектами и структурами по проблемам коллективной идентичности, представлений о себе и нормализации гендерных ролей.

Каким образом развитие британско-мусульманского семейного права противоречит ориенталистским ожиданиям, подразумевающим, что восточный человек должен всегда полностью подчиняться своей религии, своему клану и своим обычаям? С одной стороны, для пуристов из числа исламских правоведов, считающих светский государственный закон онтологически отличающимся от мусульманского и стоящим ниже его, гражданский развод, осуществленный в Британии, ничего не значит. С другой стороны, с точки зрения правового позитивизма, исламский развод также не имеет юридической силы. Однако в рамках гибридной мусульманской правовой практики оба аспекта развода осмыслены и выполняют разные функции: гражданский развод может требоваться для получения льгот, финансовой поддержки и защиты от государства, в то время как мусульманский развод обеспечивает принятие в общине, что также дает определенную финан-

совую поддержку, а также психологический комфорт. Эти две процедуры дополняют друг друга в британско-мусульманском семейном праве, так как для благосостояния мусульман в современной Британии важны оба правовых поля. Гибридное британско-мусульманское семейное право практически обходит любые дихотомии вроде «восточный/западный» и «иностранный/местный». Они ему не нужны, так как оно отвечает на конкретные юридические нужды, порожденные взаи-

модействием английского и мусульманского права на уровне субъекта.

Другими словами британско-мусульманское семейное право облегчает появление особой гибридной субъектности. Руководствующие им юристы, клиенты, ученые и судьи создают тем самым для себя идентичность британских мусульман, которая идет вразрез с ориенталистской идеей о фундаментальной противоположности и несовместимости шариата и английского права.

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПЛАТОК ВО ФРАНЦИИ ¹

И. Понкин

доктор юридических наук, профессор Кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Международного института государственной службы и управления

Во Франции для получения «идентификационной карточки» необходимо предоставить две фотографии, на которых человек должен быть изображен в анфас и с непокрытой головой. В соответствии с Декретом правительства Франции № 55–1397 от 22.10.1955 г. и циркуляром МВД Франции № INTD0000001C от 10.01.2000 г., фотография, предназначенная для удостоверения личности, должна быть выполнена без головного убора. 19 апреля 2003 г. министр внутренних дел Франции Николя Саркози, несмотря на протесты ряда французских мусульманских организаций, вновь подтвердил, что правоохранительные органы будут требовать неукоснительного соблюдения положений данного законодательства всеми французскими гражданами независимо от их вероисповедания ².

Весной 2003 г. участники собрания Совета исламских организаций Франции (UOIF) выразили бурное негодование министру внутренних дел Франции Николя Саркози после того, как он заявил, что мусульманки не могут фотографироваться на паспорт в хиджабе, т.к. это не согласуется с французскими законами. Н. Саркози сказал, обращаясь примерно к 10000 собравшихся, что он является другом мусульман, но ислам во Франции не должен входить в противоречие с законами Республики. Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами, но когда он сообщил, что мусульманкам нужно обнажать голову для того, чтобы сфотографироваться на паспорт, слушатели, среди которых было много мусульманок в хиджабах, стали громко выражать неодобрение ³. Тем не менее, маловероятно, чтобы, по крайней мере, в самое ближайшее время, во Франции появилось разрешение фотографиро-

ваться на документы в головном уборе.

Больше пятнадцати лет во Франции велись споры относительно того, имеют ли школьницы-мусульманки право носить в школе платки ⁴. Противники ношения платка настаивали на необходимости проводить различие между верованиями и знаниями, а также подчеркивали, что ношение девочками ритуального предмета одежды противоречит принципу равноправия мужчин и женщин. Те же, кто призывал согласиться с ношением платка, отмечали, что процесс передачи знаний носит объединяющий характер, но в то же время не противоречит наличию своеобразия и что ношение платка может иметь различные символические значения. Эта дискуссия, проходившая, как отмечает доктор Жан Боберо, весьма бурно, дала возможность публично обсудить проблемы, представляющие чрезвычайную важность для демократического общества ⁵.

По мнению Жана Боберо: «Суровым испытанием принципов светскости во Франции стали недавние дискуссии вокруг мусульманских платков. Выступавшие против того, чтобы мусульманские девушки носили платки в учебных заведениях, усматривали в этом угрозу принципу равноправия женщин и мужчин, которую несет в себе подобная форма одежды. В противовес им борцы за толерантность напоминали, что приобретение знаний в школе хотя и имеет универсальное значение, но не исключает существования особенностей. Они подчеркивали также, что эта традиция имеет многоплановое символическое значение. Несмотря на эмоции, эти дискуссии способствовали публичному обсуждению принципиально важных для демократического общества проблем» ⁶.

По словам специального правительственного посредника по улаживанию такого рода конфликтов Ханифы Шерифи (с 1994 г. при Министерстве национального образования Франции существ-

¹ Понкин И. В. Мусульманский платок во Франции // Понкин И. В. Ислам во Франции. М., 2005 (с. 167–186).

² Ответ директора Департамента по делам соотечественников и правам человека МИД России Б. Цепова от 13.05.2003 г. № 3844/дспи председателю Исламского правозащитного центра Ассоциации мечетей России И. К. Шангарееву.

³ Разгорается скандал вокруг «дела о хиджабе» во Франции // Портал Кредо-ру (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=9749&cf=>). 23 апреля 2003 г.

⁴ Эрвьё-Леже Д. Состояние религий во Франции. Анализ и размышления // Франция сегодня: справки и анализ (сайт Посольства Франции в России, http://www.ambafrance.ru/rus/looks/france_today), август 2001 г.

⁵ Боберо Ж. Светский характер государства.

⁶ Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность?

вует специальная должность), платок — не признак религиозного фанатизма, а скорее отражение определенного типа социального поведения. «Вы имеете дело прежде всего с девочкой-подростком, а отнюдь не с опасной для общества религиозной фанатичкой», — объясняла Шерифи, сама мусульманка, учителям. Эту проблему, считает она, следует рассматривать не с религиозной, а с культурологической точки зрения. А потому нужно не устраивать яростные гонения на «опасных мусульманок», а терпеливо разъяснить девочкам (кстати, французским гражданкам), что во французском обществе ношение платка просто не отвечает их интересам, ибо в дальнейшем будет препятствовать карьере»⁷.

Целесообразно рассмотреть аргументы и решения, связанные с «делом мусульманского платка (хиджаба)».

В начале учебного года в 1989 г. в средних школах, главным образом в колледжах, произошло несколько инцидентов, связанных с желанием некоторых девушек носить на занятиях платок, знак принадлежности к мусульманской религии. Один из них произошел в колледже в Луазе между тремя девушками, с одной стороны, и очень решительно настроенным директором, с другой. В течение нескольких недель Франция наблюдала за развитием событий, но они не имели большого общественного значения, и решение этой проблемы, ограниченной несколькими случаями, к тому же часто оставалось известным только узкому кругу лиц. С одной стороны, сторонники школьного плюрализма боролись за уважение различных вероисповеданий, чтобы доказать право на ношение платка. С другой стороны, отчаянные сторонники светскости возмущались тем, что считали недопустимым посягательством на светский характер школьного образования. В резкой статье знаменитые интеллигенты призывали преподавателей не сдаваться и защищать главные ценности их профессии. Ввиду такого развития событий министр национального образования повел себя следующим образом: утверждая свою привязанность к светскости, он все же отказался признавать санкции против лицеев. Он решил спросить мнение Государственного совета, которое он обязался объявить публично. Генеральная ассамблея Государственного совета на пленарном заседании 27 ноября 1989 г. высказала свое мнение,

⁷ Калмыков М. Французские учителя объявили забастовку из-за того, что девочки из мусульманских семей ходят в школу в платках // ИТАР-ТАСС («Вести с пяти континентов»). — 1999. 11 января.

которое тут же стало объектом публикаций. Через две недели за ним последовал циркуляр министра национального образования вместе с главами учебных заведений, главным образом руководствованный этим мнением⁸.

27 ноября 1989 г. Генеральная ассамблея Государственного совета Франции вынесла на свое рассмотрение проблему правомерности и допустимости платков в светской школе. Государственный совет должен был ответить на три вопроса: 1) Является ли ношение знаков принадлежности к религиозным обществам совместимым с принципом

светскости? 2) Если да, то, при каких условиях это могут допускать предписанные уставом акты? 3) Какие санкции могут быть приняты в отношении тех, кто нарушает правило запрещения ношения такого знака отличия? Решение Государственного совета состояло из трех частей. В нем было акцентировано значение принципа светскости, отмечалось, что «принцип светскости государственного образования, который является одним из элементов светскости государства и нейтральности всех государственных служб, требует, чтобы образование осуществлялось, соблюдая, с одной стороны, нейтральность программ и преподавателей, с другой стороны — свободу сознания учащихся... Таким образом, признанная свобода учащихся предоставляет им право выражать и проявлять свое религиозное вероисповедание внутри образовательных учреждений, но уважая плюрализм и свободу другого, и чтобы она не наносила ущерб образовательной деятельности, содержанию программ и обязательству преподавания в учебе... Его соблюдение все же может быть ограничено, если оно препятствует выполнению возложенных на сферу государственного образования задач. Образование должно не только способствовать приобретению ребенком культуры и его подготовке к профессиональной жизни и деятельности как человека и гражданина, но и содействовать развитию его личности, внушать ему уважение к личности, к ее происхождению и ее отличиям, гарантировать равенство меж-

⁸ Kessler D. Neutralité de l'enseignement public et liberté d'opinion des élèves (à propos du port de signe distinctifs d'appartenance religieuse dans les établissements scolaires) (Нейтралитет государственного образования и свобода мнения учащихся (по поводу ношения отличий религиозной принадлежности в образовательных учреждениях)). Conclusions sur Conseil d'État, 2 novembre 1992, M. Kherouaa et Mme Kachour, M. Balo et Mme Kizic // Rev. Fr. Droit adm. — 1993. Janv.-févr. — № 9 (1).

ду мужчинами и женщинами». Признав свободу учащихся носить религиозные отличия и перечислив её границы: давление, провокация, пропаганда, угроза достоинству, свободе, здоровью и безопасности учащихся и образовательной роли преподавателей, нарушение образовательного процесса, порядка в учреждении, Государственный совет уточнил условия, в которых в данную проблему может вмешиваться внутренний распорядок учебного заведения. Государственный совет предоставляет школьным учреждениям право регламентации, предназначенной определять применение названных ранее принципов. Наконец, государственный совет поручает ответственным за внутренний устав в каждом случае оценивать возможное несоблюдение этих принципов или распорядка данного заведения. Он уточняет, что эта оценка должна проходить под контролем судьбы, и исключение ребенка из учебного заведения возможно, только если для него не закрыты другие пути получения обязательного образования, а именно дистанционное обучение ⁹.

2 июля 1991 г. административный суд Парижа отклонил просьбу господина Керуа, мадам Кашур, господина Балло и мадам Кизик, касавшуюся, с одной стороны, аннулирования решения административного совета колледжа Жан-Жоре в Монфермейе от 28 сентября 1991 г., запретившего ношение исламского платка в колледже, с другой стороны — аннулирования решений ректора академии Кретея от 11 марта 1991 г., утверждающих постановления от 16 декабря 1990 г., по которым дисциплинарный совет колледжа объявил об исключении из учебного заведения их дочерей Самиру Керуа, Аис и Хатис Балло. В сентябре 1990 г. колледж в Монфермейе принял нескольких мусульманских девушек, желающих носить исламский платок, три из которых упорно отвергали все усилия преподавателей и администрации убедить их снять его. По крайней мере, одна из них уже носила его в предыдущем году без видимых трудностей. Административный совет колледжа Монфермейе 28 сентября 1990 г. принял статью 13 внутреннего распорядка, которая «запрещает ношение исламского платка». Истцы инициировали дело против этого постановления в административном суде. Параллельно с этим, административный совет изменил свое положение 9 ноября 1990 г., отменив вышеупомянутое положение и приняв новую статью 13, запрещающую теперь уже «ношение всякого относяще-

гося к одежде или другого отличительного знака религиозного, политического или философского порядка». На основании этого второго постановления трое девушек были исключены из учреждения по причине отказа снимать платок во время занятий. 11 марта 1991 г. глава учебного округа утвердил исключение девушек, которые затем были зачислены в центр национального дистанционного обучения.

Рассмотрим решение Государственного совета от 2 ноября 1992 г. по делу господина Керуа и мадам Кашур, господина Балло и мадам Кизик (ходатайство № 130394; докладчик — Родже-Лакан; уполномоченный государства — Д. Кесслер; адвокат — Гозэ):

«Рассмотрение письменного прошения на имя суда, зарегистрированного в секретариате юридического отдела Государственного совета 25 октября 1991 г., излагаемое для господина Мостефы Керуа и мадам Фатимы Кашур, проживающих по адресу..., и для господина Сатилмиса Балло и мадам Лейз Кизик, проживающих по адресу...; истцы просят Государственный совет аннулировать судебное решение от 2 июля 1991 г., поскольку этим решением административный суд Парижа отклонил их ходатайства об аннулировании решения административного совета колледжа Жан-Жоре в Монфермейе от 28 сентября 1990 г., запрещающего ношение «исламского платка», и решений от 14 декабря 1990 г., согласно которым дисциплинарный совет данного колледжа окончательно исключил их дочерей (Самиру Керуа, Хатис и Аис Балло) из этого учреждения, вместе с решениями главы учебного округа академии Кретея от 11 марта 1991 г., утверждающими вышеназванные решения.

Принимая во внимание Декларацию прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г.; Конституцию от 4 октября 1958 г.; закон о направлении образования от 10 июля 1989 года; административный кодекс; постановление № 45–1708 от 31 июля 1945 г., декрет № 53–934 от 8 сентября 1953 г. и закон № 87–1127 от 31 декабря 1987 г. ...

О выводах, направленных против статьи 13 внутреннего распорядка колледжа Жан-Жоре в Монфермейе.

Ввиду того что, в соответствии со статьей 10 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г.: «Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного зако-

⁹ Там же.

ном»; в соответствии со статьей 2 Конституции от 4 октября 1958 г.¹⁰: «Франция является неделимой, светской, социальной, демократической республикой. Оно обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания»; в соответствии со статьей 10 закона от 10 июля 1989 г.: «В колледжах и лицеях учащиеся располагают, в рамках плюрализма и принципа нейтралитета, свободой информации и свободой выражения. Осуществление этих свобод не может нанести ущерб образовательной деятельности».

В виду того, что принцип светскости государственного образования, который следует из вышеупомянутых положений и который является одним из элементов светскости государства и нейтралитета всех государственных департаментов, требует, чтобы образование осуществлялось, соблюдая, с одной стороны, этот нейтралитет в программах и преподавателями и, с другой стороны, свободу убеждений учащихся; что он запрещает, в соответствии с названными принципами и международными обязательствами Франции, всякую дискриминацию в получении образования, основанную на убеждениях и религиозное принадлежности учащихся; что таким образом признанная свобода учащихся предоставляет им право выражать и проявлять свое религиозное вероисповедание в школьных учреждениях, соблюдая плюрализм и свободу другого и не нанося вред образовательной деятельности, содержанию программ и обязательному прилежанию; что ношение учащимися знаков, которыми они показывают свою принадлежность к тому или иному вероисповеданию, не противоречит принципу светскости, а определяется свободой выражения своих религиозных убеждений, но эта свобода не должна позволять ученикам провозглашать те знаки, которые могут создать акт давления, провокации, прозелитизма и пропаганды, посягать на достоинство и свободу других учеников и членов педагогического коллектива, подвергнуть опасности их здоровье и безопасность, нарушить образовательный процесс, общественный порядок и нормальное функционирование заведения.

Беря во внимание тот факт что, статья 13 внутреннего распорядка колледжа Жан-Жоре в Монфермейе в формулировке от 30 ноября 1990 г. гласит: «ношение любых отличительных признаков религиозного, политического или

философского порядка запрещено», и что данная статья представляет собой абсолютное противоречие вышеназванным принципам, а точнее свободе выражения, признанной у учащихся в рамках принципов нейтралитета и светского характера государственного образования, истцы имеют основание требовать их аннулирование.

О выводах, направленных против решений главы учебного округа академии Кретейя от 11 марта 1991 г., утверждающих решения дисциплинарного совета колледжа Жан-Жоре в Монфермейе об исключении из заведения дочерей истцов (Самиру Керуа и Хатис и Аис Балло): Нет необходимости выносить решения о другом способе, способном поддержать вышеназванные выводы.

Ввиду того, что в результате вступления в силу вышеупомянутых постановлений статьи 13 внутреннего распорядка колледжа, дочерям истцов было отказано в допуске в аудитории и на занятия физического обучения, затем они были полностью исключены из колледжа по причине того, что ношение платка, покрывающего их волосы, являлось нарушением вышеуказанных постановлений; что таким образом даже не было установлено, что условия, в которых носили в данном случае рассматриваемый как знак религиозной принадлежности платок, способны были придать ношению платка заинтересованными лицами характер акта давления, провокации, прозелитизма или пропаганды, нанести вред достоинству, свободе, здоровью и безопасности учеников, нарушить порядок в учреждении и помешать образовательному процессу; оспариваемые решения об исключении были приняты только на основании положений статьи 13 внутреннего распорядка, которые являются незаконными, как это было сказано выше, и, следовательно, вышеупомянутые решения об исключении тоже являются недействительными.

Ввиду всего вышесказанного, господин Керуа и мадам Кашур, господин Балло и мадам Кизик имеют основания утверждать, что административный суд Парижа ошибочно отклонил их ходатайства об отмене статьи 13 внутреннего распорядка колледжа Жан-Жоре в Монфермейе и решений главы учебного округа академии Кретейя, утверждающих постановления об исключении из этого колледжа их дочерей.

Принято решение:

Статья 1. Решение административного суда Парижа от 2 июля 1991 г. отменено, поскольку оно отклоняет требования истцов аннулировать ста-

¹⁰ На данный момент это — статья 1 Конституции Французской Республики, — прим. И. В. Понкина.

тью 13 внутреннего распорядка колледжа Жан-Жоре в Монфермейе и решения об исключении, принятые в отношении их дочерей.

Статья 2. Статья 13 внутреннего распорядка колледжа Жан-Жоре в Монфермейе в формулировке от 30 ноября 1990 г. и решения главы учебного округа академии Кретейя от 11 марта 1991 г., утверждающие постановления от 14 декабря 1990 г., которыми дисциплинарный совет данного колледжа исключил из образовательного учреждения дочерей истцов, аннулированы.

Статья 3. Данное решение будет официально передано господину Керуа, мадам Кашур, господину Балю, мадам Кизик и министру государства, министру Национального образования и культуры».

Уместно также привести выдержки из выступления Давида Кэслера — докладчика в Государственном совете, уполномоченного государства при рассмотрении Государственным советом 2 ноября 1992 г. дела господина Керуа и мадам Кашур, господина Балю и мадам Кизик ¹¹:

«Мы бы хотели сделать несколько замечаний, которыми мы будем руководствоваться в дальнейшем:

А. Первой особенностью этого заявления является то, что оно предписывает способ действия. Хотя Государственный совет одновременно утверждает право на ношение знаков религиозной принадлежности и в то же время признает существование многочисленных исключений, он требует обязательного рассмотрения каждого отдельного случая по существу, чтобы определить, является ли законным ношение знаков религиозной принадлежности. Другими словами, несмотря на то, что разбирательство по делу ношения исламского платка, основанное с самого начала на нескольких отдельных случаях, стало государственным делом, которое противопоставило его приверженцев и противников на почве главных принципов, Государственный совет выбрал, и это нам кажется главным, путь исследования каждого случая. Заметим также, что этот подход был одновременно подчеркнут и одобрен

¹¹ Kessler D. Neutralité de l'enseignement public et liberté d'opinion des élèves (à propos du port de signe distinctifs d'appartenance religieuse dans les établissements scolaires) (Нейтралитет государственного образования и свобода мнения учащихся (по поводу ношения отличий религиозной принадлежности в образовательных учреждениях)). Conclusions sur Conseil d'État, 2 novembre 1992, M. Kherouaa et Mme Kachour, M. Ballo et Mme Kizic // Rev. Fr. Droit adm. Janv.-févr. 1993. № 9 (1).

Высшим Советом в его третьем годовом отчете, появившемся в начале этого года, который видит в таком подходе «способ решения тяжелого конфликта, богатого уроками».

В. Ведя речь о светском характере школьного обучения, решение Государственного Совета стремится, как нам кажется, разрушить слишком суровый подход, который имели некоторые его наиболее пылкие защитники. Светскость не появляется больше как принцип, который утверждает запрет всякого религиозного проявления. Образование является светским, но не потому что оно запрещает проявление религиозности, а, наоборот, потому что оно признаёт все вероисповедания. Это нам кажется особенно важным.

С. Отсюда следует различие, по нашему мнению недостаточно подчеркнутое, между обязанностями учеников и преподавателей. Так как образование носит светский характер, обязательность нейтралитета налагается на преподавателей, которые не могут проявлять на уроке свою религиозную принадлежность. И наоборот, так как свобода сознания является правилом, такой принцип не навязывается ученикам, которые свободны в проявлении своей веры, единственным ограничением этого проявления должна быть свобода другого.

Первая трудность в деле Керуа и Балю состоит в точном определении оспариваемых актов. В административном суде они оспаривали первое постановление внутреннего устава, которое запрещает носить платок, а не второе, более общее. А девушки, тем не менее, были исключены на основе второго постановления. Поэтому нам кажется необходимым переqualificировать их ходатайство и считать, что на самом деле истцы намеревались оспаривать именно второе постановление, а не первое. Вы производите такие замены, если они благоприятны для участников процесса. (Например, решение Государственного Совета от 19 апреля 1950 г. по делу господина Дэлангля, с. 217, в этом случае одно решение было отменено и заменено другим; или статья профессора Дэббаша «Интерпретация административным судьей ходатайств участников процесса» ¹²). Во всяком случае, предположив, что вы согласитесь рассмотреть законность внутреннего устава (что мы и предлагаем вам сделать), вы должны будете в порядке исключения, обсуждая решение об отчислении, основанное на несоблюдении второго постановления, высказаться за законность этого второго пос-

¹² JCP. 1982. № 3085.

тановления. Переквалификация, которую мы вам предлагаем, наиболее удобный способ.

Перед тем как оценить законность внутреннего распорядка, необходимо преодолеть первое значительное препятствие. Все учебники административного права группируют в категорию мер внутреннего распорядка два типа актов: меры внутреннего управления, касающиеся функционирования административных служб, рассмотрение которых вы отклоняете; и меры поддержания внутреннего порядка, т. е. санкции, постановляемые административной властью по отношению к лицам, за которые она ответственна. Этот закон касается главным образом:

- армии: например, отказ в отпуске военным: Государственный совет, 18 октября 1918 г., Вольтрин, Рек., с. 908, или нахождение военного под строгим арестом: Государственный совет, 11 июля 1947 г., Дэваврэн, рек., с. 307;
- тюрем: например о наказании см.: Государственный совет, 6 марта 1935 г., Брюно, рек., с. 295; или помещение подсудимого под более строгую охрану, Государственный совет, Асс., 27 января 1984 г., Кайоль, рек., с. 28;
- и, наконец, лицеев: так, вы отказались проверить запрещение носить в лицах знаки политической принадлежности, Государственный совет, 21 октября 1938 г., Лот, рек., с. 788, или запрещение носить девочкам лыжные брюки, Государственный совет, 20 октября 1954 г., Шапу, рек., с. 541.

Что касается сегодняшнего дела, мы остановимся только на этом последнем аспекте, даже если мы признаем его, чтобы больше к нему не возвращаться, мы не встретим никакой помехи распространению этого закона в будущем на другие области, когда речь будет идти об этом типе актов.

Как отмечает теория, ваша позиция широко объясняется старой поговоркой «*de minimis non curat praetor*». Это скорее из практических соображений не переполнять залы суда второстепенными делами, а не теоретических, вы сделали этот выбор — не контролировать внутренние уставы образовательных учреждений. Тем не менее, мы думаем, что такие сильные теоретические и практические причины способствуют отмене этого правила.

Впрочем, нам кажется, вы уже пошли этим путем, когда вы постепенно согласились рас-

сматривать некоторые решения не как внутренние санкции учебного заведения, а как санкции, отразившиеся на положении ученика: например, решение об отказе в переводе из одного класса в другой, которое вы рассматривали по существу: Государственный совет, 6 июля 1949 г., Андрад, рек., с. 331; разумеется, решения об исключениях из заведений: Государственный совет, 10 февраля 1960 г., Джилль; Государственный совет, 26 января 1966 г., Давэн, рек., с. 626; и даже решение об отказе ученику изменить свой выбор, тогда как распределение учеников по классам это дело внутреннего устава, Государственный совет, 5 ноября 1982 г., Аггар, рек., с. 374...

В реальности это дело показывает, что руководители колледжа Монферейя усмотрели в исламском платке знак, который может ущемить достоинство. Впрочем, они не одиноки. Когда разразилось это дело, мы вспоминали о множестве враждебно настроенных интеллигентов. Эта враждебность была обоснована достоинством женщин. И мнение Государственного совета оставляет компетентным руководителям право ограничивать свободное выражение религиозной принадлежности, если оно мешает выполнению задач государственного образования, одной из которых является поддержание равенства между мужчиной и женщиной. Такой подход не будет, согласно нашему мнению, основан на дискриминации, если такое отношение было принято по отношению к другим знакам такого же характера. И мы спрашиваем себя, искренне ли кое-кто не видел в вашем заявлении возможность основать на этих нескольких строчках запрет на ношение платка. Однако, мы против этого подхода. Не потому что мы скрываем случаи, когда действительно политические или религиозные знаки могут нарушить вышеназванные принципы. Мы считаем, что долг администрации запретить ношение таких знаков, например, знаков, провоцирующих ненависть. Но когда речь идет об исламском платке, такой подход основан не на самом знаке, а на его восприятии. Очевидно, что в центре внимания не сам платок, а символ, который он представляет, и его интерпретация мусульманской религией, в которой некоторые усматривают, ошибочно или нет, инструмент притеснения. Но ни администрация, ни судья не могут признать такой подход, не нарушив принцип светскости государства, религиозной свободы и уважения сознания. Так как рассматриваемый знак сам по себе не противоречит принципам, которые школа защищает, его ношение закономерно, так как провокация и подстрекатель-

ство к прозелитизму из него исключены. Таково наше мнение, и если вы к нему прислушаетесь, вы аннулируете оспариваемые постановления...

Даже если, как мы попытались вам это показать, решение, которое вы примете сегодня, широко совпадает с юридическим мнением генеральной ассамблеи, не следует, как нам кажется, недооценивать важность поставленного перед вами вопроса. В сущности, такой вопрос решается в зале суда впервые. И если вы внимательно слушаете наши доводы, вы впервые аннулируете решение об исключении, принятое по этой причине. А ведь мнение и решение вещи разные. Ваше мнение справедливо старается сохранить разнообразие возможных ситуаций. Судья, чтобы разрешить судебное дело, должен сказать «да» или «нет». И даже если вы предварительно ответите отказом, по нашему мнению этот ответ не будет окончательным...

При рассмотрении дела мы были удивлены противодействием, которое вызывает ваша позиция: в настоящем деле как и министр национального образования, так и административный суд хотели интерпретировать его в значении, противоположном тому, что мы предлагаем вам принять. Уже, как справедливо заметил Дюран-Прэнборнь в своей статье¹³, циркуляр министра отступил вглубь по отношению к той мере, в которой он побуждал заведующих учебными заведениями призывать молодых людей отказаться от ношения религиозных знаков. В решении, приложенном к делу министром, административный суд Нанта 13 февраля 1992 г. утвердил законность внутреннего устава, который вы аннулируете сегодня, и который запрещает ученикам покрывать голову на уроках и в столовой.

Кроме того, мы знаем, что ваше мнение было принято скорее как благоприятное для доктрины, и некоторые комментаторы сетовали на неуверенность в утверждении светскости, но оно не было должным образом воспринято преподавателями, так сильно привязанными к идее светскости. Мы считаем, что эта идея ошибочная. Не только потому, что состояние права изменилось, особенно по причине подписания Францией многочисленных международных конвенций, настаивающих на свободе религиозного проявления, и по этой причине мы не согласны с мнением Дюран-Прэнборня, так как мы думаем, что с самого начала такая свобода была признана нашим собственным правом. Статья 10 нашей Декларации

прав человека гласит, что никто не может преследоваться за свою религиозную принадлежность и ее проявление. И Жюль Ферри в своём знаменитом «Письме к учителям» (ноябрь, 1883) говорил, в сущности, то же самое, он просил учителей передавать ученикам «мудрость человеческую, одну из тех идей, которую человечество веками считало своим достоянием». Он добавлял: «Каким бы узким не оказался вам такой круг обязанностей, считайте своим долгом не выходить из него. Лучше оставайтесь в его рамках, чем пытайтесь выйти за его пределы, вы никогда не приблизитесь с большей тщательностью к такой деликатной и священной вещи, как сознание ребенка».

Остается, чтобы вы своим решением затронули подход, глубоко укоренившийся в преподавательской среде, которая и будет главным «его адресатом».

Так как вы решили построить из этих вопросов отдельное дело, вам необходимо понемногу практически установить контуры и границы такой свободы проявления, а это трудно. Кассационный судья, также как и судья апелляции, больше удалены от дела, чем судья первой инстанции. Таким образом, этот выбор труден, беря во внимание цели этого дела во времена социального порядка, цели, подчеркивать которые здесь нет никакой необходимости. Всё же мы считаем, что такова роль судьи, который становится здесь регулятором общественного порядка: контролировать в каждом отдельном случае, соблюдаются ли принципы, на которых основано наше общество. Утверждая в первый раз в суде, что вопрос ношения исламского платка является не делом принципа, а типичным делом, и поэтому не терпит никакого запрета, мы считаем, что ваше решение имеет большую важность, и на основе указанных доводов делаем вывод об: аннулировании решения административного суда Парижа от 2 июля 1991 г.; аннулировании статьи 13 внутреннего устава колледжа Жан-Жоре в Монфермейе от 30 ноября 1990 г.; аннулировании решения главы учебного округа Академии Кретьея, утверждающего решения от 16 декабря 1990 г., которыми дисциплинарный совет исключил из колледжа дочерей Керуа и Бало».

Член французского Института административных наук, профессор Парижского факультета Поль Тедеша так прокомментировал решение Государственного совета от 2 ноября 1992 г.: «Чтобы определить допустимость ходатайства, поданного истцами сначала в административный суд Парижа, затем на апелляцию в Государственный совет, Высший суд принимает во внимание не тот устав

¹³ Rev. Fr. Droit adm. 1990. № 1.

в его первичной формулировке, на основе которого были исключены ученики, а изменённый устав от 9 ноября 1990 г. Такая замена текста входит в полномочия судьи. Это уже можно было наблюдать в других делах. Это же и отмечает в своём выступлении уполномоченный представитель государства. Зачем нужна такая замена? Исключение девушек из колледжа основывалось на запрете ношения платка, рассматриваемого как отличительный знак религиозной принадлежности. Этот знак причислялся ко всем остальным запрещенным знакам. Внутренний устав колледжа в своей формулировке от 9 ноября 1990 г. запрещал ношение любого отличительного знака. Именно это судья рассмотрел как жалобу потерпевшей стороны. К тому же это изменение руководствовалось задачей исключить данных учеников. Допустимость заявления, в соответствии со статьёй 13 внутреннего устава, сформулированного в общих терминах, становится понятной, так как речь идет о мере внутреннего распорядка, которая, без сомнения, наносит ущерб потерпевшей стороне. Это и есть главный элемент «изменения» юриспруденции, которое представляет решение Государственного совета. Предыдущая юриспруденция старалась отклонить подобные заявления. Например, отказ от рассмотрения иска по поводу запрета ношения ученицами лыжных брюк. Считалось, что такие запреты не ущемляют прав учеников. Школьные запреты и наказания не рассматривались как возможные поводы для судебных исков. Отказ ученику в участии в школьных занятиях зимой в горах и отказ зачислить ученика в определенный класс также не считались приемлемыми для судебного разбирательства. Внутренние меры распорядка в армии, в тюрьмах тоже не могут быть обжалованы. Если же мера касается статуса подчинённого, то Государственный совет принимает иск. Так, отказ перевести ученика из одного класса в другой, а также исключение из учебного заведения были расценены как приемлемые для судебного разбирательства. Доктрина, интерпретирующая правовую практику Государственного совета, разделяет меры внутреннего порядка, которые касаются только функционирования заведения, и меры, которые могут посягать на статус заинтересованных сторон»¹⁴.

¹⁴ Ношение исламского платка как отличительного знака учениками внутри государственного образовательного учреждения / Комментарий члена французского Института административных наук, профессора Парижского факультета Поля Тедеси по решению Государственного Совета от 02.11.1992 г. // *Le Semaine Juridique (JCP)*, Éd. G. № 6.

Как считает профессор факультета права и политологии города Нанта Женеви́ев Куби: «Мнение Государственного совета от 27 ноября 1989 г. о ношении знаков принадлежности к какому-либо религиозному обществу в государственном образовательном учреждении тонко вписывается в судебное решение от 2 ноября 1992 г. Вопрос о совместимости светскости со свободой мнения, выражения или сознания казался неуместным, поскольку связь между свободой сознания и светскостью была очевидна. Соблюдение принципа нейтральности школьных заведений при регулировании выражения и проявления религиозных убеждений казалось главным. Тогда как светскость требовала строгое соблюдение нейтралитета по отношению к личностям этого заведения, она ввела строгое ограничение всякой деятельности различных религиозных обществ. Однако, под новым давлением культурных ассоциаций и во время “возвращения к религии”, свобода сознания приобрела лихорадочные коннотации требовательности. В этих обстоятельствах заявление Государственного совета от 27 ноября 1989 г. констатировало социальную эволюцию и изменение восприятия принципа светскости через понятие “плюрализм” и к понятию “толерантность”».

Делая выводы о деле от 2 ноября 1992 г., государственный представитель на процессе Д. Кесслер уточняет юридическую значимость решения Государственного совета по этому делу: «Светскость больше не является принципом, оправдывающим запрет всякого религиозного проявления. Образование является светским не потому, что оно запрещает выражение различных вероисповеданий, а, наоборот, потому, что оно признаёт их все». И он считает особенно важной перспективу, которая «делает из свободы принцип». Восприятие принципа светскости меняется на новую концепцию религиозной свободы.

В марте 1995 года Государственный совет впервые признал обоснованным отчисление учащихся — в данном случае двух сестер, отказавшихся подчиниться распоряжению учителя физкультуры снять головные платки¹⁵. Суд постановил, что их отказ, в сочетании с демонстрациями перед зданием школы, которые организовал их отец в знак протеста против школьной политики, могли приравняться к вмешательству в учебный процесс. Суд провел разграничение между этим случаем и более ранними делами, в кото-

¹⁵ Conseil d'Etat, 10.03.1995, № 159.981 (Aoukili).

рых школы запрещали религиозную символику в целом¹⁶. В июле 1996 г. Государственный совет рассмотрел дело студенток университета. Декан университета г. Лилль исключил двух студенток за ношение головных платков на том основании, что это противоречит общественному порядку. Суд первой инстанции признал незаконными действия декана, а суд второй инстанции утвердил решение первого суда о том, что не существует законных оснований для лишения женщин, носящих вуаль, доступа к высшему образованию¹⁷. В следующей серии дел, которые рассматривались в ноябре 1996 г., Государственный совет утвердил двадцать три отчисления и отменил семь¹⁸. В семи случаях, когда отчисления были отменены, правилами учебного заведения было в целом запрещено ношение платков. Суд приговорил в каждом случае выплату компенсации за ущерб¹⁹. Практически во всех случаях, когда суд счел отчисления обоснованными, студентки пропустили большое число занятий, особенно уроков физкультуры, и участвовали в демонстрациях против школьной политики, иногда совместно со своими родителями. Охотнее всего суды поддерживали отчисление тех студенток, которые публично протестовали против запрета на выражение религиозных взглядов в школе, поскольку демонстрации считались нарушением общественного порядка²⁰. В конце 1998 г. двенадцатилетнюю школьницу из города Флер (западная Франция) отказались принять в две школы, когда ее отец сообщил школьной администрации, что его дочь не будет снимать вуаль на уроках физкультуры. Отец обратился в административный трибунал, чтобы опротестовать отказ в приеме в школу. Школьный совет колледжа Жан-Моне вмешался и настоял на зачислении ученицы, но учителя отказались признать ее зачисление, мотивируя свой отказ принципом отделения образования от религии²¹.

Решения Государственного совета Франции, неоднократно рассматривавшего «проблему плат-

ков», отражали содержание «понимающей» светскости и сходились в следующем. Сама по себе манифестация признаков религиозности не наносит вреда принципу светскости. Но она становится несовместимой с ним тогда, когда становится показной, становится фактором социального абсентеизма (неучастия в социальной жизни), прозелитизма и волнений в обществе. Ношение в школе предметов одежды, свидетельствующих о принадлежности к определенной конфессии, вступает в противоречие с принципом светскости только в том случае, если носит подчеркнуто-показной характер, связано с пропусками школьных занятий, прозелитизмом и нарушением порядка. Поэтому проблему следует решать в каждом конкретном случае, учитывая обстоятельства. Каждый конкретный случай должен рассматриваться особо²². Кроме того, было решено, что платок запрещается носить на тех уроках, где это мешает учебному процессу или подвергает угрозе здоровье или жизнь учащейся (физкультура, учебные дисциплины труда и технологии и др.).

Такое решение позволило восстановить в школах девочек, исключенных за ношение платка²³. Однако трудность заключается в том, что не был определен конкретный и исчерпывающий перечень указаний, какие из символов могут считаться «нарочитыми», и, таким образом, решение остается за администрацией каждой конкретной школы. Споры выносятся на суд Государственного совета Франции.

По словам непосредственно занимавшегося «проблемой платков» члена Государственного совета Франции Жана-Мишеля Белоржея (в настоящее время — руководитель Департамента Государственного совета), высказанных в личной беседе с автором данного исследования, к апрелю 2002 г. Государственный совет Франции рассмотрел 50 жалоб на запрет ношения платка, было сделано 41 решение в пользу заявителей, то есть в 41 случае было отменено решение директора образовательного учреждения о запрещении ношения платка (подробное описание было приведено в отчете Высшего совета по интеграции от ноября 2000 г.).

²² Belorgey J. M. Laïcité et démocratie. La laïcité dans une société ouverte // Istanbul. 25–26 novembre 1999. Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? Боберо Ж. Светский характер государства.

²³ Belorgey J. M. Laïcité et démocratie. La laïcité dans une société ouverte.

¹⁶ Сестры, по мнению суда, пересекли черту, отделяющую свободу выражения от провокации и прозелитизма. Там же. См. также: Philippe Bernard. Le Conseil d'Etat a confirmé le renvoi de deux collegiennes de Nantua // Le Monde. 13.03.1995.

¹⁷ Conseil d'Etat, 26.07.1996, № 170106 (Université de Lille II).

¹⁸ Philippe Bernard. Le Conseil d'Etat a confirmé l'exclusion de vingt-trois élèves musulmanes voilées // Le Monde. 29.11.1996.

¹⁹ Conseil d'Etat, 27.11.1996, №№ 170941 (Naderan), 172663 (Mechali), 172686 (Jeouit), 172898 (Antar, Mafta).

²⁰ Conseil d'Etat, 27.11.1996, № 172685 (Tlaouziti).

²¹ <http://www.hrw.org>.

Жан-Мишель Белоржей писал об этой ситуации: «Закон о платках для мусульманских девочек разрешает, в том числе и в школе, выражать свою религиозную принадлежность, если это не носит прозелитический характер, не провоцирует беспорядки и не угрожает безопасности или здоровью учеников. Этот закон не является юридическим новшеством, а лишь утверждает положение, что, как и всякая другая, свобода вероисповедания должна быть общедоступной и сочетающейся с другими правами»²⁴.

Весной 2003 г. в печати и в обществе развернулись дебаты, которые свидетельствовали о том, что мнения французов в вопросе о хиджабе разделились. Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного французским институтом BVA, 53% французов поддерживают позицию главы МВД, в то время как 39% полагают, что фотографироваться для документов можно и в головном платке. Еще меньше становится разрыв, когда речь заходит о ношении хиджабов в учебных заведениях. 49% опрошенных высказываются за запрет хиджаба в школе, а 45% считают, что запрещать его не следует. 48% респондентов полагают, что ношение головного платка — это «способ унижить женщину по отношению к мужчине», 43% опрошенных с таким утверждением не согласны. При всем том, 73% французов полагают, что ношение хиджаба — это «способ проявить свою приверженность вере, который не более и не менее шокирует, нежели ношение креста или кипы». По мнению настоятеля Большой парижской мечети Далила Бубакера, проблема хиджаба во многом объясняется тем, что во Франции «существует окружение, которое тебя постоянно отталкивает, что порождает естественную защитную реакцию, которая, в свою очередь, питает агрессивность». В этих условиях для мусульман во Франции «одежда превращается в знак отличия и символ сопротивления»²⁵.

Упорядоченная правовая позиция по вопросу правомерности и допустимости открытого ношения знаков религиозной принадлежности в публичных школах достаточно четко была изложена в специальной Ноте Дирекции юридических дел Министерства образования Франции от 10 марта 2003 г.²⁶ Целесообразно процитировать этот документ полностью:

²⁴ Belorgey J. M. *Laïcité et démocratie. Leçon d'un colloque franco-turc*. Décembre 1999 / Архив автора.

²⁵ Во Франции разгорелся спор о хиджабе // РИА «Новости». 29 апреля 2003 г.

²⁶ Ministère jeunesse éducation recherche. Direction des affaires juridiques, DAJ/SP/№ 00266 Paris. 10.03.2003.

«Изучение решений Государственного совета позволяет очертить точным образом типы действий, которые могут быть внедрены, чтобы ответить на проблемы, поставленные ношением знаков религиозной принадлежности в недрах публичных учебных заведений. Базовый принцип таков, что общее и абсолютное запрещение ношение знаков религиозной принадлежности является незаконным. Однако существует набор обстоятельств, при которых административные власти, администрация и преподаватели образовательных учреждений могут и даже должны действовать, чтобы обеспечить уважение порядка и предупредить или пресечь любую форму прозелитизма.

1. Запрет ношения любого знака религиозной принадлежности учениками школ и публичных учебных заведений незаконен.

Именно базовый принцип, закрепленный уведомлением от 27 ноября 1989 г., был возобновлен юридической практикой, начиная с решения Керуа от 2 ноября 1992 г. Для Государственного совета, светскость публичной школы имеет целью предохранить свободу совести учащихся. И поскольку речь идет о несовершеннолетних, выбор за которых сделан их семьями в том, что касается их религиозного образования, отсюда следует одновременно строгое запрещение на ношение персоналом (преподавательским составом) какого-либо знака религиозной принадлежности, исходя из принципа свободы для пользователей.

Эта свобода — не абсолютная, и уведомление от 27 ноября 1989 г. рассматривает набор случаев, когда ношение знаков религиозной принадлежности может быть строго регламентировано или запрещено. Оно рассматривает также, что религиозные верования, проявляются ли они или нет через ношение специальных предметов одежды, не освобождают учеников от уважения и соблюдения некоторого числа правил, незнание или несоблюдение которых может повлечь за собой санкции.

Абстрактная редакция решения от 27 ноября 1989 г. породила трудности интерпретации²⁷. Именно решения Государственного совета уточнили границы свободы выражения религиозных убеждений учениками публичных образовательных учреждений.

2. Ношение «исламского платка» не может быть запрещено, в принципе, в школах и иных публичных образовательных учреждениях.

²⁷ Как это подчеркивал с самого начала профессор Жан Риверо в комментарии уведомления, который он опубликовал во французском журнале административного права (1990, с. 1), — сноска в самом документе.

Признание такого запрета неправомерным было сделано в связи с волной спорных судебных решений, спровоцированных внедрением циркуляра от 20 сентября 1999 г. Не содержа точных указаний, этот циркуляр позволял подразумевать, что исламский платок принадлежит к категории знаков выражения религиозности, которые уведомление от 27 ноября 1989 г. описывало как «показные» по природе и которые могли в силу этого быть запрещенными. Государственный совет, считая это спорным, отказался следовать такой интерпретации указанного уведомления.

Следует отметить, что термин «платок», используемый в решениях Государственного совета, в основном отсылает к т.н. «исламскому платку», который покрывает корни волос, шею и позволяет выявить весь овал лица. Более легкие платки или менее покрывающие тем более не могут быть запрещены, особенно когда они носят религиозный мотив. Решения Государственного совета, в действительности, предлагают частичную защиту для знаков религиозной принадлежности. Оно не препятствует запрещению ношения фуражек и других головных уборов по мотивам, связанным с уважением к учителю, так как ношение этих головных уборов не связано с выражением религиозного верования.

3. Другие специальные предметы одежды могут и должны быть под запретом в публичных учебных заведениях, даже если они являются выражением какого-то религиозного убеждения.

Очевидно, то же самое относится к предметам одежды, которые закрывают целостность лица, оставляя видимыми только глаза. Они должны быть запрещены, так как они несовместимы с обязательным в образовании контактом между преподавателем и учеником, и потому что они потенциально ставят проблему публичного порядка, представляя собой препятствия идентификации личностей, которые их носят. В публичных образовательных учреждениях нельзя согласиться и с ношением предметов одежды, скрывающих интегральность лица и закрывающих некоторые фрагменты лица. Такие предметы одежды относятся, вне всякого сомнения, к категории знаков религиозной принадлежности, которые, согласно терминам уведомления от 27 ноября 1989 г., являются по своей природе таковыми, что могут нанести вред достоинству ученика.

По мнению Государственного совета, должны быть запрещены одеяния, которые, оставляя полностью открытым овал лица, скрывали бы, к примеру, целостность тела под черной одеждой.

Начиная с некоторой степени, показательный характер специальных одеяний, носимых по религиозным соображениям, на деле есть явление, провоцирующее неловкость в сообществе учащихся и, в частности, у других учеников. Правомерная озабоченность недопущением такой неловкости обуславливает запрещение носить такие одежды в публичных учебных заведениях. Следует подчеркнуть, что это рассуждение не касается ни специфически, ни принципиально ислама. Ношение священной одежды, даже если предположить, что это будет прочувствовано как религиозная необходимость через заинтересованных лиц, не может более быть допущено в публичное учебное заведение.

4. Ношение знаков религиозной принадлежности может быть запрещено, когда оно является элементом неблаговидного поведения.

Когда ношение знаков религиозной принадлежности сопровождается прозелитским поведением, администрация вправе реагировать, принимая два типа мер. Во-первых, она должна жестко пресекать все формы прозелитизма, в независимости от того, связаны они или нет с ношением знака религиозной принадлежности.

Если светскость имеет предметом защиту свободы совести пользователей публичной службы образования, прозелитизм является, очевидно, прямо противоположным этому принципу. Если был выявлен факт осуществления прозелитизма учениками, которые носили знаки религиозной принадлежности, администрация может временно запретить ношение любого знака религиозной принадлежности в учреждении с тем, чтобы предупредить возобновление такого поведения.

Ношение знаков религиозной принадлежности может также быть запрещено, когда оно является причиной или одним из элементов нарушения общественного порядка. Когда ученики, носящие такие знаки, являются зачинщиками беспорядка в образовательном учреждении, эти ученики могут быть наказаны за их поведение, и ношение знаков религиозной принадлежности временно может быть запрещено. Все же надо подчеркнуть, что такие меры могут быть приняты только тогда, когда ученики, носящие знаки религиозной принадлежности, являются источником беспорядка, но не когда беспорядок вызван отказом персонала или других пользователей согласиться на присутствие ученика, носящего знак религиозной принадлежности в условиях, которые не оправдывают сами собой санкцию.

5. Ношение знаков религиозной принадлежности может быть запрещено в некоторых определенных обстоятельствах, даже когда ученики, носящие эти знаки, не позволяли себе неблагоприятного поведения. Если в образовательном учреждении отмечается рост числа инцидентов между разными религиозными общинами, временная запретительная мера ношения любого знака религиозной принадлежности может быть необходима, чтобы способствовать снижению напряженности. В подобного рода ситуациях нет ничего, что позволило бы Государственному совету определить такую временную меру как нелегальную и дискриминационную.

Даже в отсутствие напряженности или нарушений общественного порядка, когда ношение знака религиозной принадлежности принимает массовый характер в учреждении или классе, запретная мера будет обоснована, если администрация в сила убедить судью, что эта мера была необходимой, именно чтобы избежать любой риск давления на учеников той же конфессии, которые не желают носить соответствующий знак религиозной принадлежности, или же увеличение числа учеников, носящих знак религиозной принадлежности, выявляет феномен прозелитизма, от навязчивого давления которого и необходимо защитить учеников.

6. Ношение знаков религиозной принадлежности не избавляет учащегося от его ученических обязательств, установленных в публичном учреждении. Отказ учащихся присутствовать на некоторых занятиях, в независимости от того, носят эти учащиеся знаки религиозной принадлежности или нет, представляет нарушение правил посещения образовательного учреждения.

Отказ носить школьную форму, соответствующую правилам гигиены и безопасности, так же является основанием для санкций, даже если этот отказ основан на мотивах религиозного порядка. Государственный совет также постоянно заявляет, что ношение исламского платка может быть запрещено во время спортивных занятий, в физических и химических лабораториях, на занятиях по химии и физике. Отказ снять платок в этих обстоятельствах может повлечь наказание.

Основанием для санкций также может стать оспаривание содержания образования по мотивам религиозного порядка, когда такое оспаривание принимает провокационную форму или же отражает прозелитские намерения. Также должно пресекаться оспаривание содержания образования, когда такое оспаривание содержит выра-

жение расистских, ксенофобских или негативистских мнений.

7. Эта панорама позволяет выявить главные линии решения Государственного совета и обозначить границу между тем, что легально, и тем, что таковым не является.

Решения Государственного совета не позволяют запретить, в принципе, ношение любого знака религиозной принадлежности в публичных образовательных учреждениях. Но она никоим образом не лишает администрации образовательных учреждений предпринимать определенные действия для защиты светскости, наоборот, она выявляет перечень ситуаций, в которых администрация вправе и должна действовать:

- чтобы запретить ношение знаков религиозной принадлежности, когда такое ношение выходит за рамки того, что обосновано свободой выражения религиозных убеждений;
- чтобы принять меры временного запрета, необходимые для восстановления порядка, или чтобы отреагировать на конкретные факты прозелитизма;
- чтобы пресечь недопустимое поведение, которое может сопровождать ношение знаков религиозной принадлежности».

Немаловажным вопросом является вопрос правомерности и допустимости открытого ношения знаков религиозной принадлежности преподавателями и иными сотрудниками светских школ.

3 мая 2000 г. Государственный совет Франции рассмотрел дело об увольнении одного инспектора экстерната за ношение ею платка во время исполнения своих функций. Такое ее поведение было оценено ректорскими службами как противоречащее принципу светскости государства и нейтралитету публичных служб. Решение административного суда Шалон в Шампани (Châlons-en-Champagne) по этому вопросу было рассмотрено Государственным советом, согласно процедуре, предусмотренной в статье 12 Закона № 87–1127 от 31.12.1987, касающейся реформы спорных административных вопросов. В постановлении от 03.05.2000 г. Государственный совет заявил, что для сотрудников публичных служб образования недопустимо ношение знаков религиозной принадлежности в рамках исполнения своего функционала, в независимости от степени, при этом в дисциплинарном плане, последствия этого нарушения должны быть оценены администрацией под контролем судьи, с учетом всей

природы и степени демонстративного характера этого знака, как и других обстоятельств, в которых зафиксировано нарушение. В постановлении отмечалось, что если деятели общественной службы в образовании пользуются, как все другие общественные деятели, свободой совести, которая запрещает любую дискриминацию в доступе к функционалу и в карьерном росте по религиозному признаку, то принцип светскости препятствует проявлению ими своей религиозности²⁸.

Возвращаясь к вопросу правомерности и допустимости открытого ношения знаков религиозной принадлежности учащимися светских школ, следует отметить, что решения Государственного совета от 27 ноября 1989 г., от 2 ноября 1992 г. и др. предлагали администрациям исходить из более гибкой и конкретной интерпретации светскости.

Как утверждает член французского Института административных наук, профессор Парижского факультета Поль Тедеш, светскость не ведет к полному запрету всякого отличительного знака и религиозного убеждения, а наоборот считает, что любое выражение вероисповедания является частью прав человека. С точки зрения прав человека и демократической традиции, такой запрет противопоставляется свободе мысли и её выражению, а именно в этом направлении должен пониматься принцип светскости, являющийся основой нейтралитета государства²⁹.

11 декабря Комиссия Бернара Стази в своем итоговом докладе представила предложение запретить в школах и лицеях открытое ношение знаков религиозной принадлежности.

В январе 2004 г. прошли массовые манифестации и протесты мусульманского населения против законопроекта, запрещающего ношение мусульманских платков в светских школах.

17 января 2004 г. около 20 тысяч мусульман в Париже и предместьях провели демонстрации против этого законопроекта. После демонстраций, председатель Комиссии по светскости Бернар Стази заявил 18 января 2004 г., что «это была бы катастрофа, если бы Республика должна была склониться перед исламистами». Председатель

²⁸ LII. 2000. № 46. P.11.

²⁹ Ношение исламского платка как отличительного знака учениками внутри государственного образовательного учреждения / Комментарий члена французского Института административных наук, профессора Парижского факультета Поля Тедеш по решению Государственного Совета от 02.11.1992 г. // *Le Semaine Juridique (JCP)*, Éd. G. № 6.

UMP Ален Жюппе заявил 18 января 2004 г., что обеспокоен «армрестлингом между политико-религиозными движениями и Республикой». Франсуа Олланд, первый секретарь социалистической Партии, выразил озабоченность тем, что дебаты вокруг светскости государства благоприятствуют крайне правым³⁰.

28 января 2004 г. законопроект, запрещающий ношение знаков религиозной принадлежности в школах и лицеях страны, был представлен в Совете Министров, где он был обсужден. Текст законопроекта, который включал три статьи³¹, был составлен министром национального образования Люком Ферри и представлен премьер-министром Жан-Пьером Раффареном³². 10 февраля 2004 г. Национальная Ассамблея (нижняя палата парламента) одобрила законопроект 494 голосами «за» (лишь 36 — «против»). 3 марта 2004 г. Сенат принял в первом чтении законопроект, запрещающий «явное» ношение знаков религиозной принадлежности в публичной школе 276 голосами против 20.

Статья 1 Закона № 2004–228 от 15 марта 2004 г. о применении принципа светскости относительно ношения в школах, колледжах и общественных лицеях знаков или предметов одежды, проявляющих религиозную принадлежность, гласила³³:

«Дополнить Кодекс об образовании после статьи L. 141–5 статьей L. 141–5-1 следующего содержания:

“Статья L. 141–5-1. В школах, колледжах и общественных³⁴ лицеях ношение знаков или предметов одежды, которыми учащиеся явно проявляют религиозную принадлежность, запрещается.

В соответствии с внутренним регламентом, использованию дисциплинарной процедуры предшествует беседа с учащимся.”»

Закон начал действовать с сентября 2004 г.

³⁰ Ariane Chemin, Xavier Ternisien. Vingt mille musulmans défilent pour défendre le port du voile // *Le Monde*. — 20.01.2004.

³¹ Projet de loi relatif à l'application du principe de laïcité dans les écoles, collèges et lycées publics // NOR: MENX0400001L/Rose / Ministère de la jeunesse, de l'éducation nationale et de la recherche de la République Française.

³² Projet de loi sur la laïcité // *La Croix*, 27.01.2004.

³³ *Journal Officiel*. — 17.03.2004. — № 65. — P. 5190. Пер. с фр: И. В. Понкин.

³⁴ Имеются в виду образовательные учреждения, находящиеся в ведении государства, департаментов и коммун, — прим. И. В. Понкина.

IslamRF.Ru

**ИСЛАМ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Ежеквартальный альманах

Выпуск № 3–4 (31–32) 2013

Ответственный за выпуск — **С. Бородай**

Верстка — **А.А. Панышин**

Корректор — **Т.М. Мاستюгина**

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС77-35773 от 25 марта 2009 г.

Тираж 3 000 экз.

Издательский дом «Медина»
129090, Москва, Выползов пер., д. 7
Тел./факс (495) 681-73-72 доб 106, 128
+7 926-527-47-81 — Ильдар Анварович Нуриманов
E-mail: info@idmedina.ru

Представитель ИД «Медина» в Нижнем Новгороде:
+7 920-297-97-99 — Ренат Вафович Ислямов
E-mail: islamnov@gmail.com

Представитель ИД «Медина» в Казани:
+7 917-876-81-71 — Айдар Юрьевич Хабутдинов
E-mail: aihabutdinov@mail.ru

Представитель ИД «Медина» в Уфе:
+7 937-304-48-85 — Ринат Талгатович Сагитов
E-mail: sagitov_rt@mail.ru

www.islamsng.com
www.idmedina.ru
www.islamrf.ru
www.dumrf.ru
www.miu.su